

НЕКЛАСНОЕ ЧТЕНИЕ

И. Г. Милославский

Зачем нужна грамматика?

«РУССКОЕ СЛОВО»

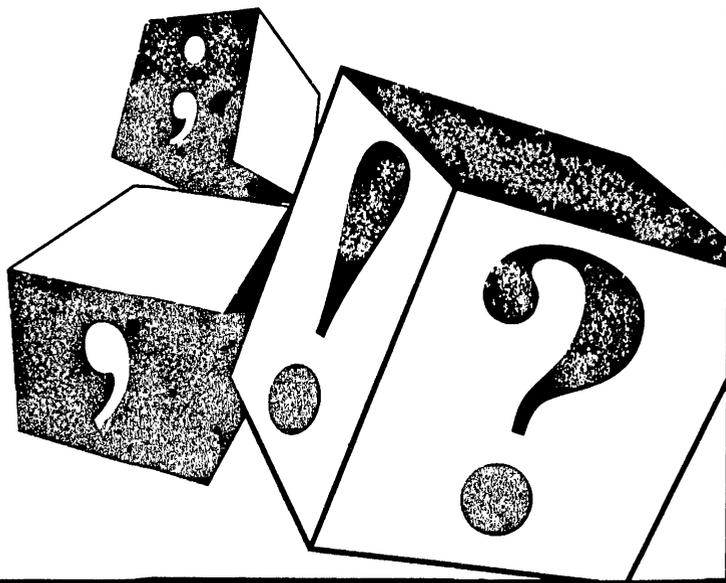
8-10
классы

**КЛАД
ЗНАНКА**

**ЕЗЬ
И**

Увы, многие полагают, что грамматика занимается только тем, что связывает между собой слова и предложения. Конечно – это дело грамматики. Но главное – грамматика необходима прежде всего для выражения смысла. И это очень важно понять. Как бы ни были важны проблемы орфографии и пунктуации, все эти проблемы возникают лишь в том случае, когда у человека есть что сказать, есть мысль, которую он хочет и должен выразить – в устной или письменной форме.

И. Г. Милославский

Зачем нужна грамматика?

Книга для внеклассного чтения

8-10 класса

МОСКВА «РУССКОЕ СЛОВО» 2000

Рецензенты:

действительный член АПН СССР,
доктор филологических наук, профессор

В. Г. КОСТОМАРОВ;

учитель русского языка и литературы
средней школы № 75 Санкт-Петербурга

И. М. ЕПАНЧИНЦЕВА

Серийное оформление

Л. М. ОГРЫЗКО

М 60

Милославский И. Г.

Зачем нужна грамматика?: Кн. для внеклассного чтения учащихся 8–10 кл. ср. шк. – М.: Русское слово – РС. – 2000. 168 с. – (Серия «Кладезь знаний»).

ISBN 5–8253–0005–8

В книге раскрывается богатство грамматических средств русского языка, которые позволяют передавать тончайшие оттенки смысла.

Книга рассчитана на старшеклассников, но она будет интересна всем, кто интересуется русским языком.

© Издательство «Просвещение», 1988

© ООО «Торгово-издательский дом

«Русское слово – РС», 1999

© Л.М.Огрызко. Серийное оформление, 1999

ISBN 5–8253–0005–8

Чем занимается грамматика?

Можно ли совершенно одинаково интересоваться строением вулканов и неправильными глаголами, законами взаимодействия частиц и загадкой библиотеки Ивана Грозного, устройством компьютера и натюрмортами?.. Ну, допустим, человек разносторонне одарен от природы, все мгновенно понимает и запоминает. Но ведь на то он и человек, чтобы непременно спросить: «Это просто интересно или это мне для чего-нибудь нужно?» А поняв, для чего это нужно, воодушевиться еще сильнее или, наоборот, охладеть.

Чем бы современный школьник ни занимался в будущем — медициной, экономикой, техникой, он может и должен представить себя за компьютером. А вот представить себя в пустыне, животный мир которой необходимо выучить к завтрашнему уроку, не так уж легко. Но прелесть жизни — в ее непредсказуемости. Может быть, придется строить города в пустыне, лечить там людей — как же тогда без знаний о животном мире пустыни! К тому же то, что сегодня необходимо знать только нескольким людям, завтра может пригодиться многим.

И все-таки вопрос о том, зачем нужно то или иное знание, совершенно естественный и законный. Не ставить его — значит проявить либо непростительный инфантилизм, либо неоправданное равнодушие к собственным занятиям. И даже если увлечение предметом столь велико, что вопрос о его нужности в данный момент не возникает, он непременно должен возникнуть рано или

поздно. И пусть лучше это произойдет раньше, чтобы избежать горьких разочарований о напрасно затраченных усилиях или сожалений о неиспользованном времени.

Книга, которую вы начали читать, называется «Зачем нужна грамматика?». В школе вы много времени тратите на изучение этого раздела русского языка: запоминаете правила, делаете грамматический разбор. Все это имеет весьма важные практические цели: помогает усвоить орфографию и пунктуацию. В самом деле, написать правильно окончания у существительных с предлогом: *в поле, в городе, в деревне, в области, на станции* — можно лишь в том случае, когда умеешь выделить окончание. Однако этого мало. Необходимо правильно определить падеж существительного, а также его склонение, что, в свою очередь, можно сделать, только зная род существительного, а также его начальную форму.

Разумеется, трудно не ошибиться в постановке знаков препинания в том случае, если не умеешь различить, например, однородные подлежащие (*Поспевает рожь и пшеница*) и простые предложения, входящие в состав сложносочиненного (*Поспевает рожь, и уже наливаются колосья пшеницы*).

Итак, знаешь грамматику — овладеешь правилами орфографии и пунктуации. Правда, для этого придется еще несколько попрактиковаться в самих этих правилах (и исключениях из них). Найдутся также случаи, когда и грамматика не помогает, например, надо просто запомнить слова с безударными гласными типа *бакалея, винегрет* и т. п. Поэтому точнее будет такое утверждение: не знаешь грамматики — не сумеешь освоить правила орфографии и пунктуации.

Граматику можно в этом случае сравнить с арифметикой, а орфографию и пунктуацию — с такими разделами математики, как алгебра и геометрия. Если знать только арифметику, автоматически задачу по алгебре или геометрии не решить, нужно еще алгебру или геометрию освоить. Но без знания арифметики

получить правильный ответ для задач по алгебре или геометрии просто невозможно. Как, впрочем, и для задач по физике или химии...

Разумеется, следует понимать, что законы математики, физики, химии отражают «устройство» окружающего нас мира. А правила орфографии и пунктуации в определенном смысле условны, они — результат соглашения между людьми. Своего рода «общественный договор». Как левостороннее или правостороннее дорожное движение. Но знание этих правил-«соглашений» ничуть не менее необходимо для нормальной жизни и общества в целом, и каждого человека в отдельности, чем знания объективных законов природы.

Представьте себе, как было бы трудно людям воспринимать информацию, если бы предложение *В огороде растут огурцы и помидоры* один писал «Вагароди разтуд агурции памедоры», другой «Вогароди ростуд огурцы ипомедоры», третий — еще как-нибудь в том же «индивидуальном» стиле. Было бы очень скверно, если бы такой разнобой и внутренняя нелогичность, беспорядочность касались сферы бытового общения. Но общение в области науки и техники стало бы просто практически невыносимым... Каждый, кто хотя бы раз сидел за компьютером, знает, что машина не желает разговаривать с пользователем, нарушающим орфографические правила того языка, который она знает. И хотя правила орфографии и пунктуации меняются, можно утверждать, что развитие культуры невозможно без их усвоения.

Однако неужели цель изучения грамматики только в том, чтобы писать без ошибок? Конечно, нет. Мы ведь не только пишем или читаем, но по преимуществу говорим сами или слушаем других: товарища, учителя, передачу по радио или телевидению.

Чтобы понять роль грамматики в этих случаях, лучше обратиться к вашему опыту, связанному с изучением неродного языка. Допустим, что вы изучаете в качестве иностранного английский язык. Тогда грамматика, в частности, необходима для того, чтобы

уметь обозначить множество предметов в отличие от одного (путем прибавления к словарной форме существительного *-s*) или для обозначения того, что действие имело место в прошлом (путем прибавления к словарной форме глагола *-ed*).

Благодаря грамматике русского языка вы также можете обозначить и множество предметов, и действие в прошлом. Правда, для обозначения множества предметов в русском языке имеется не одно, а несколько весьма распространенных окончаний (*день — дни-и, город — город-а, стол — стол-ы, поле — пол-я*), но в принципе здесь нет ничего нового в сравнении с английским языком.

Кроме того, с помощью грамматики мы различаем в русском языке с у б ъ е к т и о б ъ е к т действия, поскольку первый обычно выражается формой именительного падежа, а второй — винительного. (*Москва приветствует гостей. Мать любит сына.*)

Грамматические показатели — окончания, располагаясь в конце слова, сигнализируют слушающему и читающему об определенном значении, смысле, который хотел выразить говоривший или писавший. В самом деле, если мы слышим или читаем: *В одном переулке стояли дома*, мы понимаем, что речь идет не об одном доме, а о нескольких, ситуации, имеющей место не сейчас, а в прошлом. А вспоминая о доме, который построил Джек, мы понимаем, что речь идет не о строящемся или планируемом, но уже выстроенном Джеком доме.

Все это мы узнаем благодаря грамматике. Ведь бесполезно искать в словаре слова *построил, дома* или *стояли*. Их в словаре будут заменять слова *построить, дом* и *стоять*, которые, однако, обозначают не совсем то же самое, поскольку называют соответствующие действия вообще без всяких временных характеристик, а о предмете сообщают, что он один-единственный.

Следовательно, грамматика необходима для выражения определенного с м ы с л а . И это очень важно понять. Как бы ни были важны проблемы орфографии, пунктуации, культуры речи (гово-

ри *алфавит*, а не «алфáвит»; *езжу*, а не «ездию» и т. п.), все эти проблемы возникают лишь в том случае, когда у человека есть что сказать, есть мысль, которую он хочет и должен выразить — в устной или письменной форме.

Так вот, грамматика участвует в выражении смысла, содержания. Увы, этого многие не понимают, полагая, что грамматика занимается только тем, что связывает между собой слова и предложения. Конечно, установление таких связей — дело грамматики. Построенное без грамматики предложение «Твоя моя понимай» может вызвать лишь улыбку и далеко не всегда воспринимается слушающим именно так, как хотел бы того говорящий.

Какие же смыслы передает грамматика? Ясно, что далеко не все. Если мы хотим различить петуха и лягушку, зеленый цвет и сладкий вкус, то, что некто пишет, а другой читает, — для всех этих, как и для множества других, случаев мы должны просто выбрать соответствующие слова, и грамматика здесь абсолютно ни при чем.

О чем эта книга и как она построена

Вам хорошо известны такие грамматические характеристики, как число, род, падеж существительных, время, вид, наклонение глаголов. Отражают ли эти грамматические характеристики слов объективные характеристики предметов и действий? Можно ли сказать, что грамматическое число и количество предметов — это одно и то же? Всегда ли настоящее время указывает на действие, совершаемое в данный момент, а прошедшее — на действие, которое произошло до момента речи? Или «грамматическое зеркало» не похоже на обычное?

Вопрос о том, как именно в каждом конкретном случае связаны грамматические характеристики слов и содержательные свойства объективной действительности, очень важен для каждого человека. И для того, кто передает информацию (говорит или пишет), и для того, кто ее получает (слушает или читает). Первый должен

облечь свой замысел в нужную языковую форму. Второй — изъять из данной формы вложенное в нее содержание.

Превращение своих мыслей в речь и осмысление речи собеседника представляет собой, как сказали бы кибернетики, черный ящик. Иными словами, мы имеем материал на входе и на выходе, а то, что происходит с материалом между двумя этими состояниями, нам неизвестно.

Психологи говорят, что человек, хорошо владеющий языком, производит речевые действия интуитивно. По отношению к родному языку это позволяет решить две задачи: сделать собственную речь более точной, выразительной и краткой, а также научиться воспринимать в чужой речи тонкие оттенки мысли и чувства.

Книга состоит из трех глав. Самая важная и большая глава — первая. В ней идет речь о роде, числе, падеже, одушевленности существительного; степенях сравнения прилагательного; виде, наклонении, времени, залоге глагола. Для рассмотрения избраны именно те грамматические признаки слов, которые представлены в обычном грамматическом разборе и которые настолько привычны читателю, что он не задумывается над тем, какая разнообразная содержательная информация может за ними стоять. (Исключение представляет только залог, о котором нет сведений в школьных учебниках.)

Цель речевого общения не в том, чтобы употребить существительное в определенном падеже или глагол в определенном виде или времени. Цель речевого общения в том, чтобы понять и выразить определенное содержание. А род, число, падеж существительных и прилагательных, вид, залог, время, наклонение глагола лишь служат средством для выражения этого содержания.

Во второй главе рассматриваются так называемые капризы формы существительных, прилагательных и глаголов.

В третьей главе говорится о том, какую ценность представляют все эти сведения для человека, когда он сам говорит и пишет или слушает и читает.

Книгу не обязательно читать в той последовательности, как она написана. Однако у автора есть своя логика изложения, и хотелось бы, чтобы читатель ей следовал. «Прочти хотя б до половины, авось — прочтешь и до конца», — писал А. Т. Твардовский. Каждый автор мечтает об этом...

Если в книге, которую вы начали читать, получилось что-то не так, виноват автор. Но если что-то удалось, то к этому причастны, коллеги автора по работе в МГУ доктор филологических наук А. Е. Кибрик и доктор физико-математических наук М. Г. Мальковский. Автор публично хочет сказать им спасибо за замечания и предложения, которые помогли улучшить книгу.

Известно, что слова называют, обозначают явления действительности. При этом разные языки по-разному могут обозначать одно и то же явление. Так, например, время, за которое земля совершает полный оборот вокруг своей оси, по-русски обычно обозначается словом *сутки*, а по-английски словосочетанием *twenty four hours*. Правда, и по-русски можно сказать *двадцать четыре часа*, но по-английски соответствующий период времени словом вообще не обозначается.

Большинство слов русского языка, взятые сами по себе и в составе предложения, обладают определенными грамматическими характеристиками. Во многих случаях эти характеристики участвуют в обозначении свойств объективной действительности. Только делают они это, так сказать, не всегда прямо и точно. Подобно тому как анализ крови или температура тела не всегда дает прямой и точный ответ на вопрос о состоянии здоровья человека.

Постараемся убедиться в различии между грамматической характеристикой слова и той характеристикой действительности, которую это слово называет.

ГЛАВА 1. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СЛОВ И СВОЙСТВА ПРЕДМЕТОВ, ПРИЗНАКОВ И ДЕЙСТВИЙ

Род существительного и пол существительного Как определить род существительного?

Наверно, тема «Род существительных» — одна из самых простых в грамматике русского языка. А, кстати, как вы определяете род существительных? Если через форму согласуемых слов *какой, какая, какое*, то правильно делаете. А если через замену существительных местоимениями *он, она, оно*, то неправильно. Какая разница? В большинстве случаев, действительно, никакой. *Какой город был! Он...* — значит, *город* — существительное мужского рода. *Какая деревня была! Она...* — значит, *деревня* женского рода. *Какое село было! Оно...* — *село* среднего рода. А вот если надо определить род у слова *учитель*?

«Ясное дело, — кое-кто скажет, — если Мария Федоровна, то род женский, а если Ефим Емельянович, то мужской». Правильный ли это ответ? К сожалению, нет, хотя можно сказать: *Он — учитель* и *Она — учитель*. Дело-то все в том, что вопрос идет о слове *учитель*, а не о том лице, которое этим словом обозначается. А слово *учитель* — мужского рода. Потому что согласуемые с ним слова, прилагательные (*хороший*), местоимения (*наш*), числительные (*пер-*

вый), стоят именно в такой форме, как здесь указано, т. е. в форме мужского рода. А в форме женского рода прилагательные, местоимения, числительные (*хорошая, наша, первая*) с существительным *учитель* соединяться не могут. Так что прием определения рода существительного через *он, она, оно* иногда может и подвести. А вот способ через согласуемые определяющие слова всегда дает правильный результат. Поэтому лучше только им и пользоваться.

Сколько родов у русских существительных?

Все ли русские слова распределяются на три рода: мужской, женский и средний род? Конечно, нет. Слова, которые имеют формы только множественного числа типа *сливки, духи, ножницы, сани, ворота*, ни к одному из трех родов не относятся.

Однако на это утверждение можно возразить следующим образом: «Во множественном числе вообще никаких родов нет. Например: *Какие были города, деревни, села! Они...*» Это верно, но не всегда. Возьмем предложение *Вспоминаю эти дни, каждый из которых был расписан по минутам* и попробуем вместо слова *дни* подставить *ночи*. Тогда и *каждый*, и *был*, и *расписан* придется заменить на *каждая была расписана*. А если бы слово множественного числа *сутки* подставить, то ни первое, ни второе решение не подходит, да и формы среднего рода не помогают, нужно *каждые из которых были*. Значит, есть в русском языке слова, которые не относятся ни к мужскому, ни к женскому, ни к среднему роду.

А вспомним про слова так называемого общего рода типа *невежа, неряха, соня, забияка*, которые сочетаются с согласуемыми словами и мужского рода вроде *этот ужасный* и женского вроде *эта ужасная*.

А как быть со словами *директор, секретарь, доктор*? На первый взгляд, они — общего рода. Ведь можно сказать и *наш уважаемый доктор*, и *наша уважаемая директор (секретарь, доктор)*. И хотя последнее и не всем нравится, но ведь говорят так, и строгие нормативные грамматики (своеобразный ГОСТ для русского языка!) это допускают.

Однако настоящие слова общего рода — *соня, забияка* — сочетаются с определяющими словами мужского и женского рода не только в именительном, но и во всех других падежах: *с этим ужасным забиякой и с этой ужасной забиякой, к нашему милому соне и к нашей милой соне*.

А вот с *директором, секретарем, доктором* (я, конечно, слова имею в виду) так уже не поступишь, только *с нашим строгим директором, к нашему уважаемому секретарю*. Попробуйте у прилагательного и местоимения вместо мужского женский род поставить — не по-русски совсем получится.

Какие же странные слова *директор, секретарь, доктор*: в именительном — общего рода, а в других падежах — мужского. Иногда их, по-моему, удачно называют кандидатами в слова общего рода.

Интересно, что эти «кандидаты в общий род» продвинулись по направлению от мужского рода к общему в разной, так сказать, степени. Вспомним, что родовую принадлежность существительного, помимо уже обсужденных признаков, выявляет форма глагола в прошедшем времени: *дом был, деревня была, село было, сани были*. Так вот, такие, например, слова, как *агроном* или *хирург*, первый шаг от мужского рода к общему уже сделали. Можно сказать *агроном (хирург)* сказал и сказала. А вот следующего шага еще нет: нельзя сказать *Она хорошая хирург (агроном)*, а только *Она хороший хирург (агроном)*.

Итак, существительные в русском языке могут относиться к мужскому, женскому, среднему, общему роду. Есть еще кандидаты, обладающие разной степенью подготовки и движущиеся из мужского рода в общий... Кроме этого, встречаются слова типа *сутки*, которые нельзя отнести к какому-либо роду.

Главное — иметь возможность выбрать

Понятие «количество информации» в математике базируется на представлении о вероятности того или иного события. Если вероятность какого-либо события равна 100%, то количество инфор-

ма́ййи о том, что данное событие произошло, равно нулю. И наоборот, чем меньше вероятность какого-либо события, тем больше количество информации в сообщении о том, что оно произошло. В самом деле, когда вам сообщают, что после зимы наступила весна, то в этом сообщении, строго говоря, нет никакой информации. А вот если вам сообщили, что в Москве в мае выпал снег, то это уже информация. Причем тем более значительная, чем меньше была вероятность такого события.

Это очень простая в принципе идея полностью приложима к родовой характеристике существительного. Если для существительных мужского, женского, среднего рода уже заранее, на 100%, предопределено, в какой именно форме выступят согласованные с ними слова (прилагательные или другие слова, склоняющиеся так, как прилагательные, и глаголы в прошедшем времени изъявительного наклонения и в сослагательном наклонении), то ценность информации, представленной в формах этих слов, равна нулю. Ведь ничего другого и не могло появиться!

А вот для существительных общего рода (и для «кандидатов в общий род») такой жесткой предопределенности нет. Там может быть форма и мужского и женского рода. А раз есть неопределенность, есть выбор, значит, есть и информация.

О чем информация? О поле того существа, которое обозначено существительным. *Ужасный неряха* — лицо мужского пола, а если *ужасная неряха* — то женского пола. *Директор пришла* — это значит, что директор — женщина. А если *директор пришел*, значит, директор — мужчина? Совсем не обязательно, не торопитесь! Если мужской род у глагола, связанного с существительным — «кандидатом в общий род», то пол лица неизвестен.

А теперь уже о поле

Род существительных и пол лица или животного — вещи абсолютно разные. Род существительных характеризует слово, а

пол — определенная характеристика того живого существа, которое обозначено этим словом. Говорить о поле предметов, которые не являются живыми существами, бессмысленно. А род у слов, обозначающих эти предметы, конечно же, есть.

И если не различать род существительного и пол существа, то можно попасть в весьма курьезные ситуации. Выдающийся русский филолог В. В. Виноградов в книге «Русский язык» рассказал о царском цензоре, который вычеркнул словосочетание *нагая истина*, аргументируя свой поступок тем, что «истина — женского рода и потому неприлично ей выходить в свет нагой».

Не будем вдаваться в обсуждение представлений чинуши прошлого века о приличиях. Поймем лишь то, что слово истина, действительно, женского рода, но вопрос о том, какого пола то, что этим словом обозначено, никакого смысла не имеет.

А вот слово *потугай*, например, мужского рода. Однако это совсем не значит, что все птицы, называемые таким образом, непременно самцы. Среди них, естественно, есть особи и мужского, и женского пола. То же самое относится и к такому слову, как *обезьяна*. Слово это, конечно, женского рода. Но им называют и самцов, и самок.

Иными словами, зная принадлежность слова к тому или иному роду, мы, строго говоря, ничего определенного не можем сказать о поле того, так сказать, «предмета», который этим словом обозначен. А в тех случаях, когда этот предмет неодушевленный, вопрос о поле вообще не имеет смысла.

Почему лук — дед, а морковь — девица?

Конечно же, каждый из вас знает песню о тонкой рябине, что «стоит, качаясь», и о высоком дубе, который «через дорогу, за рекой широкой», и о том, что «нельзя рябине к дубу перебраться». И каждому ясно, что речь-то, конечно, не о деревьях, а о несложившемся женском и мужском счастье (*рябина* — существительное женского рода, *дуб* — существительное мужского рода). Однако это лишь образ, представление,

возникающее у исполнителя и слушателя песни. А реально в тексте речь идет о деревьях, и ставить вопрос об их поле как-то даже странно.

Или в загадках, например, та же параллель проводится: *Сидит девица в темнице, а коса на улице*. А почему, собственно, девица? Да потому, наверное, что отгадка — слово *морковь* — женского рода. А кто такой дед, который в сто шуб одет и раздевающий которого слезы проливает? Известное дело, лук! И по поводу шуб и слез все с ним ясно, а вот почему же дед, непонятно. Не иначе как из-за мужского рода слова *лук*.

) Вообще же в качестве средства для создания образа (подчеркиваю именно это слово!), особенно в лирике, используется представление о том, что слово мужского рода символизирует мужчину, слово женского рода — женщину, а слово среднего рода — не поймешь что. Последний образ использовал, в частности, М. Е. Салтыков-Щедрин в сказке «Добродетели и Пороки»: «Произошло между ними в ту пору существо среднего рода: ни рак, ни рыба, ни курица, ни птица, ни дама, ни кавалер, а всего помаленьку. Произошло, выровнялось и расцвело. И было этому межеумку имя тоже среднего рода: Лицемерие...»

Подчеркнем еще раз, что во всех этих случаях речь идет именно об образах, а вовсе не о реальном поле того «предмета», который назван соответствующим существительным. Вообще родовая принадлежность существительного очень часто никак не связана с его значением. Мы не можем объяснить, почему *потолок* — мужского рода, *стена* — женского, а *окно* — среднего. И нередко в двух языках, где у существительных есть категория рода, существительные с одним и тем же значением могут принадлежать к разным родам.

В обычных текстах это обстоятельство не создает затруднений для переводчиков. Но в текстах, где важен элемент образности, такое несоответствие в роде существительных может приводить к разрушению образа. Об этом, в частности, писал выдающийся лингвист Л. В. Щерба, разбирая стихотворение М. Ю. Лермонтова «На севере диком стоит одиноко» (перевод из Г. Гейне).

По мнению учёного, М. Ю. Лермонтов изменил образную систему стихотворения, заменив мужской род оригинала (ein Fichtenbaum) на женский род существительного *сосна*, оставив неизменным женский род в слове *пальма* (die Palme). В тех же переводах, где выступают *пальма* и *кедр*, образная система стихотворения точно соответствует оригиналу.

Однако вернемся к роду в том виде, в каком он выступает в наших повседневных, обычно лишенных образности ситуациях.

Строго говоря, сказанное выше о словах общего рода представляет собою правила употребления слов общего рода. Однако на практике говорящие на русском языке нередко это правило нарушают, строя предложение типа «Петя — ужасная плакса», т. е. обращаясь со словом общего рода так, будто бы оно принадлежит к женскому роду. И это понятно, поскольку к такому употреблению толкает окончание *-а* в именительном падеже единственного числа. Да и пол характеризуемого как *плакса* ясен из имени. Однако такие употребления все же находятся за пределами того, что диктует норма литературного языка.

В языке, как и в жизни, ценность многих вещей меняется в зависимости от обстоятельств. Например, спички — вещь совершенно лишняя для человека, живущего в городской квартире с электроплитой. А вот при ночевке в лесу едва ли найдется вещь более важная, чем спички.

Так и с родовыми окончаниями прилагательных и глаголов. Нет за ними никакого содержания, если стоят они при словах мужского, женского, среднего рода. А если при словах общего рода — они начинают играть важную роль. Подчас, как в предложении с *Сашей*, только благодаря им мы и узнаем, о ком же речь — о мальчике или о девочке.

Отступление на тему «да», «нет», «неизвестно»

Мы очень привыкли к тому, что если за каким-нибудь знаком (в данном случае за родовым окончанием) стоит какое-то содержание, то

неприменно какое-то одно. А если и одно и другое, то это уже кажется чем-то странным. Однако что же здесь необычного? Вот у квадратного уравнения тоже может быть два корня. И если мы говорим *учительница*, то значит — женщина, а если *учитель*, то это может обозначать и мужчину, и женщину.

Увы, некоторые люди этой неоднозначности, неопределенности многих слов никак не хотят понять. Поэтому и пишут в Российской Академии наук возмущенные папы и мамы, прочитав в «Детском мире» плакат «Подарок первоклассникам»: «А почему подарки только для мальчиков? Девочкам-первоклассницам тоже принято подарки покупать». А дело в том, что множественное число в слове *первоклассники* обозначает вообще всех первоклассников: не одних мальчиков, но и девочек тоже.

Если, посмотрев чеховского «Дядю Ваню», я говорю: *Актеры играли замечательно*, это совсем не обязательно значит, что дядя Ваня, Серебряков, Астров были очень хороши, а Соня и Елена Андреевна — так себе. Если бы я захотел выразить именно эту мысль, то сказал бы нечто вроде того, что исполнители мужских ролей были великолепны, а вот актрисы — не очень.

Однако, строго говоря, предложение *Актеры играли замечательно* несколько двусмысленно: все же не совсем ясно, имел ли я в виду всех актеров или только актеров-мужчин. И тогда во избежание недоразумений мне следовало бы сказать, что все актеры: и мужчины, и женщины — играли прекрасно. Либо мой собеседник, желая убедиться в том, что он точно меня понял, должен переспросить, имел ли я в виду исполнительниц женских ролей, говоря о прекрасной игре актеров. А вот если бы кто-то сказал, что актрисы играли прекрасно, было бы совершенно ясно, что уж к мужчинам-актерам это никак не относится.

Мы еще не раз будем встречаться с ситуацией, когда два слова находятся между собою не в отношениях исключения, но в отношениях включения. О каком-нибудь событии можно сказать, что оно произошло ночью или днем, но о нем же можно сказать

и *в тот день*, имея в виду не только дневное время, но и ночное, и *в те сутки*.

Так точно происходит и со словами — «кандидатами в общий род» в тех случаях, когда согласуемые с ними слова — в мужском роде. В этом случае и *врач*, и *директор*, и *секретарь* могут обозначать лиц и мужского, и женского пола.

Однако в сознании людей, говорящих по-русски, довольно четко действует стереотип — словарная форма кончается на *-а* или *-я*, значит, слово женского рода. Поэтому, наверное, современные кинематографисты решили назвать фильм о мужчине-няне «Усатый пиянь», резонно полагая, что упоминания об усатом будет недостаточно для того, чтобы зритель понял, что фильм — о мужчине.

Правда, мы уже знаем, что мужской род прилагательного (даже такого, как *усатый*) в сочетании с существительным мужского рода все не обязательно обозначает мужчину. Но необычное *нянь* вместо известного няня здесь выручает. Правда, компьютер, не найдя заведомо в словаре слово *нянь*, оказался бы в затруднительном положении.

Какой род давать новым существительным?

Вообще в русском языке явно проявляется тенденция к установлению родовой характеристики существительного в зависимости от его концовки в словарной форме. Особенно отчетливо эта тенденция (именно тенденция, а не правило!) видна на примере аббревиатур.

Слово *вуз*, например, расшифровываясь как высшее учебное заведение, должно было бы быть, как и существительное *заведение*, среднего рода. Но *вуз* отнесли к мужскому роду, поскольку оно оканчивается на согласную букву. В этом случае победил формальный показатель.

А судьба слова *ГЭС* (гидроэлектростанция) сложилась иначе. Там победила родовая характеристика стержневого слова *станция*, дав аббревиатуре женский род. Однако тогда появилась трудность: как склонять существительное женского рода, оканчивающееся в

именительном падеже на согласный: «нет ГЭСа», «к ГЭСу» (как слова мужского рода) или «нет ГЭСы», «к ГЭСе» (как слова женского рода)? Как известно, слово ГЭС вообще не склоняется.

Очень интересна история слова *МАПРЯЛ* (Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы). Это слово, родившееся в 1967 году вместе с самой ассоциацией, также разрывается между женским родом (*ассоциация!*) и мужским (словарная форма завершается согласным). Получив все-таки статус женского рода (как *ГЭС*), *МАПРЯЛ*, обозначая собственно ассоциацию, в официальном стиле не склоняется, т. е. ведет себя, как *ГЭС*. Зато в разговорной речи, обозначая разнообразный круг деятельности этой организации, а также лиц, с нею связанных, принадлежит к мужскому роду и склоняется так, как это положено словам мужского рода, т. е. ведет себя подобно слову *вуз*: *выступал на Пражском мапряле, звоним из нашего мапряла* и т. д.

Задача: обозначить пол существительного

Еще раз посмеемся над царским цензором, который счел неприличным словосочетание *нагая истина*, и подчеркнем, что для существительных, не обозначающих живых существ, т. е. таких, как *истина, дом, лес, город, доброта, сердце* и т. п., вопрос о поле вообще не стоит. И вспомним, что род существительного — это совсем не то же самое, что пол существа, названного этим существительным.

Имеется существительное, обозначающее лицо или животное. Как обозначить пол названного этим словом живого существа? Практически эта задача обычно выглядит так. Дано существительное, обозначающее лицо или животное мужского пола, либо вообще без обозначения пола. Требуется найти такое существительное, которое обозначает соответствующее живое существо женского пола.

По отношению к разным существительным эта задача может решаться по-разному. Однако все эти разные случаи представляют собой ограниченное число типов. Один тип сводится к необходи-

мости замены имеющегося существительного существительным совсем иного корня. Именно так решается поставленная задача по отношению ко многим существительным, обозначающим домашних животных: *бык — корова, баран — овца, петух — курица*.

Обратите, пожалуйста, внимание на то, что в качестве первых членов этих пар выступают существительные мужского рода, обозначающие животных мужского пола.

А вот ряд слов, где в качестве первых слов выступают существительные, не называющие пола обозначаемых ими животных: *кошка, лиса, акула, обезьяна или муравей, енот, попугай, барсук*. Как в этом случае обозначить пол животных? Однозначно, наверное, на этот вопрос не ответишь. Это и *кот*, и, быть может, *лис, муравьяха, енотиха, барсучиха*, хотя последние звучат не очень литературно.

Универсальным способом обозначения пола животного выступают слова *самец* и *самка*, точно решающие поставленную задачу. Однако эти слова весьма прихотливы в своей способности сочетаться с другими словами. В самом деле, *обезьяна-самец* и «кошка-самец» точно называют соответствующих животных мужского пола, однако второй пример звучит по-русски совсем странно.

Другой тип обозначения пола живого существа сводится к выбору соответствующих форм согласуемых слов. Хотим сказать, что *зabiaкa, размазня, обжора* — мужчины, употребляем согласуемые формы в мужском роде: *невообразимый, был*. А если даем такие характеристики женщине, употребляем согласуемые формы в женском роде. Все очень просто.

Хочу лишь напомнить, что с «кандидатами в общий род» — *секретарь, директор* и т. п. — дело посложнее. Если мы обозначаем ими лиц женского пола, то способ согласуемых слов, по крайней мере для именительного падежа существительных, работает неплохо.

Действительно, если мы хотим сказать, что директор — женщина, мы говорим, что она или *энергичная* (не «энергичный»!) или *пришла* (не «пришел»!). Ну а если существительное *директор* надо поставить в косвенный падеж? Например: *Я пришел к директору*.

Как в этом случае следует выразить то, что директор — женщина? А вот именно так и выразить, употребив либо слово *женщина*, либо фамилию, имя, отчество.

Точно так же следует поступать, если слова *директор, секретарь, хирург* относятся к мужчине, поэтому нужно сказать что-то вроде *агроном, молодой мужчина...* или *наш директор, сухонький старичок...* Согласуемые же слова мужского рода (*молодой агроном, наш директор*) в этих случаях никак не обозначают лиц мужского пола, а оставляют пол соответствующего лица невыраженным.

И третий тип обозначения пола соответствующего живого существа сводится к суффиксальному словообразованию. Причем здесь существуют довольно ясные правила.

Если, например, существительное, обозначающее лицо, оканчивается на *-тель*, то соответствующее лицо женского пола обозначается путем прибавления суффикса *-ниц-* и окончания *-а*: *учитель — учительница, читатель — читательница, воспитатель — воспитательница*.

А от существительных, обозначающих лиц и оканчивающихся на *-ун*, соответствующее лицо женского пола обозначается с помощью суффикса *-j-* и окончания *-а*: *певун — певунья, плясун — плясунья, колдун — колдунья*. Однако есть здесь и некоторые исключения, например: *опекун — опекуна*.

А от существительного *драгун* слово, обозначающее женщин, вообще не образуется. Да это, наверное, и неудивительно, поскольку во времена существования драгун все они были только мужчинами, а первая русская женщина-офицер Н. А. Дурова, героиня Отечественной войны 1812 года, известная как «кавалерист-девица», служила сначала в уланском, а затем в гусарском полку под мужским именем. (Вспомните пьесу А. К. Гладкова «Давным-давно» или фильм Э. А. Рязанова «Гусарская баллада» с актрисой Л. И. Голубкиной в главной роли.)

Вообще суффиксов, способных превращать «бесполое» или «мужское» наименование лица в наименование лица женского пола,

в русском языке довольно много. Это и *-к (а)*, как в *студент — студентка*, и *-ш (а)*, как в *юбиляр — юбилярша*, и *-ин (я)*, как в *граф — графиня*, и *-есс (а)*, как в *поэт — поэтесса*, и выделяющийся, так сказать, на фоне этих суффиксов нуль, как в *кум — кума, супруг — супруга*. Трудность, однако, состоит в том, что суффиксы эти присоединяются довольно прихотливо, и поэтому образование слов со значением «лицо женского пола» плохо укладывается в четкие правила.

Грамматические проблемы женской эмансипации

Вообще необходимость обозначить то, что именно женщина занимает определенную должность или имеет определенную профессию, представляет собою как бы социальный заказ, который предъявляет к языку жизнь. Действительно, в прошлом веке большинство должностей и специальностей принадлежало исключительно мужчинам. В такой ситуации одного слова, обычно мужского рода, было достаточно, чтобы соответствующее лицо обозначить. И когда Фамусов намеревается *у вдовы, у докторши, крестить*, то речь идет о вдове доктора, а не о женщине, которая является и вдовой, и доктором. И рассказ И. С. Тургенева «Ермолай и мельничиха» посвящен не владелице мельницы, а жене мельника.

Но когда в нашем веке женщины стали активно занимать те должности, получать те специальности, которые раньше были исключительно мужскими, возникла необходимость женщин на таких должностях или с такими специальностями как-то особым образом называть. Вот язык и мобилизовал на это все свои ресурсы. В виде слов (*женщина-директор, девушка-секретарь, старуха-диспетчер*), в виде окончаний согласуемых слов (*новая директор (секретарь) сказала, наша диспетчер заявила*) и, конечно же, в виде суффиксов (*начальница*).

В результате реализации второго способа образовалась группа существительных — «кандидатов в общий род», а благодаря третьему способу пополнилось число существительных женского рода.

Другими словами, теми или иными способами социальный заказ, о котором я говорил выше, был в основном выполнен. Только не все решения пришлись по душе говорящим на русском языке. Использование суффиксов нередко приводило к неразличению существительных, обозначающих женщин по должности (или профессии) мужа и по их собственной должности (или профессии). А такое неразличение весьма чувствительно для женщины — доктора, инженера или профессора. Поэтому и остались слова *докторша, инженерша, профессорша* с их несколько скептическим прикусом именно для обозначения жен.

Но и наименования типа *женщина-врач* иногда вызывают критику. Так, один из героев романа И. А. Ефремова «Юрта Ворона» считал указывающую на пол прибавку «языковой бессмыслицей» («специалист второго сорта, что ли?») в той ситуации, когда специалистов среди женщин столько же, сколько среди мужчин, или значительно больше...

Теперь развитие техники и повышение культуры сельскохозяйственного производства ввело в наш язык красивое словосочетание *оператор машинного доения*, никак не указывающее на пол лица.

А раньше коров доили вручную, причем исключительно женщины. И название для них было не такое красивое, но очень уважительное и уютное — *доярка*, существительное женского рода. Когда же на фермы пришли первые мужчины, то для их обозначения появилось слово, в котором суффикс *-к-*, указывающий на женский пол лица, усекся, и возникло слово *дояр*, существительное мужского рода.

Так что по дороге «профессии, должности» шло не только одностороннее движение женщин на позиции, бывшие раньше мужскими. И обратное движение наблюдалось, однако, разумеется, не такое интенсивное.

А как, например, обозначить мужчину, который по профессии занимается тем же, что и машинистка? *Машинист* нельзя, поскольку это слово совсем другую профессию обозначает (как и женщину, если она станет машинистом, по той же причине нельзя *машинисткой*

назвать). Автор «Справочника по орфографии и пунктуации для работников печати» К. И. Былинский шутливо предлагал называть такого мужчину *копиист на пишущей машинке*.

Вот сколько, оказывается, проблем связано с родом существительных. Но самое среди них главное в следующем. Род — грамматическая характеристика, принадлежащая каждому русскому существительному. Обычно никакого содержания за этой характеристикой не стоит. А иногда стоит — это указание на пол существа. Но пол существа — это уже не характеристика слова, а характеристика предмета, называемого данным словом. И принадлежность существа к тому или другому полу может по-русски выражаться разными способами. Иногда с помощью родовых окончаний согласуемых с существительным слов. Но чаще — другими способами, преимущественно суффиксальным. И появление у существительного того или другого рода — это лишь следствие обозначения пола лица.

Купил пальто и брюки. Сколько предметов куплено?

Всякий знает, что от словарной формы (именительного падежа единственного числа) почти любого русского существительного можно образовать формы множественного числа как именительного, так и косвенных падежей: *стол — столы, столов, столам, столы, столами, столах*; *ключ — ключи, ключей* и т. д.

Совершенно очевидно, что формы множественного числа существительных нужны для того, чтобы обозначить не один, а множество предметов: *радость — радости, брат — братья*. Но почему же не от всех без исключения русских существительных можно образовать формы множественного числа? Попробуем разобраться с этим вопросом.

Измеряется ли неизмеримое?

В русском языке есть существительные, обозначающие такие, так сказать, предметы, природа которых вообще чужда идее количест-

ва. Положим, существительное обозначает какое-то вещество, например: *медь, ртуть, свинец*. Как можно говорить о множестве этих предметов, когда в их форме единственного числа нет и не может быть значения единичности. Той самой единичности, которая есть, например, в словах *карандаш, ручка, перо* или словосочетаниях *килограмм меди, баллон ртути, кусок свинца*. Вот о килограммах, баллонах или кусках уже можно говорить как об одном предмете (тогда нужны существительные *килограмм, баллон, кусок*) или как о нескольких (т. е. более двух) предметах (и тогда потребуются существительные *килограммы, баллоны, куски*).

Все это совершенно верно. Но я предвижу возражения, и притом вполне вроде бы разумные: «Позвольте, но ведь есть слова, обозначающие вещества и, в отличие от слов *медь, ртуть, свинец*, обладающие формами множественного числа. Например, *песок — пески* или хотя бы *сок — соки* (эту форму в каждом магазине можно прочитать!)».

Отвечу на вопрос вопросом. А что обозначают формы *пески* и *соки*? Наверное, в первом случае речь идет о больших пространствах, покрытых песком. Именно такое значение имеют и некоторые другие формы множественного числа, образованные от существительных, единственное число которых называет вещество: *черноземы, солончаки* и даже *овсы, зелень*, т. е. «большие пространства, занятые соответственно черноземом, солончаком, овсом или зеленью».

А с соками дело еще проще обстоит. Так, формой множественного числа обозначается некоторое количество разных по сорту предметов. Ведь когда мы читаем *соки*, то полагаем (и совершенно обоснованно!), что под этой вывеской не один томатный или один яблочный (тогда надо было писать *сок*), а по крайней мере два-три разных сока продают. И В. В. Маяковский, когда писал, что *сыры не засижены*, имел, без сомнения, в виду наличие ассортимента различных сортов сыра. И кот Тимофей из басни С. В. Михалкова удивлялся тому, что на столе у кота Василия *колбáсы* (множественное число!) *всех сортов* и даже такая колбаса (единственное!), «которой нет в продаже!» Тут уж, кажется, все ясно.

Так что значение «вещество» все же не позволяет реализовать содержательное противопоставление «один предмет» — «много (более чем один) предметов». А имеющиеся у вещественных существительных формы множественного числа обозначают немножко другое. В частности, большие пространства или различные сорта.

Итак, пытались доказать, что и вещественные существительные обладают формами множественного числа, сделать этого не сумели, зато обнаружили, что формы множественного числа совсем не обязательно указывают на множество соответствующих предметов. Запомним эту многозначность форм множественного числа и вернемся к тому, какие же еще существительные не обладают формами множественного числа.

Вообще здесь очень многое зависит от лексического значения слова. Если значение это таково, что идея количества ему чужда, то и формы множественного числа (со значением «множество предметов», добавим мы, обогащенные приведенным выше рассуждением) у него нет. В самом деле, какое количественное противопоставление у существительных *лай, ходьба, паника*, обозначающих состояние, или у собирательных типа *студенчество, листва*, или у названий игр вроде *футбол, хоккей*? Никакого!

Так что первая причина отсутствия форм множественного числа у некоторых существительных ясна: по смыслу идея «один предмет — несколько предметов» этим существительным не подходит. А если у таких существительных формы множественного числа и появляются, то обозначают они не просто «множество предметов», а что-то немного другое.

Однако попробуем проникнуть в ситуацию с отсутствием противопоставления «единственное число — множественное число» несколько поглубже. Если существительное обозначает предмет, которому чужда количественная характеристика, то этот предмет не обязательно должен обозначаться формой единственного числа, он может быть обозначен и формой множественного числа. Раз противопоставление грамматического единственного и множест-

венного числа никак содержательно не наполнено, значит, «представителем» существительного может быть форма любого числа.

Действительно, есть *сметана* и *сливки*, *одеколон* и *духи*, *тес* и *стройматериалы*, *паника* и *хлопоты*, *мусор* и *опилки*, *футбол* и *городки* (русская народная игра). Все это существительные, чуждые по своему значению идее противопоставления по количеству и, следовательно, лишённые формы обоих грамматических чисел, а оформленные либо только по единственному, либо только по множественному числу.

«Имеют ли право?» — «Имеют». — «Могут?» — «Нет, не могут».

Но бывают и такие существительные, которые обозначают предметы, вовсе не чуждые количественной характеристике, но в русском языке нет таких грамматических средств (т. е. окончаний), чтобы эту характеристику выразить. Читатель, наверное, уже догадался, что речь идет о так называемых неизменяемых существительных типа *пальто*, *такси*, *депо*. Ведь у них окончаний нет вообще, а предметы, обозначаемые соответствующими словами, конечно же, существуют в действительности и по одному, и по несколько.

Как же в этом случае быть? А очень просто. Надо обращаться за помощью к другим ресурсам языка. К каким? Самый богатый в языке уровень — это, конечно же, лексика. И действительно, можно сказать, используя лексические показатели количества, *одно пальто*, *одно такси*, *одно депо* и несколько (*два*, *три*, *десять* и т. п.) *пальто*, *такси*, *депо*. Так что задача решена. И для множества предметов, быть может, даже и лучше, чем с помощью грамматических средств. Ведь окончания множественного числа существительных сообщают лишь о том, что предметов более, чем один. А с помощью лексики, видите, как хорошо получается: и два, и три, и десять, и вообще точно столько, сколько захочешь. Вот она, лексика, точная и богатая! Ею, разумеется, можно пользоваться и тогда, когда надо

точно обозначить количество предметов, которые называются склоняемыми существительными: *три дома, десять домов* и т. д.

Только, заметьте, пожалуйста, в этом случае без грамматики все-таки дело не обходится. Ведь после слов *два, три, четыре* и других количественных числительных выступает вроде бы форма родительного падежа единственного числа. А после всех других количественных числительных выступает форма родительного падежа множественного числа. Так что в этом случае можно говорить, что точность количественных характеристик достигается здесь только благодаря совместным усилиям лексических и грамматических средств.

Но вернемся вновь к несклоняемым существительным и способам выражения количественной характеристики называемых ими предметов. Неужели только за счет лексики могут предметы, обозначаемые несклоняемыми существительными, решать свои количественные проблемы? Нельзя ли как-нибудь за счет собственных грамматических ресурсов?

За счет собственных нельзя, так как нет у несклоняемых существительных вообще никаких грамматических ресурсов. А вот за счет чужих грамматических ресурсов можно. Вспомним, как грамматические ресурсы позволяли обозначить пол лиц, называемых существительными типа *забияка*. Принципиально таким же путем можно обозначать и количественное противопоставление предметов, называемых несклоняемыми существительными.

Если мы хотим сказать, что «пальто одно», то это можно сделать, употребив согласуемые слова (прилагательные и другие слова, склоняющиеся, как прилагательные, а также глаголы) в единственном числе: *Мое новое пальто висит*. Ясно, что пальто одно, причем эту информацию мы получаем не благодаря существительному пальто, но благодаря формам единственного числа слов *новое, мое, висит*. А если «пальто больше, чем одно», то следует для обозначения такой количественной характеристики сказать: *Мои новые пальто висят*. И вновь множественное число согласуемых слов прекрасно выполнит поставленную задачу.

Правда, если пальто не новое, а, например, беж, то такое определяющее слово с задачей дать количественную характеристику пальто уже не может справиться. Но об этом речь впереди...

О множественности чего сообщают *pluralia tantum*?

Но есть еще и склоняемые существительные, обозначающие такие предметы, которые не чужды противопоставления по количеству, но не имеющие грамматических средств для выражения этого противопоставления. Это такие, например, существительные, как *сани, ножницы, брюки, ворота, сумки* и т. п. Только, пожалуйста, не торопитесь даже про себя радоваться тому, что вы прекрасно знаете эти существительные, так называемые *pluralia tantum*, что в переводе с латинского означает «слова, употребляющиеся только во множественном числе». Какое же «множественное» имеется в виду? Множественность слов или множественность предметов?

Вспомните, пожалуйста, о том, что среди существительных, обладающих формами только множественного числа, имеются и такие, которые чужды противопоставлению по количеству: *духи, сливки, жмурки, опилки, хлопоты*. Формально все они лишены форм единственного числа, обладая только формами множественного. Но этот свой недостаток существительные типа сливки и типа сани воспринимают совершенно по-разному.

Существительным типа *сливки* форма единственного числа и не нужна, потому что по своему значению они вообще не принимают количественных характеристик. (Я надеюсь, вы понимаете, что словосочетания *одни сливки* или *двое сливок*, нередко употребляемые в магазине или буфете, представляют собой обычное в разговорной речи опущение слов *порция* или *пакет* и соответствующие числительные содeржательно относятся не к существительному *сливки*, а к пропущенным *порция* или *пакет*).

А вот для существительных типа *сани* отсутствие форм обоих чисел — изъян довольно серьезный. Ведь эти существительные во-

все не чужды количественной характеристике. Ведь сани, брюки, пожницы, ворота, сутки могут быть и одни-единственные, а может их быть и несколько. В отличие от сливок, духов, хлопот или жмуток, о количественном противопоставлении которых и речь идти не может. Так что существительные, формально однородные (обладающие только формами множественного числа), содержательно представлены двумя совершенно разными группами.

А вот существительные, обладающие формами только единственного числа (*ходьба, листва*), и содержательно совершенно однородны. Все они обозначают такие, так сказать, предметы, которые совершенно чужды количественному противопоставлению.

Однако вернемся к вопросу о том, как можно выразить количественное противопоставление для существительных типа *сани*.

Грамматически все они — во множественном числе. Но по отношению к реальному количеству обозначаемых ими предметов это чистый обман. Как часы, которые стоят. Только два раза в сутки эти часы (и *сутки*, и *часы* тоже слова типа *сани*!) показывают время правильно.

Так и наши существительные, не чуждые идее количества и обладающие формами только множественного числа. Когда-то и правду скажут, как, например, в предложении *В мастерской шьют брюки*. Наверное, не одни же брюки там шьют, так что вроде бы форма множественного числа существительного *брюки* правду говорит. Только полно не форма множественного числа на это указывает, а наш здравый смысл. Что же это за мастерская такая, где только одну пару брюк шьют? (Видите, как я во избежание двусмысленности написал *одна пара брюк*). Не бывает таких мастерских. А вот если *В этой мастерской мне шьют брюки*, то, быть может, и одну-единственную пару. Но это мы понимаем благодаря слову *мне* и предполагая, что речь идет о действии, совершающемся в данную минуту. А впрочем, может быть, это предложение надо понимать так, что «обычно, всегда шьют». Тогда в нем будет идти речь о многих брюках. Прямо как в чеховском «Хамелеоне».

А все из-за того, что существительное стоит в форме множественного числа, а реальное количество предметов неизвестно. Это хуже, чем с несклоняемыми существительными типа *пальто*, когда форма ничего о грамматическом числе не говорит и количество предметов неизвестно. Здесь форма ясно указывает — грамматическое число множественное, а количество предметов, обозначаемых существительным, неизвестно. Именно как с испорченными часами. А с испорченными хуже, чем вообще без часов. Только путают.

Ну, а решить задачу, конечно, можно. Хотите сообщить, что сани, ножницы, ворота, сутки одни, берите соответствующее числительное. А если этих предметов больше, чем один, можно взять собирательные числительные *двое, трое, четверо, пятеро* или количественные — *семь, десять, сто* или слово *несколько*.

Заметьте только, что про два, три, четыре предмета можно только с помощью собирательных числительных сообщить, а про другое количество — с помощью количественных числительных. И сами существительные нужно будет в соответствующей падежной форме поставить. А о числе уж заботиться не надо (в отличие от *два дома*, но *пять домов!*): оно у этих существительных всегда множественное.

А способ согласуемых слов тут уже использовать никак нельзя. Все согласуемые слова: и прилагательные, и другие слова, склоняющиеся, как прилагательные, и глаголы, — все при существительных типа сани стоят в форме множественного числа. *Едут новые сани* — а сколько их на самом-то деле, этого ни существительное сани, ни прилагательное *новые*, ни глагол *едут* не сообщают. Как же узнать о количестве саней? Эти сведения можно получить только из общего смысла текста.

Как с испорченным телефоном

Пусть в тексте выступает форма единственного числа существительного. Прежде чем решить, что она обозначает один предмет, надо проверить, не стоит ли за ней какой-нибудь подвох.

А подвохи могут быть вот какие. Во-первых, для некоторых существительных в единственном числе вопрос о числе обозначенных ими предметов вообще не имеет смысла. Например, *мед, гордость, студенчество*.

Во-вторых, могут быть существительные в единственном числе, обозначающие совсем не единичность называемого предмета. Когда мы, например, видим на упаковке товара надпись *подарок школьнику (новоселу, садоводу)* или *завтрак туриста*, то речь, разумеется, идет не об одном-единственном школьнике, новоселе, садоводе или туристе. Имеется в виду любой, всякий, каждый, а следовательно, все школьники, новоселы, садоводы, туристы.

Или когда мы читаем мудрые слова М. Горького: *Любите книгу — источник знания*, то, разумеется, прекрасно понимаем, что речь идет не об одной-единственной книге (хотя форма единственного числа существительного книга на это наталкивает!), а о любой книге, т.е. о книгах вообще.

И в известной строке из пушкинской «Полтавы» *Швед, русский колет, рубит, режет*, конечно, речь идет не об одном шведе или русском, а обо всех шведах и русских, участвующих в сражении. Сравните то же самое явление в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Бородино»: *И слышно было до рассвета, как ликовал француз*. Не один же француз ликовал так громко!

Заметим, однако, что в русском языке слово *один* имеет по крайней мере два значения. В самом деле, когда мы, например, читаем: *В амбаре у него одни мыши*, то это значит, что кроме мышей в амбаре ничего нет, хотя мышей-то, видимо, относительно большее количество. А вот если *В сарае стояли одни сани*, то это предложение можно понимать по-разному: либо «сани были одни-единственные» (а нам, быть может, нужно было много саней), либо «в сарае были только сани» (а нам, быть может, нужен был непременно мотоцикл, и тогда вопрос о том, сколько же было саней, не имеет никакой ценности). Вернемся к формам множественного числа существительных, не имеющих лексических количественных показателей.

В качестве следующего шага необходимо проверить, не находится ли «обследуемое» существительное среди тех, которые вообще чужды идее количественного противопоставления. Иначе, не относится ли данное слово к существительным типа *хлопоты, опилки, духи*.

Но слова типа *сани* могут обозначать и один и несколько соответствующих предметов. И, кроме числительных, никакими другими формальными средствами для различения количественных характеристик эти существительные не обладают.

Если, например, перед нами предложение *Подъехали сани, и из них выскочил человек*, то мы понимаем, что сани были одни, из нескольких саней человек выскочить не мог.

Вспомним «человека рассеянного» из стихотворения С. Я. Маршака, который уселся на кровать, *стал рубашку надевать, в рукава просунул руки — оказалось, это брюки*. Нам совершенно ясно, что брюки были одни. А откуда мы это знаем? Вообще-то ясно, *стал рубашку надевать* (один предмет, это по форме *рубашку* совершенно ясно). Однако почему же брюки обязательно одни? Может быть и несколько. В принципе вполне допустимо. И никаких формальных показателей того, что это не так, в предложении нет. С человеком рассеянным и не такое еще может случиться...

А если *купил шорты*, то сколько их было? Это в первую очередь зависит от того, кто купил. Если интернат, то, наверное, много, а если Петя, то, наверное, одни. Почему я так думаю? А это не только я думаю. Задайте этот вопрос нескольким своим одноклассникам — они то же самое ответят. Почему? А потому, что для одного человека нормальное, обычное дело — купить одни шорты, а для учреждения — нормальное, обычное дело купить много предметов одежды. Если в данном случае было не так, это должно было бы быть выражено в предложении.

Вообще мне бы очень хотелось специально подчеркнуть, что в очень многих жизненных ситуациях единственный по-настоящему правильный и серьезный ответ на поставленный вопрос:

«Неизвестно». Мы привыкли стесняться такого ответа, поскольку он зачастую говорит о скудости наших личных знаний. (Нельзя отвечать: «*Неизвестно*», — на вопросы о том, сколько будет дважды два или когда родился А. С. Пушкин. Такой реакцией мы только покажем собственное дремучее и непростительное невежество.) Но ответ «*Неизвестно*» может говорить и о том, что люди не располагают необходимыми сведениями для ответа на вопрос.

Если единственное число — один предмет, если множественное — больше, чем один, а если никаких согласуемых слов нет, то количество предметов неизвестно, как, например, в случае *купил пальто*.

Прежде всего надо глубоко понять, что единственное (множественное) число существительных и количество предметов — это вещи принципиально совершенно разные.

В русском языке существует очень гибкая система обозначения количества предметов. Благодаря ей по отношению к любому предмету можно по-разному выразить его количественную характеристику. Вполне четко и определенно, используя соответствующие числительные. И несколько неопределенно в отношении множества предметов, используя грамматическую форму множественного числа. Сравните, например, *пять деревьев, несколько деревьев* и *деревья*.

В отношении одного-единственного предмета такая уклончивость практически невозможна. Однако есть такие названия предметов, которые как бы приспособлены для того, чтобы скрывать количество обозначаемых ими предметов (*пальто, сани*). Но и по отношению к этим предметам существуют средства, специально выражающие количественные характеристики. Такие характеристики выявляются только из окружающего контекста, из знаний о ситуации. Для человека, сознательно владеющего русским языком, — это большое богатство. Вот ради того, чтобы четко знать, какими возможностями в каждом из таких случаев располагает язык, и следует изучать его грамматику.

Что такое падеж?

По каким вопросам определяют падежи?

Любой школьник знает, что в русском языке шесть падежей, и может определить, в каком падеже стоит существительное.

Если отвечает на вопрос: *кто? что?* — значит, именительный, *кого? чего?* — родительный, *кому? чему?* — дательный...

Стоп! А замечали ли вы, что для правильного определения, например, дательного падежа достаточно одного вопроса: *Подошел к кому?* — *К товарищу. Подошел к чему?* — *К столу.* И даже если в первом случае спросить не *к кому?*, а *к чему?*, а во втором наоборот, только смешно и как-то не по-русски получится, но падеж-то все равно тот же самый — дательный!

А вот с родительным падежом совсем другое дело. Если задать только вопрос: *кого? (без чего?)*, то на него ответит не только родительный, но и винительный падеж: *нет кого?* и *вижу кого?* А к винительному, в отличие от дательного, так же, как и к родительному, нельзя поставить только один вопрос: *что? (без кого?)*. Действительно, *вижу что?* и *что происходит?*, т. е. и винительный, и именительный отвечают на один и тот же вопрос: *что?*

Значит, по крайней мере для трех падежей в русском языке, чтобы их различать, нужно ставить обязательно два вопроса: *кто? что?* — именительный, *кого? чего?* — родительный, *кого? что?* — винительный. Можно было бы ожидать и еще какой-то падеж, который бы отвечал на вопросы *кто? чего?*, но практически никакого такого падежа в русском языке нет.

Как ведется строительство из блоков?

Существительное в определенном падеже — это как бы блок для строительства. Например, есть такой блок: *дом, стол, конь, человек, лебедь, скука, радость, каникулы, лето, змея.* Весь этот блок пре-

красно можно ставить в предложение со словами *У нас ...* + «предмет нашего обладания».

Правда, предложения *У нас радость* или *У нас каникулы* звучат по-русски вполне хорошо, а предложение «*У нас человек*» выглядит как-то странновато. Но странность эта возникает не из-за ошибки в выборе падежа (сравните, например: «*У нас каникулам*» или «*У нас столах*»), а из-за лексических особенностей существительных.

Блок, называемый творительным падежом и состоящий, например, из слов *топором, товарищем, карандашом, женой, березой, чудовищем, ухом, дровами*, образует правильные русские предложения, если его составить, например, со словами *Я доволен* + «предмет удовольствия», или *Я пишу* + «орудие письма», или *Я разговариваю с* + «название собеседника». Правда, и в этом случае получатся и вполне удачные предложения типа: *Я доволен дровами, Я пишу карандашом, Я разговариваю с товарищем* — и предложения довольно дикие вроде «*Я пишу ухом*» или «*Я разговариваю с дровами*».

Разумеется, странность таких предложений также не имеет никакого отношения к падежам, а возникает лишь потому, что в реальной жизни никому не приходится, например, писать березой. Для этого есть карандаши, ручки, фломастеры. Ну а если какому-нибудь сказочному великану надо было бы расписаться на опушке леса, он, наверное, мог сделать это и березой. Точно так, как мы можем написать палочкой, например, на песке. Заметьте, что в обоих этих случаях орудие письма будет обозначено по-русски творительным падежом.

Ясно, что разные блоки, непременно различаясь какими-то своими частями (без таких различий это не разные блоки, а те же самые!), могут и совпадать в каких-то своих частях. Точно так же устроены и падежи. Например, слова *человека, ученого, директора, начальника, героя, солдата, ветерана* образуют правильные русские предложения, если их составить и со словами *Много друзей у* + «обладатель друзей» (*Много друзей у героя*), и со словами *Я рассказываю про* + «предмет рассказа» (*Я рассказываю про героя*). Но ведь в первом случае — родительный падеж (*Много друзей у*

кого? чего?), а во втором — винительный (*Я рассказываю про кого? что?*).

Если бы мы дополнили наш ряд словами *колхозницы, пионерки, газеты, возатой*, то получили бы правильные предложения в первом случае (*У газеты много друзей*), а неправильные — во втором (нельзя сказать «Я рассказываю про колхозницы»). А если бы мы дополнили ряд словами *колхозницу, пионерку, газету, возатую*, то правильные предложения получились бы во втором случае (*Я рассказываю про колхозницу*), а неправильные — в первом («У газету много друзей» сказать нельзя). Очевидно, что ряд *человека, ученого, директора, начальника, героя, солдата, ветерана, колхозницы, пионерки, газеты, возатой* образует один блок — родительный падеж, а ряд *человека, ученого, директора, начальника, героя, солдата, ветерана, колхозницу, пионерку, газету, возатую* — другой блок, винительный падеж.

Сколько же падежей?

Итак, падеж — это такой ряд слов, который весь целиком может быть помещен в окружение других слов и образует вместе с ними правильные, с точки зрения грамматики, предложения. Посмотрим теперь, сколько же таких блоков (деталей) существует в русском языке. Действительно ли их только шесть? Начнем с предложного падежа. Обычно в перечне падежей он стоит на последнем месте. Однако, по существу, это ничего не означает, поскольку порядок перечисления падежей — вещь абсолютно условная, опирающаяся исключительно на традицию.

В школе мы привыкли считать предложным падежом ряд слов, который образует правильные предложения, выступая и после слов *Он живет в + «место жительства»*, и после слов *Я говорю о + «предмет говорения»*. Однако в первом случае представлен ряд, включающий слова: *лесу, шкафу, углу, доме, поле, городе, небе*, а во втором — слова: *лесе, шкафе, угле, доме, поле, городе, небе*. Иными словами, ряды не совпадают, и, строго говоря, следует считать, что

на самом деле здесь два падежа. Именно так и поступают некоторые грамматикологи русского языка, говоря в первом случае о местном падеже, а во втором — о собственно предложном.

Выходит, что в школе вас учат неправильно? Строго говоря, действительно, неправильно, однако для практических целей представление об одном — предложном, а не о двух — местном и собственно предложном падежах — вполне достаточно.

Ведь решая в школе задачи по физике, мы считаем, например, что земля плоская, что сопротивления воздуха нет. Иначе решение простой задачи о падающем теле превратится в сложнейшую проблему, требующую огромных вычислений, очень мало влияющих на конечный результат.

Набор слов для предложного и для местного падежей различается лишь благодаря очень небольшому количеству слов (*шкаф, лес, берег, бор, край, круг, луг, мост, порт, жир, клей, лед, мед, мох, пух, снег, полк, ряд, строй, бег, бой, бред, век, газ* и др.).

Иначе, перед нами блоки, которые почти по всем своим параметрам, кроме, быть может, нескольких пазов или выступов, не отличаются друг от друга. Однако, строго говоря, это очень-очень несхожие, но все-таки разные блоки. А значит, и разные падежи.

Если подходить к делу внимательно, то окажется, что и семи падежей будет недостаточно. Какой падеж выступает после слов *два, три, четыре, оба, полтора* + «предметы, о количестве которых сообщается»?

Видимо, родительный, т. е. точно такой же, как и в случае *У* + «предмет, который обладает» + *много друзей*. Для большинства существительных, например, *газеты, юноши, генерала* и многих других, это действительно так. А как же быть с существительными, склоняющимися, как прилагательные типа *вожатый*? Ведь *два, три, четыре вожатых*, но *У вожатого много друзей*? Значит, падеж, выступающий после *два, три, четыре, оба, полтора*, не родительный, а очень-очень похожий на родительный, но все-таки другой падеж.

А зачем нужен падеж?

Приступая к изучению английского или французского языка, русский учащийся бывает очень рад, узнав, что в этих языках почти нет падежей. Так, может быть, и в русском языке падежи — вещь совсем ненужная, лишняя, такая, без которой можно обойтись? Посмотрим, так ли это.

Пусть перед нами предложение *Онегин любит Татьяну*, из которого мы узнаем, что именно Онегин испытывает чувство любви к Татьяне, причем совершенно неизвестно, отвечает Татьяна взаимностью или нет. Переделаем несколько наше предложение, получив *Татьяна любит Онегина*. Это предложение обозначает, что Татьяна испытывает чувство любви к Онегину, а о чувствах Онегина уже ничего не говорится. По-видимому, каждый хорошо понимает, что исходное и преобразованное предложения обозначают совершенно различные ситуации. Какие же языковые средства выражают такое существенное для участников ситуации — Онегина и Татьяны — изменение?

Конечно же, падежи! Именительный падеж (в первом предложении *Онегин*, во втором — *Татьяна*) обозначает субъект состояния, т. е. того, кто в данном случае испытывает чувство любви, а винительный (в первом предложении *Татьяну*, во втором — *Онегина*) — того, на кого это чувство направлено. Если бы падежных окончаний не было, то понять, кто кого любит, было бы невозможно.

Еще один пример. А. С. Пушкин, рассказывая о том, как он ездит верхом, пишет: «*Вчера упал с лошадью, а не с лошади*. Дьявольская разница для моего наезднического самолюбия». За счет чего же здесь возникает эта «дьявольская разница»? Опять же за счет падежей. Дело в том, что русский предлог *с* имеет по крайней мере два значения: «сверху вниз», как в случаях *свалиться с дерева*, *слететь с лестницы* и т.п., и «совместно», как в случаях *мы с приятелем*, *хлеб с маслом* и т. п. Причем понять, в каком из двух значений выступает предлог *с*, можно благодаря очень простому правилу: если свя-

запное с с существительное стоит в родительном падеже, значит, с обозначает «сверху вниз», а если связанное с с существительное стоит в творительном падеже, значит, с обозначает «совместно».

Таким образом, по крайней мере в рассмотренных случаях падеж оказывается не только не лишним, но, наоборот, содержащим очень существенную для понимания информацию. Правда, надо признать, что это далеко не всегда так.

Пусть перед нами предложение: *Саша читает книгу (рассказ)*. Легко понять, о какой ситуации идет речь. Ведь и без падежных форм каждому человеку ясно, что книга (рассказ) вообще не может быть субъектом такого действия, как чтение. Да и вообще представить себе какое-либо действие, совершаемое книгой (рассказом), да еще по отношению к Саше, можно, лишь, пожалуй, вообразив себя автором какого-либо фантастического произведения.

В самом деле, без всякого участия падежных показателей мы правильно понимаем, например, предложения *Колибри летит над шоссе* или *Леди видит такси*. А если *Леди ждет такси*? Как понимать это предложение? Наверное, почти все поймут его так: леди — это субъект, а такси — это объект. Строго же говоря, это совершенно не обязательно, поскольку падежных окончаний, указывающих на различие субъекта и объекта, нет. Можно представить себе, что словом такси в данном предложении обозначен не просто автомобиль, но весь комплекс транспортного средства вместе с водителем. Так что есть возможность (хотя и не очень значительная) предполагать, что такси — это субъект действия, а леди — объект.

Правда, против такого предположения есть еще один косвенный аргумент. Обычно в русском языке существительное, обозначающее субъект, стоит в предложении перед глаголом, а существительное, обозначающее объект, стоит после глагола. Именно так и были построены все рассмотренные выше предложения. Однако отмеченный порядок только тенденция, а вовсе не правило. Возьмем, например, предложение из стихотворения М. Ю. Лермонтова: *Мою любовь, мои мученья (объект) ты (субъект) оправдаешь (действие), может*

быть! — или А. С. Пушкина: *Суровою зимой* (объект) я (субъект) *более доволен*. Значит, предложение *Леди ждет такси* (пусть и в слабой степени) двусмысленно: непонятно, кто же кого ждет.

По-видимому, в тех ситуациях, где могло быть употреблено это предложение, такая двусмысленность не будет существенно влиять на понимание собеседниками друг друга. Окончательно неясность может быть устранена, например, другими элементами текста: *Леди подошла к кромке тротуара и ждет такси*.

Однако не всегда наличие двусмысленностей в предложении легко снимается окружающими словами или предложениями. И эта двусмысленность может быть просто опасной в технических инструкциях или юридических документах. Зато в некоторых дипломатических документах, когда абсолютная однозначность трактовки слов и предложений вовсе не всегда желательна, такие случаи просто находка...

Короче говоря, падежи нужны для того, чтобы разграничивать участников событий. Однако очень часто падежи не имеют никакого самостоятельного значения, их употребление сугубо формально, никакими содержательными соображениями оно не регулируется.

Всегда ли именительный обозначает субъект и всегда ли субъект обозначается именительным?

Мы уже говорили о том, что падеж — это такой ряд слов, который должен обладать способностью составлять с другими словами грамматически правильные сочетания слов. Мы говорили также и о том, что падежи имеют и собственное значение, прежде всего значение субъекта или объекта действия. Как же соотносятся эти характеристики различных падежей?

Начнем издалека. Народная мудрость утверждает: «Скажи мне, с кем ты водишься, и я скажу, кто ты». И это, как правило, верно. В такой же степени, в какой можно определить свойства человека не только по его друзьям, но и по другим характеристикам его окруже-

ния: любимым и нелюбимым занятиям, выбранным или исключенным из внимания книгам, спектаклям, телепередачам... Признавая справедливость вышеприведенного утверждения, можно, однако, быть уверенным, что все эти характеристики лишь косвенно помогают определить сущность человека, но никогда не могут раскрыть и определить ее точно и однозначно. Это делают поступки в самых разнообразных, в первую очередь в экстремальных, ситуациях. Примерно то же самое можно сказать о соотношении между падежами и объективным положением дел, ими называемым.

Как правило, именительный падеж обозначает субъект действия. Это ясно и без примеров. Но в предложении *Эта аллея посажена участниками Всемирного фестиваля молодежи* именительный падеж (эта аллея) обозначает не субъект, а объект действия. В свою очередь, субъект действия (*участники фестиваля*) обозначен вовсе не именительным падежом, а творительным.

В предложении *Я болею* субъект, как это обычно и бывает, обозначен именительным падежом. В предложении *Меня знобит* — винительным, хотя вообще-то винительный обычно употребляется для обозначения объекта действия (*читать книгу, писать письмо, пилить дрова*).

В предложении *Мне душно* субъект обозначен уже дательным падежом, хотя наиболее часто исполняемая дательным падежом роль — это роль адресата действия: *читать (книгу) детям, писать (письмо) друзьям*. Впрочем, адресат действия также не всегда обозначается дательным падежом. Если мы, например, пишем какое-то официальное заявление, обращаясь к лицу, то употребляем дательный падеж: *директору школы Петрову, декану факультета Сидорову* и т. п. А если мы обращаем то же самое заявление в инстанцию, то мы уже не используем дательный падеж, но конструкцию в + винительный падеж: *в отдел кадров* и т. п.

Человек, для которого русский язык — родной, обычно прекрасно умеет правильно употреблять соответствующие падежные формы, практически даже не задумываясь, какой именно падеж

он употребил в каждом конкретном случае. Изучение школьной грамматики помогает ему понять, что здесь именительный, а там, например, дательный. Эти знания позволяют правильно писать, например, *из деревни* (потому что родительный), но *в деревне* (потому что предложный). Однако это не все. Очень полезно понимать, стоит ли за данным конкретным падежом какое-то значение, и если стоит, то какое именно. Понимать, в частности, для устранения двусмысленности. *Письмо матери* — родительный или дательный падеж в последнем слове? Если родительный, то, видимо, мать — субъект действия, автор письма, а если дательный, то мать — адресат действия, получатель письма. Значит, для правильного понимания приведенного словосочетания необходим дополнительный контекст, окружение из других слов и предложений, которые бы сняли двусмысленность. Особенно полезно понимать, что с помощью разных падежных форм можно по-разному представить ситуацию, выдвинув на первое место тот или другой компонент, «участника события».

Какой из «участников события» важнее?

Например, об одном и том же событии можно рассказать несколько по-разному. *Иван пилил дрова* (подчеркивается, что Иван — производитель действия). *Дрова пилились плохо* (неважно, кто работает, важно, что объект действия трудный для обработки). *Пила с трудом ходила взад и вперед* (здесь речь уже не об Иване как о производителе, не о дровах как об объекте, а об орудии — о пиле). В каждом из трех предложений на первый план выходили либо субъект, либо объект, либо орудие.

А можно так построить предложение, что будут упомянуты все три «участника» или любые два из них. Это уже будет зависеть от намерения говорящего. И от свойств главного, управляющего слова.

Так, например, глагол *зависеть* не может быть употреблен в русском языке без указания на причину зависимости. А если гово-

рящий хотел бы и законы языка не нарушить, и о причине умолчать, то ему не следует употреблять глагол *зависеть*. Ему следует произнести что-то вроде *Трудно сказать; Это неизвестно; Это зависит от ряда (многих, нескольких) причин*, т. е. умолчать, от чего же именно существует зависимость.

Какие знания, умения и действия стоят за правильным употреблением падежей?

Попробуем прояснить, какими же знаниями располагает человек, интуитивно правильно употребляющий падеж.

Во-первых, ему известно, как будет выглядеть тот или другой падеж у каждого существительного. Причем известна не только форма окончания (*отцу*, но *сестре*), не только место ударения (*кóни*, но *конéй*), но и наличие чередования (*курок — курка*, но *урок — урока*).

Во-вторых, известно, с каким другим словом связано данное существительное и есть ли содержательные отношения между этими словами. Если таких содержательных отношений нет, то из памяти извлекаются сведения о том, какой падеж следует употреблять в данном случае. Если же содержательные отношения есть, то надо понять, какие же они именно, кроме этого, нужно решить, будут ли эти отношения оформляться по правилу либо особым образом. А если особым образом, то каким же именно.

Ясно, что процедура эта очень сложная. Едва ли, например, изучающие русский язык как неродной реально ею пользуются. Скорее они просто запоминают падежные формы разных существительных и управление русских глаголов. Подобно тому как мы, русские, запоминаем управление английских, немецких или французских глаголов.

Итак, существительное мужского рода не всегда то же самое, что существо мужского пола. Существительное во множественном числе не всегда обозначает множество предметов. А существ-

винительное в именительном падеже может называть не только субъект, но и объект действия.

Рассмотрим, всегда ли одушевленное существительное обозначает живое существо.

Кукла и одушевленность

Какой предмет, одушевленный или неодушевленный, обозначают словом *кукла*? Конечно, неодушевленный. А как быть со словом *кукла*? Из школьного учебника вы знаете, что это слово — имя существительное. А существительные (т.е. слова!) могут быть одушевленными и неодушевленными.

Согласитесь, что, если вдуматься, это несколько шокирующее здравый смысл утверждение. Как же это так, слово — и вдруг одушевленное? Можно еще представить себе слова веселые, радостные, воодушевляющие и, наоборот, печальные, грустные, повергающие в тоску и уныние. Ну, ласковые и грубые, близкие, родные, понятные и чужие, заимствованные, научнообразные. Но чтобы одушевленные и неодушевленные! Нет, здесь что-то не то.

Верно, не то. Не то здесь прилагательное *одушевленный*. Дело в том, что одни имена существительные мужского рода имеют в винительном падеже единственного и множественного числа форму, совпадающую с именительным, а другие — форму, совпадающую с родительным. Например, *вижу дом, стол, автомобиль (дома, столы, автомобили), но тигра, укротителя (тигров, укротителей)*. Одни имена существительные женского и среднего рода имеют в винительном падеже множественного числа форму, совпадающую с именительным падежом, а другие — форму, совпадающую с родительным. Например, *вижу деревни, дороги, окна, села, но девушек, лошадей, чудовищ, насекомых*.

Одни имена существительные мужского рода в винительном падеже единственного и множественного числа подчиняют прилагательные (и другие слова, склоняющиеся, как прилагательные) в

форме именительного падежа, а другие — в форме родительного падежа. Например, *люблю черный кофе (черного какаду), люблю такие такси (таких конферансье)*. Одни имена существительные женского и среднего рода в винительном падеже множественного числа подчиняют прилагательные (и другие слова, склоняющиеся, как прилагательные) в форме именительного падежа, а другие — в форме родительного падежа, например: *вижу новые ателье (мастерские), но вижу страшных чудовищ, вижу знакомых пани*.

Совпадение формы винительного и родительного падежей существительного и согласуемого с ним слова (обоих чисел у слов мужского рода и множественного числа у слов женского и среднего рода) получило в грамматике название *одушевленность*. А совпадение формы винительного и именительного падежа существительного и согласуемого с ним слова (обоих чисел у слов мужского рода и множественного числа у слов женского и среднего рода) получило название *неодушевленность*.

Совершенно ясно, что формальные особенности слов никак не могут связываться с одушевленностью или неодушевленностью самих слов. Последние всегда неодушевленные. Однако эти формальные особенности слов могут связываться со свойствами тех предметов, которые этими словами обозначаются. И в данном случае такая связь налицо. Если существительное обозначает одушевленный предмет, то оно обычно оформляет винительный падеж (мужского рода в обоих числах, женского и среднего во множественном числе), как родительный. А если обозначает неодушевленный предмет, то соответственно обычно делает это, как именительный.

Только ни в коем случае не следует думать, что различное оформление винительного падежа и разграничение предметов на одушевленные и неодушевленные — это, по сути, одно и то же явление.

Одушевленность-неодушевленность предметов в окружающей нас действительности и формальные свойства слов, называющих эти предметы, вовсе не находятся в одной плоскости. И тем более не связаны причинно-следственными отношениями. Мы уже по-

дробно говорили о том, что предмет, называемый словом *кукла*, заведомо неодушевленный. Однако слово *кукла* ведет себя так, как обычно ведут себя слова, обозначающие одушевленные предметы. По-русски следует сказать *вижу красивых кукол*, т. е. так же, как *вижу красивых девушек*, а не так, как в случае *вижу красивые розы*.

Примеров, когда слова, обозначающие неодушевленные предметы, ведут себя так, как будто обозначают предметы одушевленные, можно привести немало. Вспомним, например, слова Гаева из пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад»: «Дуплетом желтого в середине...» Употребляя форму *желтого* (как родительный, т. е. как обозначающий одушевленный предмет), Гаев, как почти все любители биллиарда, может быть, высказывает свое отношение к биллиардному шару, как к живому существу. Но от этого сам шар все-таки одушевленным не становится.

А когда герой детской сказки С. Я. Маршака «Кошкин дом» жалуется: «Ты с ума сошла, коза, бьешь десяткою туза», — он также обращается со словом *туз* так, будто бы он обозначает одушевленный предмет. При этом, однако, нормы русского языка никак не нарушаются, а сам предмет, называемый тузом, вовсе не становится одушевленным.

Еще ярче расхождения между свойством предмета, одушевленный он или нет, и формальными свойствами слова, называющего этот предмет, можно увидеть на примере слов *мертвец* или *покойник*. Уже в самом лексическом значении этих слов совершенно ясно выражено значение неодушевленности. А формально они ведут себя так, будто бы обозначают одушевленные предметы. Вспомним у А. С. Пушкина: *Тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца*. Или у Н. А. Некрасова: *Без лишних речей, без рыданий покойника вынес народ*.

Или обратные примеры. Предмет заведомо живой, одушевленный, а слово, его называющее, оформляет винительный падеж так, как будто оно обозначает неодушевленный предмет. Например: *Ученые обнаружили новый микроб (вирус), являющийся возбудителем болезни*. И по-русски не следует говорить: «...обнаружили

нового микроба (вируса), являющегося...» А уж раз болезни возбуждает, значит, заведомо одушевленный.

Итак, в подавляющем большинстве одушевленность (неодушевленность) предмета и формальные особенности существительного, обозначающие этот предмет, скоординированы четко. Однако было бы глубокой ошибкой смешивать характеристики предметов окружающего нас мира и характеристики слов, эти предметы называющих.

А опасность такого смешения налицо. Ведь в нашем случае и там, и здесь одни и те же слова — *одушевленность* и *неодушевленность*. Однако только по отношению к предметам эти слова имеют реальный смысл. А по отношению к формальным свойствам слов являются лишь условными обозначениями этих свойств.

Яркий, ярковатый, самый яркий.

Как можно охарактеризовать предмет?

Мы с вами обсудили немало проблем, возникающих при изучении имени существительного. Рассмотрели, как соотносятся грамматические понятия «род», «число», «одушевленный» с понятиями «пол», «количество», «живой», увидели много несоответствий между давно привычными падежами и положением дел в объективной действительности.

Остановимся теперь на существительном как части речи, которая является основным средством обозначения предмета, например: *дом, стол, кот, зебра, ученик, правда* и т. п. Проявления предмета могут быть статичными, более или менее постоянными, и в этом случае они обозначаются обычно прилагательными (*дом большой и уютный, стол старинный, кот черный, зебра полосатая, ученик старательный* и т. п.).

Разумеется, эти проявления могут выражаться и не только прилагательными, но и существительными в разных падежах, в том числе и в именительном (*Дом — под горой; Стол — в углу; Зебра — животное; Мой отец — учитель*). Причем некоторые существительные как бы специально приспособлены для обозначения

именно проявлений, а собственно предметы называют с большим трудом. Такими существительными являются, например, оценочные слова типа *загляденье, объедение (Пирожки — объедение!)* или те значения слов, называющих животных, которые обозначают свойства лиц. Вспомните слова Софьи о Чацком: *Не человек, змея*. Здесь *змея* заведомо не обозначает представителя животных определенного вида, но является характеристикой человека.

Но проявления предмета могут иметь динамический характер или характеризовать состояния предмета. Очевидно, что в таких случаях на помощь приходят уже глаголы (*Дом строится. Стол стоит. Кот крадется. Зебра убегает. Ученик слушает*).

Впрочем, глаголы в форме инфинитива могут выступать и в качестве этого предмета, о проявлениях которого сообщается, и в качестве самого проявления: *Жить — значит бороться*.

Поскольку любой предмет и его проявление существуют во времени и пространстве, то эти характеристики должны быть как-то выражены. Для этой цели лучше всего подходят наречия (*вчера, потом, здесь, туда* и т. п.). Очевидно, что эти функции также могут выполнять и существительные, с предлогами и без предлогов (*в воскресенье, после праздника, под мостом, из деревни* и т. п.).

Существительные также могут обозначать других участников ситуаций, кроме главного: объект действия (*читать газету*), адресата действия (*писать сыну*) и т. п. И уж здесь они являются монополистами, не позволяя другим частям речи вторгаться в эту область. Зато в обозначении характера проявлений участвуют и существительные, и наречия (*сказать по недоразумению и сказать сгоряча, говорить медленно и говорить с чувством* и т. п.).

Пере- и Недо-

Очевидно, что если речь идет о проявлениях рода подвижных, изменчивых или постоянных, статичных, то они могут быть представлены в большей или меньшей степени. У глаголов это разли-

чие в степени обычно выражается с помощью приставки *пере-* в случае превышения нормы и с помощью приставки *недо-* в том случае, если действие, так сказать, не достигает нормы. Глаголы *перевыполнить* и *недовыполнить*, без сомнения каждому хорошо известные, прекрасно иллюстрируют это утверждение.

Если же речь идет, например, о словах типа *медведь, змея, индюк*, а также играющих такую же роль словах *шляпа, тряпка, дуб* (о человеке соответственно недалеко, безвольном, глупом), то здесь степень соответствующего свойства (может быть, лучше было бы сказать «похожести») выражается только лексически: *Он ужасный медведь, а она немножко змея.*

Однако наиболее часто потребность выразить степень признака возникает в тех случаях, когда он обозначен прилагательным. При этом встречаются задачи двух типов. В первом случае необходимо выразить, что какой-то признак у одного предмета представлен либо в большей степени, чем у другого, либо в большей степени, чем у всех других предметов того же класса. Уверен, читатель уже догадался, что речь идет соответственно о сравнительной и превосходной степенях сравнения прилагательных. Пример на сравнительную степень: *Эверест выше Эльбруса*, т. е. Эверест высок и Эльбрус высок, но высота Эвереста больше. Пример на превосходную степень: *Эверест — высочайшая горная вершина.*

Правда, следует помнить, что превосходная степень прилагательного не обязательно обозначает такой признак, больше которого нет в природе. Нередко за превосходной степенью стоит не абсолютный, так сказать, максимум, а принадлежность к тому кругу, который считается максимальным. Поэтому, когда мы слышим или читаем, например, *Чайковский — величайший композитор*, это не следует понимать, что все остальные композиторы ниже названного. Речь идет о другом: о том, что П. И. Чайковский принадлежит к композиторам, которые считаются величайшими...

Какие средства лучше?

Хочу напомнить, что те значения, которые передаются сравнительной и превосходной степенью прилагательного благодаря использованию внутрисловных средств, с не меньшим успехом могут быть переданы с помощью средств лексических, т. е. находящихся за пределами данного прилагательного: *добрее* — *более добрый*, *добрейший* — *самый добрый*.

Для тех, чей родной язык русский, подобные проблемы не представляют никакой сложности. И поэтому возможность двух способов обозначения того, что в одном предмете признака не столько, сколько в другом (или других), может быть использована ради лучшей организации текста. Ради сокращения текста или для того чтобы избежать повторов, а может быть, для того, чтобы с помощью этого и других средств подчеркнуть либо обыденность общения (суффиксальный или префиксальный способы), либо его официальность (способ с *более* или *менее*).

Не больше и не меньше?

Нередко задача состоит в том, что говорящий (пишущий) хочет сообщить о признаке, который, по его мнению, представлен в предмете в большей или меньшей степени, но уже не по отношению к другому предмету, а по отношению к некоторой норме.

Вообще понятие нормы принадлежит к числу таких, какие вроде бы совершенно ясны, но на практике очень трудно определимы. Например, когда мы говорим, что *горбун* — это человек, который имеет горб, а *носач* — это человек, который не просто имеет нос, но нос больших размеров, то мы опираемся на понятие нормы. Ведь нормально — это не иметь горба и иметь нос. А вот если мы говорим *бородач*, то это и тот, кто имеет бороду (ведь большинство людей все-таки не носит бороду), и тот, у кого большая борода. Так что, как только дело доходит до абсолютных по-

казателей, вопрос о норме становится еще более туманным. Мало и много здесь совсем не опираются на абсолютные цифры, а отражают норму.

В сознании каждого человека существует некоторое представление о какой-то средней, обычной, лишенной всяких крайностей норме для определенных обстоятельств. Поэтому, когда современные молодые люди отвечают на вопрос о том, как они поживают: «Нормально», — это, по-видимому, означает «так, как всякий средний, обычный человек в моей ситуации». И мне, по правде говоря, такой ответ не очень нравится, поскольку он снимает момент человеческой индивидуальности. Когда говорят: «По-прежнему», «Без перемен» или «Ничего нового», это тоже, как и «Нормально», сообщает о том, что ни оценки (хорошо, плохо), ни глубокого ответа не будет. Однако здесь человек говорит все-таки о себе, а не о некой усредненной норме.

Однако вернемся к норме при определении степени признака. Если мы хотим сказать, что какой-то признак представлен в каком-то предмете больше нормы, то мы можем воспользоваться и лексическим способом (*очень (чрезвычайно, исключительно) толстый* или *худой*) и способом внутрисловным (*толстенный, худющий*). А если признак представлен, так сказать, меньше нормы, то это тоже можно обозначить и лексически (*немножко (чуть-чуть, слегка) глупый*), и с помощью суффикса (*глуповатый*). Так что и здесь проявляются и словообразовательные возможности языка (сравните с глагольными приставками *недо-* и *пере-*), и его лексические потенции (сравните со словами *более, менее, самый*). Впрочем, и здесь словообразовательные средства присоединяются к прилагательным с большой степенью избирательности: *глуповатый*, но не «умноватый»; *староватый*, но не «молодоватый»; *высоченный*, но не «узенный» или «узущий»; *длинющий*, но нельзя «коротенный» или «коротющий»... Зато можно *немножко глупый, не очень умный, несколько стар, немножко молод, очень высокий, чрезвычайно узкий* и т. п. Так что

лексические средства всегда выручат там, где никак не работают словообразовательные.

Однако и лексические средства не без капризов в готовности сочетаться с прилагательными. Едва ли, например, можно сказать по-русски «слегка умный» или «исключительно старей».

Мы рассмотрели вопросы, связанные со сравнительной и превосходной степенью сравнения прилагательного. Другие грамматические характеристики прилагательных — род, число и падеж — затрагивались в связи с одноименными характеристиками существительных.

Что же еще осталось? Краткая и полная формы прилагательных. Взятые сами по себе, эти формы по значению ничем не различаются. Однако в некоторых предложениях с помощью противопоставления краткой и полной формы может обозначаться важный элемент содержания. Сравните предложения *Ребенок больной и Ребенок болен*. В первом случае речь идет о стабильном, а во втором — о временном состоянии здоровья ребенка.

Однако самое важное различие между краткой и полной формой, как вы знаете, в их синтаксической позиции: краткая выступает только в функции сказуемого, а полная — и в функции определения, и в функции сказуемого. Например: *Оппонент строг и Оппонент строгий*.

Перейдем к грамматическим характеристикам глагола, этой, по мнению многих ученых, самой важной, самой емкой и самой сложной части речи в русском языке.

О каком совершении говорит глагол совершенного вида?

Несколько способов решения одной задачи.

Думаю, что каждый взявшийся за эту книгу знает, что в русском языке существуют глаголы совершенного и несовершенного вида.

Хорошо всем известен и прием различения глаголов разных видов. На вопрос *что делать?* отвечают глаголы несовершен-

ного вида, на вопрос что сделать? — совершенного. Однако способ этот хотя и верный, но не единственный.

Можно, например, образовать форму 1-го лица единственного числа и попытаться понять, какое время она обозначает: если настоящее, то глагол — несовершенного вида, если будущее — совершенного. *Писать* — *пишу* — настоящее время, значит, вид несовершенный; *написать* — *напишу* — будущее, значит, совершенный.

Есть и еще один прием. Попробуйте прибавить к инфинитиву глагола, вид которого вас интересует, слова *начать*, *кончить*, *буду*. Если получатся правильные русские словосочетания — несовершенный вид, а если получится такое, что по-русски сказать нельзя, — совершенный. *Начать читать*, *кончить читать*, *буду читать* — правильные русские словосочетания, значит, *читать* — глагол несовершенного вида. Но по-русски нельзя сказать «начать прочесть», «кончить прочесть», «буду прочесть» — значит, глагол *прочитать* совершенного вида. Разумеется, речь идет не о том, чтобы как-то скомпрометировать прием с вопросами. Просто можно пользоваться и другими приемами, которые для определения видовой принадлежности глагола работают ничуть не хуже. Однако же и не лучше.

Небольшое отступление о лексической сочетаемости

Показывая невозможность прибавления слов *начать*, *кончить*, *буду* к глаголам совершенного вида, мы коснулись проблемы лексической сочетаемости. В каждом языке, в том числе и в русском, не всякое слово соединяется со всяким даже и в том случае, если их соединение содержательно допустимо. Например, можно сказать *сильный дождь* и *сильный ветер*, но вместо *сильный дождь* можно сказать и *проливной* («очень сильный») *дождь*, а о сильном ветре сказать, что он «проливной», совершенно невозможно, хотя ветер, как и дождь, тоже может быть очень сильным.

Наверное, функции начальника по отношению к полку, заводу или кафедре в принципе не слишком различаются. Однако полком

можно только командовать, заводом — лучше всего руководить, а кафедрой — заведовать. При этом «руководить» или «заведовать» полком просто невозможно, заводом можно и командовать, но при особых, чрезвычайных обстоятельствах, в отличие от полка, где командование — норма.

Не нужно, впрочем, думать, что лексическая сочетаемость обнаруживается только в запретах на логически возможные сочетания. Бывает и по-другому. Вроде бы по смыслу не должно быть сочетания, а оно — на самом деле есть.

Так, например, глаголы *толкнуть*, *крикнуть* или *стукнуть* обозначают действие, каждое из которых совершилось один раз. Но по-русски вполне возможно сказать *несколько раз толкнуть*, *крикнуть* или *стукнуть*. Вроде бы логически невозможно, а в языке — пожалуйста.

Или, наоборот, используются такие лексические показатели, которые никакого нового смысла к слову не прибавляют. *Поговорить* — значит «некоторое время говорить», но можно к этому слову прибавить слова *некоторое время*, и получится вполне хорошее русское словосочетание *поговорить некоторое время*. Хотя зачем здесь слова *некоторое время*, ведь стоящий за ними смысл уже заключен в слове *поговорить*?

Вернемся, однако, к ограниченным в своей лексической сочетаемости глаголам совершенного вида. Они не сочетаются не только с глаголами *начать*, *начинать*, *кончать*, *кончить*, но с имеющими различные обстоятельственные значения словами *все* в значении «постоянно» (*Он все бежал* возможно, но «Он все побегал» или «убегал» невозможно), *каждый день*, *час*, *минуту* и т. п. («Он каждый день прочитал книгу» невозможно, а *Он каждый день читал (прочитывал) книгу* возможно).

Также не сочетаются глаголы совершенного вида не только со словами и словосочетаниями типа *ежедневно*, *систематически*, *целый день*, но и в некоторых случаях, когда говорящий выражает к чему-то отрицательное отношение. Так, например, нельзя

сказать «Я разлюбил прочитать такие книги», а можно лишь *Я разлюбил читать такие книги*. Невозможно сказать «Не советую попросить его об этом», но следует сказать *Не советую просить его об этом*.

Определим видовую принадлежность глагола по форме или по смыслу

Мы рассмотрели несколько способов определения вида глаголов. Все они рассчитаны на хорошее владение русским языком. Нельзя ли найти в глаголах какой-то формальный показатель, указывающий на их вид? Как, например, в немецком языке: если слово оканчивается на *-keit*, то оно женского рода.

В самом деле, если в русском глаголе есть суффиксы *-ыва-* или *-ива-*, то этот глагол, вероятнее всего, несовершенного вида. А глагол с двумя приставками почти всегда принадлежит к совершенному виду, например: *по-на-строить*, *по-вы-талкивать* (суффикс *-ива-* не помогает!) — это все глаголы совершенного вида. Правда, глаголов с двумя приставками в русском языке очень мало. Да и не всегда легко понять, тем более плохо владеющему языком, где две приставки, как в примерах, данных выше, а где одна приставка, например: *по-на-деяться*, *по-высить*.

При определении рода немецких существительных можно опираться не только на формальный показатель (суффикс *-keit*), но и на содержательный момент. Обозначает существительное существо женского пола, — значит, оно женского рода. Хотя бывают здесь и исключения, например, «девочка» обозначается по-немецки словом среднего рода — *das Madchen*.

Может быть, и при определении видовой принадлежности русского глагола опираться на его значение? Но что же содержательно противопоставляют глаголы совершенного и несовершенного вида? Этот вполне законный и теоретически, и практически вопрос изучается учеными-лингвистами очень давно.

И, как часто бывает со старыми вопросами, не столько продвигается к решению, сколько вязнет в полемике представителей разных точек зрения. Попробуем все же разобраться, хотя для этого потребуется и терпение, и напряжение мысли.

В течение долгого времени сохранялось представление, что между глаголами обоих видов существует некое постоянное, общее содержательное различие.

Говорили в таком случае о том, что совершенный вид указывает на достижение действием его внутреннего предела, т. е. достижение такой точки, после которой действие прекращается не по воле субъекта, а в силу, так сказать, самоисчерпанности. Например, *строил, строил, строил* и, наконец, — *построил*, т. е. действие прекращается, потому что достигнут внутренний предел, строить уже больше нечего, все построено.

Другие возражали. Ну а если мы возьмем глагол любить: *любил, любил, любил* и ... что дальше? *Полюбил*? Бессмысленно. *Разлюбил, стал любить еще больше*? Но ведь это никак не может считаться внутренним пределом данного действия!

Совершенный вид содержательно отличается от несовершенного тем, что он обозначает такое действие, которое отличается целостностью. Как в *построить, поцеловать*. И там, и здесь действие предстает как нечто цельное, ограниченное.

Такое понимание содержательного развития между совершенным и несовершенным видом было бы, конечно, просто замечательным. Но при некотором условии. А именно в том случае, если бы оно реально помогало отделить глаголы совершенного вида от несовершенного. Глагол *раскричаться* — совершенного вида. А какая же в нем целостность? Глагол *запевать* — несовершенного вида, а, наверное, обозначаемое им действие целостное, ограниченное. Ведь начало действия заключено уже в приставке *за-*, а окончание — в понимании того, что нельзя все время запевать, запев непременно должен прекратиться, превратившись в пение или в молчание.

Можно было бы и продолжить разговор о разных попытках найти общее, неизменное содержательное различие между глаголами двух разных видов. Однако мы не станем этого делать. Да и почему, собственно, такое общее содержательное различие непременно должно быть? Ведь глаголы обоих видов отличаются, во-первых, количеством времен и, во-вторых, способностью сочетаться с другими словами. Почему же это непременно должно влечь за собою постоянное, одинаковое содержательное различие?

Однако если не существует общего содержательного различия между глаголами совершенного и несовершенного вида, то можно наблюдать многие содержательные различия. Одни из них встречаются часто, другие редко, причем меняются в зависимости от конкретных глаголов.

Кроме того, из всех описанных представлений четко выкристаллизовалась мысль, что глагол совершенного вида обычно содержательно сложнее глагола несовершенного вида, т. е. он содержит информацию, которая есть в соответствующем глаголе несовершенного вида плюс еще нечто. Постараемся проникнуть в эту идею поглубже.

Могут ли те, кто старше шестнадцати лет, смотреть фильмы для детей?

Всякий, кто хотя бы некоторое время провел в школе, конечно же, слышал такой диалог:

Учитель. Плохо, Иванов, ты ничего не знаешь.

Ученик (skonфуженно). Я учил...

Учитель (назидательно). А надо бы не учить, а выучить.

После этой реплики учителя ученик остается посрамленным еще и за безуспешную попытку как-то оправдать свое невежество.

А на самом деле была ли эта попытка такой уж абсурдной, какой она представляется? Вовсе нет. Глагол несовершенного вида *учить*, употребленный в нашем диалоге в значении «занимаясь, усваивать, запоминать», ничего не говорит о результатах этого

действия. В отличие от глагола совершенного вида *выучить*, который сообщает, что соответствующее действие достигло результата.

Так вот, очень важно понять, что глагол совершенного вида говорит о результативности действий, а глагол несовершенного вида говорит не о безрезультатном действии, а просто оставляет вопрос о результате открытым. Ничего не говорит о результате: ни да, ни нет. Умалчивает, так сказать. Вот и наш ученик, говоря: «Я учил», — констатирует, что он производил некоторое действие, а о его результатах ничего не сообщает.

Это очень просто. Однако большая часть людей предпочитает мыслить в категориях «да» или «нет». А не в категориях «да», «нет», «неизвестно». В нашем же случае по отношению к результату действия глагол *выучить* значит «да» (результат имеется!), а глагол *учить* значит «неизвестно» (может быть, «да», а может быть, и «нет», т. е. и «да», и «нет»), а отнюдь не «нет» (результат отсутствует!).

Постарайтесь, пожалуйста, по-настоящему усвоить эту очень важную мысль..

Слова *комар* и *муха* находятся в отношениях «да», «нет», а слова *насекомое* и *комар* находятся в отношениях «может быть» «да». Ведь насекомое может быть и комаром, но может быть и мухой, и жуком, и бабочкой...

В таких же отношениях находятся слова *учащийся* и *школьник*, поскольку учащийся может быть и школьником, и студентом, и курсантом, и аспирантом. Впрочем, и учитель, и даже профессор должны время от времени тоже становиться учащимися, иначе они рискуют безнадежно отстать от движения жизни...

Если на кинофильм лица до шестнадцати лет не допускаются, то детей в зале заведомо нет. А на детском фильме могут присутствовать не только те, кому до шестнадцати, но и взрослые. Непонимание такого не двойного, а тройного противопоставления часто является причиной конфликтов между людьми, и особенно часто между детьми и взрослыми.

Результативность

Итак, мы утверждаем, что глагол совершенного вида добавляет обычно к соответствующему глаголу несовершенного вида какую-то дополнительную содержательную характеристику. Иначе, не отрицает то, что уже было, т. е. не говорит: «Нет, не насекомое, а млекопитающее», — а уточняет: «Да, насекомое, точнее, комар». Не отрицает: «Нет, не учащийся, а рабочий», — а уточняет: «Да, учащийся, точнее, школьник...»

Возникает вопрос: какие же такие уточнители реализуются в глаголах совершенного вида?

Пожалуй, самое распространенное — это значение результативности действия. Так, например, глаголы в парах: *строить* — *построить*, *читать* — *прочитать*, *писать* — *написать*, *варить* — *сварить*, *гладить* — *выгладить*, *покупать* — *купить* — отличаются и видовой принадлежностью (первые члены пар принадлежат к несовершенному виду, вторые — к совершенному), и тем, что первые просто называют определенное действие, а вторые говорят о том, что действие это было результативным, успешным.

Поэтому если вам встретился в тексте глагол несовершенного вида, то вопрос о результативности этого действия остается формально не выраженным. Подчеркнем: *формально не выраженным*.

Результативность действия может быть очевидна из самой ситуации общения. Так, например, мы находим в эпиграфе к «Железной дороге» Н. А. Некрасова «Папаша, кто строил эту дорогу? — Граф Петр Андреевич Клейнмихель, душенька» глагол несовершенного вида строить. Однако участники диалога едут по железной дороге (ведь этот диалог происходит в купе вагона!), поэтому им совсем не обязательно подчеркивать результативность строительства. Это и так очевидно. Предметом разговора является другое — кто был производителем этого действия. Поэтому в такой ситуации можно употребить и глагол *строить* (наличие результата и без дополнительного указания ясно), и глагол *построить*. В последнем случае

упоминание о результате по той же причине, строго говоря, излишне, или, как говорят в таких ситуациях лингвисты, избыточно. Так что у Н. А. Некрасова мысль выражена точно и ясно.

Если говорящий непременно хочет ясно и недвусмысленно выразить то, что действие было (или будет) результативным, он не должен обозначать это действие глаголом несовершенного вида, т. е. говорить, например, *Я решал эту задачу* или *Я буду решать эту задачу*, но должен так изменить глагол *решать*, чтобы выразилось результативное действие. По отношению к глаголу *решать* — это будет глагол *решить*, по отношению к *читать* — *прочитать*, к *писать* — *написать*, к *лечить* — *вылечить*, к *красить* — *покрасить* и т. п.

Каждый человек, владеющий русским языком, без большого труда может решить эту задачу, которую в общем виде можно сформулировать так. Дан глагол, обозначающий действие, о результате которого ничего неизвестно. Требуется найти глагол, обозначающий такое же действие, но достигающее результата.

Однако для человека, изучающего русский язык как неродной, эта задача очень трудна. Откуда знать, каким именно формальным способом обозначается результативность действия? Ведь результативный глагол от *ловить* — это *поймать*, менее удачна форма — *отловить*, но ведь другие результативные глаголы образуются совсем не обязательно с помощью приставки *от-*. Ведь от *глядеть* — это *выглядеть*, от *рисовать* — *нарисовать*, а не «вырисовать», от *пилить* — *распилить*, и хотя глаголы выпилить и напилить тоже существуют, но обозначают все-таки не совсем то, что было задано по условию задачи.

А в некоторых случаях результативный глагол образуется вовсе не с помощью какой-либо приставки, а совсем иначе, как в случаях *решать* — *решить* или *покупать* — *купить*.

Попробуйте-ка ясно представить, во-первых, все те формальные средства (приставки, суффиксы, комбинацию этих средств, другие слова), которые позволяют получить по отношению к данному глаголу его, так сказать, пару, в которой есть указание на результат — и ничего более.

Ну а вторая задача еще более трудная. Пусть у нас есть все средства, но как знать, какое именно средство следует использовать для каждого конкретного глагола? Ведь результативный глагол для *решать* — это *решить*, но для *читать* — не «читить», а *прочитать*, а вот для *писать* приставка *про-* не подойдет, так как *прописать* обозначает совсем не то, что нужно, а правильным ответом будет *написать*. Но тот, кто владеет русским языком, и так это знает, а вот не владеющий языком должен это просто выучить. Легко сказать, но сделать труднее.

Впрочем, необходимо понимать, что результативная пара от разных значений одного глагола может выглядеть по-разному.

Допустим все же, что трудности позади, — получена пара, указывающая на результативность, т. е. слово, нужное для обозначения задуманного нами содержания. Но это слово — глагол совершенного вида, значит, по сравнению с исходным словом мы не только приобрели выражение столь необходимого нам содержания, но приобрели слово, в какой-то степени ущербное по сравнению с исходным. Ведь у совершенного вида не три, а лишь два времени, да и сочетается он с другими словами ограниченнее, чем глагол несовершенного вида. Не слишком ли велика цена, которую говорящий должен обязательно «заплатить» за выражение результативности?

Но бывают случаи, когда результативность следует непременно выразить. Например, вы хотите узнать, выиграла или нет ваша любимая футбольная команда. Здесь глагол несовершенного вида *играть* совсем не годится. Вы и так знаете, что она играла, вам важен именно результат этого действия, т. е. *выиграла* (да!) или *не выиграла* (нет!).

Другой пример. Придя в часовую мастерскую, вы хотите узнать, могут ли там починить часы, т. е. выполнить результативное действие. Вас совершенно не устраивает формулировка с глаголом несовершенного вида типа *будем чинить* и не очень радует просто процесс, вам нужно именно достижение результата. (По правде говоря, я чуть-чуть упрощаю дело. Из своего жизненного

опыта каждый знает, что мастер, взявшийся чинить часы, почти непременно их починит. Но вот это-то почти, присутствуя в глаголе *чинить*, отсутствует в слове *починить*.)

Ну а если обозначение результативности столь необходимо, то от появления «ущербного глагола» вам уже трудно будет уклониться. Допустим, вы хотите сказать, что в Москве завершили строительство новой линии метро. Можно легко справиться с этой задачей, если употребить глагол совершенного вида *построить*, а если вы хотите сказать, что в Москве каждый год завершается строительство то одной, то другой линии метро, глагол *построить* для этой цели вряд ли годится. Ведь *построить*, будучи глаголом совершенного вида, как уже отмечалось, не сочетается со словами *каждый год*. Как же выйти из положения, чтобы и результативность обозначить и цикличность отметить?

Я разбил бы нашу задачу на два предложения: *В прошлом году в Москве построили новую линию метро. Такие линии вводятся в действие каждый год*. Правда, в этом случае появилась не планировавшаяся информация о прошлом годе и слова о введении в действие. Можно решить поставленную задачу и другими способами, хотя, по-видимому, в каждом случае неизбежно появятся в силу требований, связанных с устройством языка, дополнительные сведения, которые вовсе не входили в замысел говорящего.

Вообще особенность выражения результативности действия в русском языке состоит в том, что ее очень трудно выразить иначе, чем соответствующим глаголом совершенного вида. В самом деле, конечно, можно сказать: *Я читал книгу от начала до конца или Он успешно завершил* (опять глагол совершенного вида!) *строительство дома*, но гораздо естественней по-русски звучит *Я прочитал книгу или Он построил дом*.

Итак, выражение результативности действий — важная область, где не обойтись без помощи глаголов совершенного вида. Но есть и другие значения, для выражения которых употребляются глаголы совершенного вида. Еще одно такое значение — это кратность действия.

Сколько раз вы навещали больного?

Мы уже не раз отмечали, что глаголы несовершенного вида обычно просто называют какое-то действие или состояние, не давая ему никаких дополнительных характеристик. А иногда бывает очень важно обозначить то, сколько именно раз совершалось или будет совершаться действие. Например, услышав предложение *Я вам звонил*, вы остаетесь в неведении, сколько же раз звонил ваш собеседник, т. е. был ли он настойчив в своем желании поговорить с вами или это его желание оказалось мимолетным, исчезнувшим после первой же неудачной попытки.

Согласитесь, что нередко эта информация совершенно несущественна для вас. Но в тех случаях, когда вам совсем не все равно, как ваш собеседник относится к возможности поговорить с вами, она для вас может быть очень важной. А вот если бы было сказано: *Я позвонил Вам*, стало бы совершенно ясно, что говорящий звонил только один раз. И эту информацию вы получили бы благодаря употреблению глагола совершенного вида.

Впрочем, в отличие от результативности однократность действия может быть легко обозначена и другим способом. К глаголу несовершенного вида можно просто прибавить словосочетание *один раз*, и получится: *Я звонил один раз*, т. е. почти то же самое, что и в случае *Я позвонил Вам*. Подчеркнем здесь слово *почти*. Существо дела, обозначаемого обоими предложениями, конечно, одинаково. Однако, употребляя словосочетание *один раз*, говорящий подчеркивает, акцентирует количество действий. А употребляя глагол совершенного вида, говорящий сообщает, что действие имело место один раз, однако оставляет это обстоятельство как бы в тени.

Не следует думать, будто сообщение о том, что действие имело место один раз, может быть оформлено либо с помощью глагола совершенного вида, либо с помощью словосочетания *один раз*. Сравним употребление глаголов *навещать* — «посетить кого-нибудь, побывать у кого-нибудь, где-нибудь (один раз)» и *наве-*

щать — «совершать такое же действие (неизвестное количество раз)» в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

В лирическом отступлении о родне поэт пишет:

Родные люди вот какие:
Мы их обязаны ласкать,
Любить, душевно уважать
И, по обычаю народа,
О Рождестве их *навещать*
Или по почте поздравлять...

По-видимому, здесь речь идет об одном-единственном посещении в году, осуществляемом именно на праздник рождества. Однако поскольку таких праздников в жизни человека могло быть не меньше, чем число прожитых им лет, то, значит, и посещение было не одно. Впрочем, за все эти сведения глагол несовершенного вида, разумеется, ответственности не несет.

А теперь прочитаем диалог старушки Лариной и ее московской кузины о друге их юности:

«Как, Грандисон?.. а, Грандисон!
Да, помню, помню. Где же он?» —
«В Москве, живет у Симеона;
Меня в сочельник *навестил*.
Недавно сына он женил...»

Здесь речь идет об одном посещении. Странно было бы, если бы в один день старый приятель нанес пушкинской героине несколько визитов.

Первый отрывок из «Евгения Онегина» трактует о некоторых общих правилах, пригодных на многие случаи жизни. Во втором — речь идет о вполне конкретной, определенной ситуации.

Итак, некоторые русские глаголы несовершенного вида весьма неопределенны относительно количества повторений называемых ими действий. И в этом смысле они несколько напоминают формы Indefinite в английском языке. А некоторые русские глаголы совершенного вида, четко обозначающие, что действие имело

или будет иметь место один раз, несколько напоминают английские глагольные формы, называемые Continuous. Обратим внимание на слово *напоминают*. Именно так. В русском языке нет последовательного противопоставления действия в определенный момент и действия как свойства, как характеристики действующего лица или предмета.

Русское предложение *Дочь навещает отца в больнице* может обозначить два факта. Во-первых, его можно понимать, как сообщение о том, что делает дочь в данный момент, точнее, где она находится. Во-вторых, это предложение можно понимать, как сообщение о характере отношений между дочерью и ее находящимся в больнице отцом, хотя в данный момент дочь может находиться вовсе не у больного отца, а в любом другом месте. А вот предложение *Дочь навестила отца в больнице* только сообщает об имевшем месте единичном конкретном факте. И никак не претендует на характеристику отношений между родными.

О начале, конце, интенсивности и других характеристиках действия

С помощью глаголов совершенного вида можно выразить начало и конец действия: *петь* и *запеть*, *петь* и *отпеть* (вспомним шолоховское: *Вот и отпели донские соловьи дорогим моему сердцу Давыдову и Нагульнову*); незначительную, ослабленную степень действия (*Дверь не нужно открывать, а надо лишь слегка приоткрыть*) или, напротив, высокую интенсивность действий: *кричать* — *раскричаться*, *ждать* — *заждаться*. Можно обозначить и доведение действия до некоторой определенной точки (не путать с результатом!): *дочитать до второй главы*, *достроить до крыши*, и ограниченную продолжительность действия: *погулять* (некоторое время) — или, как у В. В. Маяковского, *землю попашет, напишет стихи*. И повторное, заново совершаемое действие: *перешить*, *перестроить*.

Используют глаголы совершенного вида, когда надо показать, что действие обращено на многие объекты, например: *обзвонить* (*всех знакомых*). Вспомните, как Лопухин в «Вишневом саде» обещает настроить дач, а герой кинофильма «Берегись автомобиля» Юрий Деточкин жалуется на то, что *капканов везде повесили*.

Употребляются глаголы совершенного вида, чтобы выразить значения «сделать так, чтобы другой...»: *верить* (самому) — *уверить* (другого), «сделать так, чтобы больше не хотеть»: *спать* — *выспаться*, *есть* — *наесться* — и даже «сделать такое количество раз, которое приводит к чему-то, чаще плохому»: *догуляться*, *договориться* (не в значении «прийти к соглашению»), *доучиться*.

Все эти (а здесь упомянуты еще не все) возможности, существующие в русском языке для характеристики действия, без сомнения, представляют собою огромное богатство. В самом деле, представьте себе, что мы можем только обозначить действия, а не можем обозначить, имеем ли мы в виду его начало или конец, его ограниченность во времени или доведение до некоторой точки, его ослабленность, неполноту или, наоборот, интенсивность... Ясно, что точность передачи нашей мысли собеседнику существенно пострадает. Ведь просто *писать* — это не совсем то, что *написать*, *записать*, *переписать* или, например, *выписать*. В конце концов, обо всех этих действиях можно сказать и писать, и это будет правильно, но очень неточно, грубо, приблизительно.

Отсутствие возможности тонко дифференцировать в речи различные типы одного и того же действия можно уподобить ситуации, когда мы можем работать только с очень крупными величинами. Попробуйте-ка выразить расстояние от вашего дома до школы, если оно может быть обозначено только в целых километрах. Если вы живете в 600 м от школы или 1400 м от нее, это все равно будет 1 км. А если вы живете в 150, 200 или, например, 450 метрах от школы, то при заданном условии это... 0 км. Получается, что вы в школе и живете.

То же самое в принципе происходило бы и с обозначением действий, если бы для дополнительных их характеристик мы не ис-

пользовали в русском языке глаголы совершенного вида, говорили бы только *читал, писал, ехал*, а не *прочитал, переписал, уехал*. Не следует, однако, принижать возможности других языков, полагая, что все эти очень важные характеристики действия на них не могут быть выражены. Только русский язык использует для этих целей преимущественно приставочные средства. А, например, английский и французский языки обычно выражают эти значения с помощью самостоятельных слов. Я надеюсь, что вы не забыли о том, что, используя глаголы совершенного вида, мы будем вынуждены иметь дело с несколько ущербными образованиями. Ведь глаголы совершенного вида не имеют настоящего времени и ограничены в своей сочетаемости.

А можно ли не платить налог?

Налоги платить надо обязательно. Ведь, пользуясь тем, что является общим достоянием, человек должен это достояние пополнять.

Однако от уплаты налогов освобождаются, например, герои войны, и это воспринимается обществом как справедливое решение. Так вот, оказывается, что и за выражение некоторых характеристик действия на вполне законном основании можно «не платить налоги», связанные с совершенным видом.

Делается это так. Допустим, вы хотите сказать, что будете писать что-то заново. В таком случае вам следует образовать от глагола писать глагол переписать. Но тогда вы получили глагол совершенного вида с присущими ему дефектами. В частности, с невозможностью обозначить действие в настоящем времени, т. е. совершающееся в момент речи. Более того. Вы получили глагол, который обозначает не только повторное, но и результативное действие. Не кажется ли вам, что это уже слишком? Мало той дефектности, которая обусловлена совершенным видом, тут еще и новое значение, причем совершенно не замышляемое, появилось. А выход из этого положения, каждому достаточно хорошо владе-

ющему русским языком, видимо, ясен. Надо от глагола *переписать* образовать глагол *переписывать*. Вот тогда и желание обозначить повторность действия осуществится, и результативности никакой не будет, и издержки, связанные с совершенным видом, отпадут. Ведь *переписывать* — глагол несовершенного вида!

Попробуйте проделать такую же операцию, если вам нужно обозначить начало действия по отношению к глаголу *петь*. Ответ: *запевать*. А вот поступить таким же образом с глаголом *кричать* уже не удастся. В самом деле. Начало действия можно обозначить через *закричать*. Но для того чтобы обозначить повторность действия, нужно было бы иметь что-то вроде «закрикивать». Но такого глагола нет. И если мы хотим выразить начало действия по отношению к *кричать* и избежать ограничений, связанных с совершенным видом, можно прекрасно выполнить эту задачу, сказав *начинать кричать*.

Всегда ли приставка образует глагол совершенного вида?

Может быть, у читателя сложилось впечатление о специфической роли приставок и суффиксов для образования глаголов противоположного вида. В самом деле, обычно действует следующее правило. Прибавил приставку — получил из глагола несовершенного вида глагол совершенного вида: были глаголы несовершенного вида *делать*, *думать* — получились глаголы совершенного вида *сделать*, *придумать*.

Более того, был приставочный глагол несовершенного вида, прибавьте к нему еще одну приставку — и получите глагол совершенного вида: *перестраивать* — несовершенного вида, а *наперестраивать* — опять совершенного.

Однако, во-первых, таким свойством обладают хотя и подавляющее большинство, но не все приставки. Так, например, такого свойства лишена приставка *со-* в значении «совместно». Например, *страдать* и *переживать* — глаголы несовершенного вида, а производные от них с помощью приставки *со-* *сострадать* и *сопереживать* тоже несо-

вершенного вида. Обратите, пожалуйста, особое внимание на то, что ненормально ведет себя не всякая приставка *со-*, а только имеющая значение «совместно». Приставка *со-* в иных значениях ведет себя вполне правильно, например, *греть* — *согреть* (значение результата).

Во-вторых, существуют такие глаголы, хотя их и немного, которые и присоединив приставку, могут не менять своего несовершенного вида на совершенный. Это некоторые глаголы, обозначающие перемещение в пространстве. В самом деле: *ходить* — глагол несовершенного вида, и образованный от него с помощью приставки глагол *переходить* тоже несовершенного вида, глагол *носить* — несовершенного вида, а *уносить*, *приносить* и *выносить* тоже несовершенного.

Не следует, впрочем, полагать, что таким неожиданным образом ведут себя все глаголы, обозначающие перемещение в пространстве, по отношению ко всем приставкам. Так, например, всякий владеющий русским языком может легко проверить, что глагол *вращать*, например, абсолютно правильно «реагирует» на присоединение приставок.

С другой стороны, не все приставки даже по отношению к «ненормальным» глаголам являются нарушителями правила о переводе в совершенный вид. Возьмем для примера глагол *ходить*. Образованный от него глагол *заходить* в значении «идя, по пути побывать где-нибудь, посетить кого-нибудь», как в случаях *заходить в магазин*, *заходить к приятелю*, — несовершенного вида. А глагол *заходить* в значении «начать ходить», как в случае *заходить в раздумье по комнате*, — совершенного вида.

Также имеет исключения и правило о том, что присоединение суффиксов *-а-*, *-во-*, *-ива-* или *-ыва-* приводит к тому, что глагол совершенного вида становится глаголом несовершенного вида. И возмутителями спокойствия вновь являются некоторые глаголы, обозначающие перемещения в пространстве. В самом деле. Обычно присоединение суффикса *-а-* делает глагол совершенного вида глаголом несовершенного вида: *решить* — *решать*, *сотряс-*

ти — *сотрясать*, *навестить* — *навестать*. Заметим, что *-а-* во вторых членах пары является именно суффиксом. Он не исчезает ни в одном случае при спряжении глагола. Однако в случае *ползти* — *ползать* оба глагола принадлежат к несовершенному виду. Хотя формальное соотношение между ними такое, какое обычно противопоставляет глаголы совершенного и несовершенного вида.

Как прочнее пересказать о перемещениях N?

Строго говоря, все сведения об особенностях русских глаголов движения для человека, владеющего русским языком, совершенно не обязательны. Как не обязательны были и для мольеровского господина Журдена мало помогшие в развитии его интеллекта сведения о том, что он говорит прозой.

Зато для человека, изучающего русский язык как не родной, или для компьютера, составляющего предложение на русском языке, здесь множество проблем. Причем тем более неприятных, чем более действующие здесь правила отличаются от тех правил, которые действуют по отношению к подавляющему большинству других слов русского языка. Попробуйте хотя бы на краткое время встать на место человека, не владеющего достаточно хорошо русским языком, но желающего сказать на русском языке что-то вроде следующего: «N перемещается из точки А в направлении к точке Б, но пока еще не достиг ее, хотя и приближается к ней». Здесь сразу возникает три группы вопросов.

Во-первых, надо определить, каким образом следует обозначить способ перемещения N. Сказать *перемещается*, конечно же, можно, но по-русски это будет звучать очень странно. Так же странно, как и в том случае, если был бы употреблен другой глагол, не определяющий характера движения — *двигаться*. Значит, надо понять, как именно движется N — идет пешком, едет на поезде, автомашине или велосипеде, летит на самолете или плывет по воде. И выбрать соответствующий глагол — *идти*, *ехать*, *лететь* или *плыть*.

Правда, вместо двух последних можно сказать *ехать*, и это будет звучать вполне хорошо.

Однако англичанин или американец, нередко говорящий: «Я пришел в Москву шестого сентября», выглядит очень смешно. А говорит он так, делая ошибку потому, что английские глаголы *to go* и *to come* обозначают движение вообще без всякого указания на то, каким способом это движение осуществляется. Но мало знать и уметь разумно выбрать соответствующий глагол.

Во-вторых, надо как-то суметь обозначить направление движения. Если иметь в виду удаление от точки А, то можно сказать *выехал из А*, *отъехал от А*. Однако все это совершенно очевидно лишь для владеющего русским языком. А изучающий еще должен это узнать и, более того, запомнить. А если иметь в виду приближение к точке Б, то об этом событии можно сказать *въехать в Б* или *приехать в Б*. В таком случае читающий или слушающий решит, что N уже находится в пределах точки Б. А если эти пределы еще не достигнуты, то лучше, наверное, сказать, что *N подъехал к Б*.

Соответствующие глагольные приставки, а также предлоги, определяющие связь между этими глаголами и существительными, выражают в русском языке самые различные пространственные характеристики действия. Это можно сделать не только по отношению к точке удаления или к точке приближения, как в разбираемом нами примере, но и по отношению к самой трассе движения.

Так, с помощью соответствующих приставок можно сообщить и о том, что движение осуществляется мимо какой-то точки, например: *проехать свою остановку*, или через какой-то объект, например: *переплыть через реку*. Отметим, что с помощью приставочных глаголов можно обозначить движение очень точно, дифференцируя не только степень приближения к цели: *приехать*, *въехать*, *подъехать*, *доехать*, но и сообщить, направлено ли движение вверх (*въехать в гору*), вниз (*съехать с горы*) или, например, вокруг какого-то объекта (*объехать гору*). Напомню, что с помощью выбора соответствующего глагола можно очень точно охарактеризовать и сам способ передвижения.

Однако с помощью приставки или выбора соответствующего глагола нельзя, например, охарактеризовать движение как направленное налево или направо, на север или на юг. Для этого надо использовать соответствующие наречия или предложно-падежные сочетания.

Третье, о чем надо помнить, решая задачу о том, как сообщить о перемещении N из A в B — это видовая характеристика избираемого глагола. Допустим, что мы избрали глагол *ехать*, который обозначает «однократное движение в одном направлении с помощью транспортного средства» и который принадлежит к несовершенному виду. Тогда для обозначения того, что N покинул A, мы присоединяем к глаголу *ехать* приставку *вы-* и получаем глагол совершенного вида. Значит, у этого глагола нет форм настоящего времени, и мы не можем использовать его для того, чтобы сообщить о действии, совершаемом в момент речи. Точнее, мы можем обозначить момент, очень близкий к моменту речи, сказав, что N только что выехал из A. Но это все-таки будет сообщение о том, что N уже не в A, а нам хотелось бы сообщить, что именно сейчас происходит его отъезд.

В таком случае нам следовало с самого начала поступить иначе. Надо было избрать для обозначения перемещения глагол *ездить*, который в отличие от *ехать* обозначает неоднократное, неоднаправленное перемещение и принадлежит к несовершенному виду. Однако, для того чтобы обозначить с помощью этого глагола удаление из какого-то пункта, недостаточно одной приставки *вы-*. Необходим еще и суффикс *-а*. Искомый глагол будет содержать и чередование, превращающее его в *выезжать*. Полученный глагол — несовершенного вида, и у него существует форма настоящего времени. Поэтому, обозначая момент отъезда N из A, мы должны сказать: *N выезжает из A*.

Дело сделано или его только можно, нужно или хочется сделать?

Известно, что глаголы русского языка имеют формы трех наклонений: изъявительного, сослагательного и повелительного. Нет

никаких сомнений в том, что это именно формы, поскольку они образуются от любого без исключения инфинитива.

За формальными различиями здесь стоят различия и содержательные. В самом деле, *читаю, читал, буду читать* — реально совершаемое в действительности действие, а *читай* и *читал бы* — действия, в реальной действительности несовершенные. При этом первое нереальное действие является в то же время желаемым для говорящего, а ко второму нереальному действию говорящий своего отношения в явной форме не высказывает.

Впрочем, на значениях, скрывающихся за грамматическими формами, мы остановимся несколько позже. А пока сосредоточимся на особенностях формы, выражающей грамматические значения наклонения глагола.

Всегда ли в русском слове представлено только одно окончание?

Формы повелительного наклонения глагола в русском языке могут иметь довольно разнообразный вид: *брось* (на повелительное наклонение указывает на письме *-ь*), *ляг* (никаких формальных показателей повелительного наклонения нет), *неси* (на повелительное наклонение указывает *-и*), *бросьте, лягте, несите* (помимо уже отмеченных показателей повелительного наклонения, здесь имеется *-те*, указывающее на то, что желаемое действие распространяется не на одного, а на нескольких возможных исполнителей). Очевидно, что глаголы во множественном числе на *-те* — это также формы, а не самостоятельные слова. Ведь их можно образовать от всякого без исключения глагола. А если так, то получается, что в *несите*, например, два окончания: *-и*, указывающее на повелительное наклонение, и *-те*, указывающее на множественное число. Странно? Немного, но вообще-то ничего принципиально невозможного в этой ситуации нет.

Действительно, мы привыкли к тому, что в словах русского языка одно окончание. Но ведь бывает же, что вообще нет никакого окончания. И не только в словах, принадлежащих к неизменяемым частям речи, как, например, наречие, но и среди изменяемых частей речи. Вспомним такие употребительные существительные, как *пальто, такси, кино*, или менее употребительные прилагательные: *беж, люкс, нетто*. Да и кто сказал, что в русском слове может быть только одно окончание? Ну, наконец, меньше, чем одно, но уж никак не больше! Никто, насколько мне известно, такого утверждения себе не позволял. Вообще это очень опасный способ мышления. Если обычно так, значит, и всегда должно быть только так.

Но вернемся к возможному количеству окончаний в русском языке. Формы повелительного наклонения глагола с их двумя окончаниями хотя и редкое, но отнюдь не уникальное явление в русском языке. Подумайте, сколько окончаний, например, в глагольной форме *читала*. Видимо, тоже два: первое, *-л-*, обозначает действие в прошлом, а второе, *-а*, указывает на то, что эта форма связана с существительным женского рода.

Человек, привыкший уж слишком формально смотреть на вещи, думаю, согласится с тем, что в форме *несите* два окончания. Наверное, признает также, что на письме и в форме *бросьте* тоже два окончания. (Хотя в устной речи, где есть только мягкий [с'], принадлежащий корню, и последний слог, являющийся окончанием наличие двух окончаний уже вопрос.) Однако где же, спросит этот формалист-буквоед, два окончания в форме *лягте* или, например, *неси*? Там ведь явно по одному окончанию: *-те* в первом случае и *-и* — во втором.

Отступление о нулевом окончании

А я все-таки вопреки очевидности утверждаю, что и в этих формах по два окончания. Дело тут в том, что окончание, как вы хорошо знаете, может быть и нулевым. Этаким антипод поручика Киж

(который по форме есть, а по существу «фигуры не имеет»). Нуль! Ведь утверждают, что понимание того, что и нуль (полное отсутствие!) такое же число, как и остальные, значило в истории математики так же много, как и изобретение колеса в истории техники.

В обыденной жизни мы очень часто сталкиваемся с ситуацией, когда отсутствие чего-то не менее, а даже более важный знак, чем паличие. У ученика нет дневника — знак. Причем довольно легко предположить какой. В дневнике нет двоек — тоже знак. И тоже ясно какой. Сегодня нет за партой вашего соседа. Это более важный знак, чем его обычное присутствие на уроках. Уж не случилось ли чего с ним, не нужна ли ему ваша помощь?

Так и с окончаниями в повелительном наклонении. Обычно глагольные формы в русском языке имеют окончания (такова норма), а вдруг перед нами либо чистая основа (без всякого окончания), как, например, в *ляг*, или чистая основа плюс окончание множественного числа *ляг-те*. Значит, есть нуль на том месте, где обычно выражается наклонение (а в пределах изъявительного наклонения — время, в пределах настоящего времени — еще и лицо) глагола. Вот этот-то нуль и обозначает то, что перед нами форма повелительного наклонения.

Надеюсь, убедил вас, что в *лягте* два окончания: одно нулевое, а второе *-те*. Ну а в *ляг* где же два окончания? И там два. И логика рассуждения такая же. Множественное число глаголов повелительного наклонения обозначается через *-те*, а если никакого *-те* в формах повелительного наклонения нет, если нуль, то этот нуль и обозначает, что число единственное. Так что в *ляг* два нуля — первый обозначает повелительное наклонение, а второй — единственное число.

Вообще нуль довольно активно работает в русской грамматике. Вспомните, как часто обозначает он значения числа и падежа, выражает отсутствие окончаний у существительных и прилагательных. Их немало. Вспомните о нулевых окончаниях в именительном падеже единственного числа (*стол, дом*), в родительном падеже

множественного числа (*стен, дорог*), в мужском роде краткой формы прилагательного (*красив, чуден*).

Рассматривая письменный текст, иногда выделяют окончание повелительного наклонения *-й* в формах типа *стой, читай*. Строго говоря, для уровня букв это верно, поскольку в буквах основы соответствующих глаголов выглядят как *сто-* и *чита-*, а окончания в настоящем времени, как *-ю, -ишь (-еишь)* и т. д. Однако по отношению к звучащей речи здесь нулевое окончание, поскольку на уровне звуков соответствующие глагольные основы имеют вид [стоj] и [ч'итаj], а в форме настоящего времени представлены соответственно окончания *-у* и т. д.

Ясно, что разнообразие в формах обозначения повелительного наклонения создает трудности при выделении этих форм в тексте. Ведь на *-ь* или согласный могут оканчиваться не только формы повелительного наклонения, но и другие формы. Например, инфинитив глагола, а также многие формы существительных и прилагательных. Формы повелительного наклонения, оканчивающиеся на *-и*, также не могут быть четко определены только по этому формальному признаку. Да и глаголы в изъявительном наклонении в прошедшем времени во множественном числе также оканчиваются на *-и*. А некоторые формы повелительного наклонения, например, *летите*, вообще полностью омонимичны формам 2-го лица множественного числа изъявительного наклонения.

Когда двое работают за одного, а один — за троих

Обратимся теперь к показателю другого наклонения — сослагательного. Его формальное устройство еще более экстравагантно, чем у повелительного наклонения. В самом деле, это *-л*, являющееся частью глагольной формы, и *бы*, довольно свободно перемещающееся в пределах предложения. Право, другого такого блуждающего окончания в русском языке нет. А вот подобные двухместные есть. Они представлены при склонении числительных. Так, например, в фор-

мах *пят-ью* — *десят-ью* или *восьм-и* — *десят-и* два дистантно расположенных элемента (*-ью*, *-ью* и *-и*, *-и*) образуют одно окончание.

Форму сослагательного наклонения относительно легко обнаружить в тексте по ее формальным приметам: сначала надо найти в предложении *бы* или *б*, а дальше искать форму, оканчивающуюся на *-л*. Если она нашлась и является формой глагола, а не существительным типа *генерал*, прилагательным типа *мил*, то дело сделано. (Очень надеюсь, что некоторые читатели заметят, что ситуация здесь несколько упрощена: не приняты во внимание такие глаголы, которые оформляют сослагательное наклонение не через *-л*, а через нуль, типа *сох бы*, *нес бы*, *мог бы* и т. д.)

Заметьте, что в формах сослагательного наклонения тоже два окончания. Одно (расчлененное, *-л + бы* или нуль + *бы*) указывает на сослагательное наклонение, а второе, следующее за *-л*, указывает либо на род и единственное число (нуль, *-а*, *-о*), либо на множественное число (*-и*).

Обычно, рассуждая о русских наклонениях, много говорят о том, как выражается повелительное и сослагательное наклонения, не обращая при этом внимания на то, как выражается изъявительное наклонение. В самом деле, как? А дело в том, что в отличие от повелительного и сослагательного специальных окончаний для обозначения изъявительного наклонения нет.

В прошедшем времени значение реальности действия (изъявительное наклонение!) выражает то же окончание *-л* (*писал*) или нуль (*греб*), которое одновременно с этим еще и передает значение прошедшего времени. А в настоящем и будущем времени значение изъявительного наклонения передается тем же самым окончанием, которое, помимо изъявительного наклонения, обозначает еще не прошедшее время и лицо.

Так что какое-нибудь *-ешь* — это и швец, и жнец, и на дуде игрец. Как не похож этот работающий за троих труженик на какое-нибудь себялюбивое окончание *-и* в повелительном наклонении или *-л + бы* в сослагательном. Ведь они даже числа сами не хотят

выразить, требуя новые штаты для выполнения этой функции. И получают! Но, с другой стороны, двухжильные глагольные окончания *-у, -ешь, -ет* и т. п. мало чем отличаются от окончаний существительных и прилагательных. Ведь те тоже работают не только за себя, выражая и число, и падеж у существительных, а, кроме этого, еще и род у прилагательных.

Что повелевают формы повелительного наклонения?

Глагол в форме изъявительного наклонения означает реальное действие лишь в тех случаях, когда в том же или соседних предложениях нет ничего такого, что эту самую реальность опровергало бы. Так, например, если вам сообщают, что Коля, наверное (может быть, вероятно, по-видимому), придет, то реальность этого события, несмотря на изъявительное наклонение глагола, все-таки находится под вопросом.

Однако наиболее трудные задачи ставят перед анализирующим смысловое содержание русских предложений формы повелительного наклонения. Действительно, очень часто эти формы обозначают то, что лицо, их написавшее (произнесшее), желает (хочет, требует, просит), чтобы его собеседником было совершено некоторое действие. Вспомним строки из стихотворения А. С. Пушкина «Зимний вечер», обращенные к няне Арине Родионовне: *Спой мне песню, как синица тихо за морем жила.*

Но когда у А. Т. Твардовского мы читаем: *И соберись, и уложись, и в час беды такой еще хозяйкой окажись проворной и лихой*, то здесь формы повелительного наклонения уже не имеют значения повеления говорящего своему собеседнику. Здесь речь идет о том, как человек должен поступить. Иными словами, если и есть здесь значение «повеления», то исходит оно никак не от субъективного желания говорящего, а является как бы требованием сложившихся обстоятельств.

В первом случае синонимом повелительного будет что-то вроде *Я прошу, чтобы ты спела*, а во втором случае это совсем не *я прошу, чтобы... а ты должна, обязана*. А это, разумеется, разные вещи.

А вот в строках В. В. Маяковского *Да будь я и негром преклонных годов, и то, без унынья и лени, я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин* форма *будь*, хотя и является формой повелительного наклонения, вовсе не обозначает требования. Ее значение «при условии», т. е. *даже если бы я был*.

Совсем не то значение имеет слово *будь* в знаменитой старой рекомендации Козьмы Пруткова в духе модного сейчас аутотренинга: *Если хочешь быть счастливым, будь им!*

Думаю, что уже приведенных примеров достаточно для того, чтобы проиллюстрировать ту общую мысль, что за одним значением грамматической формы (повелительное наклонение!) стоит не какое-то одно-единственное значение в реальной действительности, но целый спектр весьма различных значений. Причем не всегда легко определить, какое же это именно значение.

Когда, например, в «Борисе Годунове» А. С. Пушкина царь говорит: *Чего ж я испугался? На призрак сей подуй — и нет его*, то мы можем понимать значение формы *подуй* по-разному. Это может быть и реальное действие (*подул*) и нереальное. Да и сама его нереальность также может быть различной. Зависящей от условий (*если подуть*) или от возможностей самого говорящего (*я могу* или *должен подуть*). Но не помогает ли эта возможность различных интерпретаций лучше передать внутреннее смятение Бориса Годунова, умного прагматика, попирающего нравственные законы человеческой жизни?

Позвольте Вам выйти вон! или я так хочу, чтобы...

Вообще в повседневной, обыденной жизни каждому человеку очень часто просто совершенно необходимо обратиться к другому с просьбой, пожеланием, приказанием совершить какое-то действие. Русский язык располагает достаточно богатым арсеналом средств, позволяющих так или иначе смягчить то обстоятельство, что говорящий беспокоит другого человека. Среди этих средств

на первом месте, конечно, слово пожалуйста, которое, как я надеюсь, еще с детства врезалось в вашу память и употребляется как «волшебное слово». Однако смягчить факт беспокойства можно и другими, более многословными формулировками: *Если Вас не затруднит, Я прошу прощения (извинения), Извините за беспокойство* (но тут же и форма повелительного наклонения) и т. п.

Разумеется, все эти случаи относятся, так сказать, к нормальному, обыденному общению. Человек, призывающий спастись, например во время пожара или урагана, и сопровождающий этот призыв извинениями за беспокойство, выглядит по меньшей мере смешным. Как более чем смешным выглядит военный приказ в обрамлении слов типа *если вас не затруднит*. О таком эпизоде, вызвавшем гнев маршала Г. К. Жукова, пишет в своих воспоминаниях известный литературовед И. С. Черноуцан.

Важнее выяснить, какие же способы существуют в русском языке для того, чтобы выразить наше желание побудить другого к действию. В самом деле, как было бы удобно иметь и на уроках русского языка что-то вроде того микрокалькулятора, каким мы пользуемся при арифметических вычислениях. Только, занимаясь русским языком, надо было бы нажимать не несколько клавишей («462», «умножить», «39», «разделить», «24», «равно»), а только на две — «призыв к действию» и, например, «встать», а в ответ на экране появляются, *встань(те)! встать! встали! встанем!* Так что если в микрокалькуляторе при арифметических действиях появляется в качестве ответа одна единица, то в нашем воображаемом приборе на экране должны засветиться сразу несколько ответов.

Существенно, что в обсуждаемой задаче по русскому языку нужно было не образовать соответствующую грамматическую форму (повелительное наклонение, например), а указать все возможные способы выражения призыва к действию. А это не одно и то же.

Итак, призыв к действию может быть выражен формой повелительного наклонения, формой инфинитива, формой прошедшего времени во множественном числе. Первая из этих форм нейтраль-

на, вторая, без сомнения, резка, категорична, груба, а третья и не нейтральна, и не груба, но уместна только в общении между людьми, близко связанными друг с другом каким-то общим делом. Вспомните знаменитое гагаринское *Поехали!*

Так что средств — не одно, но каждое чем-то и отличается от другого. А ведь еще можно сказать: *Вы бы встали*, используя со-слагательное наклонение. Или: *Я прошу Вас... Я хочу, чтобы Вы... Не могли бы Вы... Я буду очень рад (благодарен), если Вы... Не откажите в любезности...* и т. п.

И во всех этих последних случаях смысл «призывы к действию» будет выражаться уже не с помощью форм слов, но специальными лексическими единицами.

Должен, обязан, придется...

Довольно сложные задачи возникают перед говорящим (пишущим) на русском языке не только в том случае, когда нереальное действие является желаемым, но и тогда, когда такое действие вызывается обязанностями. Как я уже отмечал, такое значение может быть передано, в частности, и формой повелительного наклонения глагола.

Вспомним хотя бы чеховского злоумышленника, протестующего против того, что его, как он думает, наказывают за грехи брата: «Брат за брата не ответчик... Кузьма не платит, а ты, Денис, отвечай...» Конечно, это значение может быть выражено и по-другому: *должен (обязан) отвечать*.

Но полезно всякий раз, прежде чем держать речь, все-таки лучше разобраться, что же именно хочешь сказать. Ведь необходимость может быть вызвана причинами физическими, в силу которых, например, предмет, упавший из окна, *должен* упасть на землю. А Родион Раскольников после глубоких нравственных страданий приходит к выводу, что он *должен* (опять это же самое слово!) признаться в своем преступлении. Но причины именно такого отношения (не *могу*, не *хочу*, а *должен*) отнюдь не физические. И созда-

лись они даже не благодаря юридической изощренности Порфирия Петровича. (В этом случае, наверное, более уместным было бы слово придется, т. е. «сам-то я не хочу, но обстоятельства заставляют»). Побудительными явились причины нравственные, заключенные внутри самого человека, в его понятиях о том, что хорошо, а что плохо, и как следует искупать свою вину, если сделал плохо.

В принципе такие рассуждения справедливы и в тех случаях, когда речь идет о других типах отношений к действию, реальность которого в предложении не обозначена. Что обозначает предложение *Я могу открыть дверь?* По крайней мере две вещи: «есть физическая возможность» (т. е. соответствующий ключ или физические силы) или «есть моральное (юридическое) право».

Думаю, что многим изучавшим иностранные языки известно, что разное по сути долженствование и разные по сути возможности и обозначаются там разными словами. По-русски же эти различия можно и не обозначать. И это, конечно же, не значит, что при желании их нельзя выразить,

Сравните, например: *Я имею право это сделать или По закону я должен; В соответствии с моими понятиями о чести и совести я должен;* и т. п. Короче, и здесь грамматические формы, как всегда, выступают вместе с лексическими единицами, помогающими и уточнять, и даже изменять то, что выражается грамматическими средствами.

Время глагола и время действия

В отличие от западноевропейских языков (английского, французского, немецкого) временная система у глаголов русского языка устроена очень просто. Три времени — прошедшее, настоящее и будущее у глаголов несовершенного вида (*читал, читаю, буду читать*) — и два — прошедшее и будущее — у глаголов совершенного вида (*прочитал, прочитаю*). Ничего сложного вроде английского Past Perfect Continuous, немецкого Plusquam-perfekt или французского Passé composé...

Однако, надеюсь, вы уже достаточно хорошо понимаете, что временная характеристика глагола далеко не обязательно то же самое, что временная характеристика действия, обозначенного данным глаголом.

Как понимать момент речи?

Если принять за точку отсчета момент речи, то прошедшее время глагола обозначает действие, предшествующее этому моменту, будущее время — действие, следующее за этим моментом, а настоящее — это действие, совершаемое в момент говорения.

Однако, как очень часто бывает, все это ясно лишь в самом общем виде. А в конкретных случаях начинаются трудности. Причем в данном случае трудности связаны с пониманием того, что такое момент речи. Конечно, можно понимать момент речи как некую точку на оси, левее которой — прошлое, а правее — будущее. Совсем как при графическом изображении положительных и отрицательных чисел.

Однако часто момент речи выступает не столько как точка, но как достаточно большой отрезок или даже вся ось. Например, когда по-русски говорят о том, что *Земля вращается вокруг Солнца*, *Волга впадает в Каспийское море*, то все эти события, хотя и обозначаются с помощью форм настоящего времени, вовсе не совершаются в момент речи, понимаемый как точка.

Но как общее правило, некое вневременное состояние оба рассмотренных предложения верно отражают положение дел. Только либо момент речи следует понимать расширительно, либо настоящее время не всегда говорит о действии в момент речи, но и о действии, просто не привязанном к какой-то временной точке, действию постоянном, обычном...

По-видимому, в любой момент (совпадающий с периодом существования нашей планеты!) Земля вращается вокруг Солнца. Но если бы в этом предложении была употреблена форма прошедшего времени (*вращалась*) или будущего (*будет вращаться*),

мы замерли бы в недоумении. Неужели сию минуту как раз не возвращается? Не может быть!

А Волга впадает в Каспийское море, наверное, с тех пор, как кончился ледниковый период, и, к счастью, никакие дерзновенные идеи вроде поворота рек ей, матушке, не угрожают...

От какой печки танцевать?

Такие же нарушения простого и ясного соотношения «время глагола» — «время действия» характерны и для прошедшего, и для будущего времени глагола. Только здесь эти аномалии прежде всего связаны с переменной ориентации. С опорой уже не на момент речи, а на другие события, о которых сообщается. Например, когда мы читаем предложение: *Наполеон думал, что русские будут наступать*, мы едва ли предполагаем, что наступление начнется после нашего чтения. Вернее всего, оно могло начаться после тех размышлений Наполеона, о которых говорится в предложении.

Говорящий нередко представляет событие, в действительности еще не произошедшее, как реально случившееся. Именно так следует понимать, например, предложение *Я пошел*, когда его произносит человек, только вставая из-за стола или начиная прощаться.

Такая же перемена ориентира представлена в предложениях типа *Бежал-бежал, да как прыгнет*. Действие, предшествующее моменту речи, было достаточно продолжительным, так что говорящий воспринимает его как совпадающее с моментом речи. И уже с этой точки зрения другое, неожиданно совершенное действие представляется как будущее.

Еще большую дисгармонию в соответствие «время глагола» — «время действия» вносят различного рода эмоциональные высказывания типа: *Чихал он на Ваши замечания или Будут еще тут всякие беспокоить*. Каждый владеющий русским языком прекрасно понимает, что форма прошедшего времени глагола *чихал* обозначает вовсе не действие в прошлом, а достаточно стабильное

пренебрежение того, о ком говорится в предложении, ко всякой критике. А *будут беспокоить* вовсе не называет действие в будущем, а выражает высокомерно-презрительное отношение говорящего к тем, кто его (неясно, по какой причине) беспокоит.

О последовательности прошлых и будущих действий

Строго говоря, человек пользующийся языком, решает задачи двух типов. Либо ему дана форма, письменный текст в виде букв (или устная речь в виде звуков), и требуется получить то содержание, которое передает этот текст. Это задача читающего (или слушающего). Либо у человека имеется некоторое мыслительное содержание, замысел, идея, и требуется воплотить это содержание в соответствующую языковую форму, устную в виде звуков (или письменную в виде букв). Это задача говорящего (или пишущего).

Решая первую задачу, т. е. переводя форму в содержание, человек действует как дешифровщик. Причем в случае с родным языком как дешифровщик, прекрасно владеющий шифром. А в случае с неродным языком зачастую как дешифровщик слабый, неопытный, не всегда точно понимающий то, какое содержание скрывают данные знаки.

Примерно в таком (если не в худшем) положении находились (и находятся) ученые, пытающиеся понять тексты рукописей, написанные на неизвестных языках. В таком положении оказались бы люди, если бы они получили какие-то сигналы с других планет или из иных миров. И задача принципиально не меняется в зависимости от того, дешифруем мы письменный (буквы!) или устный (звуки!) текст.

Решая вторую задачу, т. е. воплощая содержание в форму, человек также может иметь дело либо со своим родным языком, либо с языком, который он знает не слишком хорошо.

Допустим, что такую задачу для русского языка решает человек, родной язык которого — русский. Например, требуется в

письменной форме выразить соотносительность нескольких действий во времени.

Представим себе, что действия совершаются одновременно, совпадая с моментом речи. Тогда они будут обозначены глаголами в форме настоящего времени: *Не жалею, не зову, не плачу.* (С. А. Есенин.)

Пусть действия, предшествуя моменту речи или следуя за ним, также совершаются одновременно. И в этом случае следует употреблять глаголы соответственно прошедшего времени: *Глазами тучи я следил, рукою молнии ловил* (М. Ю. Лермонтов) — или будущего: *Мы все узнаем, пойдем и откроем.*

Несколько изменим наши условия. Пусть нам нужно обозначить ряд действий, предшествующих моменту речи, не одновременных, а следующих одно за другим. В этом случае мы можем воспользоваться разными лексическими средствами, сказав, например: *Сначала (сперва, прежде) подумал, а потом (затем, после) сказал, или Прежде чем (до того как) сказал, подумал, или После того, как подумал, сказал.* При любом из этих решений очередность действий будет выражена исключительно четко и ясно.

Однако можно и проще поступить: *Подумал и сказал.* Прямых средств, указывающих на очередность действий, здесь не будет, но сам порядок расположения глаголов укажет нам и на порядок действий. В самом деле, если бы было: *Сказал и подумал,* порядок действий представлялся бы совсем иным.

Действительно, в русском языке порядок глагольных форм, имеющих одну и ту же форму времени, очень важен для определения порядка действий во времени. *Пришел, и ослабел, и лег* (о герое пушкинского стихотворения «Анчар») — значит, что сначала пришел, потом ослабел, а уж после этого лег. А не как-то иначе, т. е. не ослабел, пришел и лег или пришел, лег и ослабел (что вообще-то возможно) и уж никак не пришел после того, как лег (что абсолютно невозможно).

Однако при использовании для выражения последовательности действий порядка слов возникает опасность, что получатель

нашей информации (слушатель, читатель) решит: обозначенные действия совершались до момента речи и происходили одновременно. Но опасность эту не следует преувеличивать. Если для говорящего (пишущего) важно подчеркнуть указанный порядок действий, то обычно используется способ дополнительных слов (наречий и союзов).

Что соответствует в русском языке немецкому *plusquamperfekt*?

В русском языке два действия, которые произошли одно за другим до момента речи (*подумал и сказал*), обозначаются одинаковыми грамматическими формами. В немецком же языке, если одно действие до момента речи предшествует другому действию, также происходящему до момента речи, то более раннее и более позднее действие обозначаются разными грамматическими формами: прошедшим и давно прошедшим (*Plusquamperfekt*). Заметим, что русский язык, не обладая соответствующей грамматической формой, вполне в состоянии и подчеркнуть последовательность предшествующих моменту речи событий, и завуалировать ее. Для этого надо уметь выбрать из богатейшего языкового арсенала нужное средство.

А теперь рассмотрим, как решается аналогичная задача, связанная с обозначением последовательности действий, следующих за моментом речи.

Допустим, что второе действие следует за первым без всякого перерыва. В испанском языке, например, такое действие обозначается иной грамматической формой, чем действие, по времени отдаленное, отсроченное от другого действия. В русском языке для этого никаких специальных грамматических средств нет. Однако значит ли это, что по-русски нельзя передать то содержание, которое по-испански передается грамматическими средствами? Разумеется, не значит. Только по-русски для обозначения действия, непосредственно следующего за другим, надо воспользовать-

ся такими лексическими средствами, как: *сразу, тотчас же, в следующую секунду* и т.п., а для обозначения действия, по времени отдаленного, такими лексическими средствами, как: *через некоторое время, несколько времени спустя, не сразу* и т. п.

Спор о том, какой способ обозначения (грамматический или лексический) лучше, а какой хуже, совершен но неплодотворен. Замечу лишь, что грамматический способ обычно принудителен. Говорящему очень трудно (а иногда просто невозможно) умолчать о тех или иных характеристиках ситуации, если грамматика языка требует их обозначения. А лексические средства, как правило, во власти говорящего: хочу называю, а не хочу — молчу.

Что соответствует в русском языке английскому continuous?

Рассмотрим еще одну задачу, которая может возникать в связи с обозначением характера действия. Как по-русски обозначить действие, которое совершается в определенный момент, в отличие от действия, так сказать, вневременного, обычно совершающегося, постоянного? Тот, кто изучал английский язык, знает, что там это делается с помощью особых грамматических форм, называемых Continuous. В русском же языке специальных грамматических средств, способных выразить действие в определенный момент, нет. Значит ли это, что такое значение по-русски вообще нельзя выразить? Разумеется, не значит. Только это значение в русском языке обычно выражается опять-таки с помощью не грамматических, а лексических средств.

В самом деле. По-русски такое, например, предложение, как *Он плавает*, является двусмысленным. Оно может обозначать и действие в определенный момент, и вневременное действие. Для того чтобы снять возможность последнего понимания данного предложения, существуют два пути. Первый состоит в том, чтобы внести в само предложение какой-нибудь временной конкретизатор: *Он сейчас плавает*.

Вторая возможность решения поставленной задачи состоит в том, чтобы ввести наше предложение в такой текст, который явно показывал бы, что речь идет о конкретной ситуации. Например: *Сегодня утром иду я по берегу, а он плавает*. Здесь указание на действие в определенный момент осуществляется не прямо, а за счет другой информации, имеющей самостоятельную ценность. Хотя вовсе не обязательно говорящий хотел сообщить именно эту информацию. Может быть, он вынужден был обнародовать ее исключительно ради того, чтобы придать значение конкретного действия глаголу *плавать*.

Нередко по-русски на конкретное значение указывается с помощью глаголов, обозначающих однократное действие (обычно это глаголы совершенного вида): *Пришел, увидел, победил*. Не следует, впрочем, думать, что такие глаголы всегда обозначают конкретное, а не вневременное действие. Так, например, в предложении: *Юлий Цезарь был решителен в борьбе с врагами империи, всегда действуя по принципу: пришел, увидел, победил* — последние слова как раз обозначают обычное действие.

Аналогично решается задача и в тех случаях, когда говорящему необходимо придать глаголу значение постоянного, вневременного, обычного действия. Для этого либо в предложения вводятся такие показатели действия, как *постоянно, систематически, вообще, каждый день, без конца* и т. п., либо строится контекст, заведомо трактующий общие вопросы: *Этот юноша систематически следит за своим здоровьем. Он плавает, бегает, делает по утрам зарядку...*

Когда грамматика не справляется...

Рассмотренные задачи, возникающие перед говорящим (пишущим) на русском языке, строго говоря, не относятся к ведению собственно грамматики русского языка. Не проявляет ли автор непоследовательность, занимаясь их решением?

Обратите, однако, внимание на один постоянно подчеркиваемый мною момент. Все рассмотренные примеры в других языках,

изучаемых вами как иностранные, могли решаться с помощью грамматических средств этих языков.

А значит, при переводе текстов с иностранного языка на свой родной, русский, в грамматических формах иностранного языка открываются такие значения, которые не имеют эквивалентов в грамматической системе русского языка. В результате наступает замешательство, а подчас и неприятные последствия. Либо соответствующий элемент смысла просто никак не переводится. Как бы игнорируется, будто бы его и не было. Либо перевод объявляется вообще невозможным.

Думаю, что, зная, как решаются соответствующие задачи, читатель поймет неразумность обеих описанных реакций и вспомнит путь, ведущий к преодолению трудностей. Путь, связанный с возможностью выразить соответствующие значения совсем другими формальными средствами, средствами иных уровней языка, прежде всего лексического.

Такие ситуации при переводе случаются часто. Как, например, передать по-русски значения артикля, встречающегося в английском, французском, немецком языках?

Если артиклем обозначено то, что предмет неизвестный, то по-русски используются местоимения *какой-то*, *некий*. Вспомним, как у И. А. Крылова *Какой-то повар-грамотей с поварни убежал своей*. Конечно же, это тот самый повар, какой в английском и французском языках потребовал бы для своего обозначения неопределенного артикля.

Ну, а если артикль подчеркивает, что предмет известный, то по-русски о нем можно сказать *этот*, *тот самый*, *выше упомянутый* или что-нибудь в этом роде. Так что, когда Татьяна в письме к Онегину пишет: *И в это самое мгновенье не ты ли, милое виденье... слова надежды мне шепнул?* — то речь, разумеется, идет о таком мгновении, которое в западноевропейских языках следует обозначать через определенный артикль.

Впрочем, не забывайте, что, передавая по-русски в явной форме значение определенности-неопределенности предмета, мы

иногда, быть может, вынуждены будем и несколько усилить эту самую определенность-неопределенность. Может быть, вполне ясно, о каком предмете — определенном или неопределенном — идет речь из слов или предложений, которые окружают занимающее нас слово. Тогда и средства никакого не надо, и без него ясно, что *корабль, который несется по синим волнам океана*, лишь звезды, блеснут в небесах, — неопределенный, а *Дом, который построил Джек*, конечно же, вполне определенный.

Такой подход к задачам описываемого типа помогает лучше понять выразительные возможности и особенности своего родного, русского языка. Недаром И. В. Гете говорил, что тот, кто не знает чужих языков, тот не имеет понятия и о своем. Но принципиальный урок, вытекающий из обсуждаемых задач, относится не только к языку.

Урок этот в том, что не следует никогда поддаваться гипнозу формы явления. Всегда нужно искать суть, открывающуюся за этой формой. Непомерное внимание к форме, нежелание проникнуть в суть дела было и, к сожалению, остается источником многих непониманий и даже острых конфликтов между людьми.

Я часто вспоминаю группу шумливых американских туристов, эмоционально выразивших свое неудовольствие по поводу того, что в Европе все не так, как в Америке, и спокойного лондонца, вопреки английским традициям, прервавшего чужой разговор репликой: «Если бы все в мире было устроено так, как у вас в Америке, то зачем тогда вам было бы кататься по всему свету».

Не пасовать перед непривычной формой, и тем более не спешить либо осуждать ее, либо смеяться над ней, а стремиться понять, что стоит за этой формой, какие другие эквиваленты она имеет, — вот норма поведения по-настоящему интеллигентного человека.

Впрочем, как я постоянно стремлюсь показать, выбор наиболее подходящей формы очень важен для лучшей передачи содержания. И в этом смысле форма совсем не нейтральна по отношению к содержанию. Устоявшиеся формы поведения, которым нас учат дома

и в школе, в своей основе содержательны: «Не ешь с ножа — обрежешься»; «Пропусти вперед девочку — учись быть благородным по отношению к более слабым» и т. п. Усвоив эти формы, мы освобождаемся от необходимости каждый раз долго думать о том, как нам поступить в типовой ситуации. Этим мы экономим душевные и физические силы для решения более сложных, нетиповых вопросов.

Но за формой нужно всегда видеть суть. Так, например, «форма» главного героя рассказа А. П. Чехова «Человек в футляре» — темные очки, зонтик, калоши — показывает его закрытость для живой человеческой жизни.

О чем позволяет молчать страдательный залог глагола? О возвратных глаголах.

Каждый знает, что в русском языке есть глаголы, оканчивающиеся на *-ся (-сь)*, они называются возвратными глаголами.

Что такое «возвратный»?

Вообще-то это не слишком употребительное в современном языке прилагательное обозначает или «ведущий назад, обратный», если сочетается со словами, говорящими о пути (*возвратная дорога*), или «подлежащий возврату», если сочетается со словами, говорящими, например, о денежных средствах (*возвратная ссуда*).

Нетрудно догадаться, что применительно к глаголам прилагательное *возвратный* указывает на такое обозначаемое глаголом действие, которое как бы «возвращается» (как бумеранг?) к тому, кто его производит. В самом деле, в предложении *Кошка умывается* кошка одновременно является и производителем действия (субъектом), и, так сказать, предметом, объектом, на который направлено это же действие. А если *Соседи бранятся*, то соседи и производят не слишком разумные и благородные действия, и их же получают назад.

Иными словами, прилагательным *возвратный* обозначается такое свойство глагола, которое состоит в том, что субъект действия

одновременно является и объектом этого действия. Очевидно, что такое выделение из всей массы русских глаголов именно возвратных глаголов опирается на содержательную, семантическую характеристику этой группы.

-СЯ как суффикс

Попробуем теперь разобраться с *-ся*. Ясно, что этот показатель характеризует глагол только по форме. Начнем с того, что *-ся (-сь)* графически всегда является частью слова. И дело тут, видимо, не только в правилах орфографии: *-ся (-сь)* не является словом вовсе не потому, что не пишется отдельно от других слов, а пишется слитно с другими словами именно потому, что само не является словом. Попробуем доказать последнее утверждение.

Главное различие между словом и значимой частью слова состоит в следующем. Слово в предложении относительно подвижно по отношению к своим соседям, значимая часть слова жестко закреплена на своем месте. В самом деле, слова *я, там, был* могут образовать правильное русское предложение, выступая в любой последовательности. (Оставим в стороне вопрос о том, какие дополнительные значения, при неизменном общем, появляются в результате различий в словорасположении.) А слово *подснежники* не может быть представлено в виде «никснежподи», «подникиснеж» или каком-либо еще.

А как же быть с предложно-падежными конструкциями типа *в лесу, на земле, о мире*? Ведь там тоже сочетание слов, но последовательность их не может изменяться. И нельзя сказать «лесу в» или «земле на», хотя, впрочем, можно сказать *ради славы* и *славы ради*.

Более того. Есть еще *лизоблюд* и *блюдолиз*, а раньше были *домоуправы* и *управдомы*.

Попытаюсь защитить свою позицию. Относительная свобода, которой пользуется в предложении слово, в отличие от несвободы,

сковывающей в слове его значимую часть, заключается еще и в возможности вставок. Дело в том, что внутри предложения *Я там был* можно без труда вставить новые слова и словосочетания типа: *вчера, двадцать третьего июня, с Дашей, сразу после Нового года* и т. п. Причем значение предложения изменится ровно на столько, сколько информации будут содержать соответствующие вставки. А в слово вставить уже ничего нельзя. Попробуйте-ка вставить что-нибудь внутри слов *безболезненный, расхрабриться* или *распределение*. Ничего не получится.

Правда, человек, изощенный в формальных преобразованиях, может и здесь возразить. В слово *подписать*, например, можно вставить, скажем, слово *столом*: получится *под столом писать*. Но в этом случае разрушится значение слова *подписать*. Иными словами, формально *столом* можно считать вставкой, но содержательно оно никак вставкой считаться не может.

Вернемся к *-ся*. Будучи неподвижным, *-ся* является частью слова. Причем такой, с которой связывается некоторое значение. Значит, *-ся* — это значимая часть слова. Но что же это за часть?

Рассмотрим сначала наиболее ясные случаи. *-Ся* нередко соединяет к словам важное дополнительное значение. Во вторых членах пар *одевать — одеваться, брить — бриться, умывать — умываться* именно благодаря *-ся* возникает значение «себя» (производитель, субъект и объект действия одно и то же лицо!). Во вторых членах пар *бранить — браниться, целовать — целоваться, обнимать — обниматься* именно благодаря *-ся* возникает значение «друг друга». Во вторых членах пар *катать — кататься, толкать — толкаться, вертеть — вертеться* именно благодаря *-ся* возникает обозначение того, что действие не предполагает наличия какого-либо объекта, на который оно могло бы быть направлено. Очевидно, что во всех этих случаях перед нами тоже образование нового слова с дополнительным значением. Таковую роль могут выполнять в русском языке приставки и суффиксы. Но *-ся*

заведомо не приставка! Значит, суффикс. Действительно *-ся* располагается в конце слова (хотя и не после корня или другого суффикса, а после окончания), а главное — указывает на часть речи. Иными словами, по всем параметрам (кроме позиции после окончания!) проявляет себя как суффикс.

Итак, *-ся* — это суффикс, а глаголы с *-ся* и их пары без *-ся* — это разные лексические единицы, каждой из которых в толковом словаре посвящается отдельная словарная статья. Но всегда ли это так?

-СЯ как окончание

Сравним предложения *Погоду определяет циклон* и *Погода определяется циклоном* или *Музыкант исполняет пьесу* и *Пьеса исполняется музыкантом*. Попробуем выяснить, чем по форме и по содержанию отличаются первые предложения от вторых. Ясно, что их различия по форме состоят в следующем: 1) в первых глагол выступает без *-ся*, а во вторых — с *-ся*, 2) в первых производитель, субъект действия, обозначен формой именительного падежа существительного, а во вторых — формой творительного падежа существительного; 3) в первых объект, на который направлено действие, обозначен формой винительного падежа, а во вторых — формой именительного падежа. Других формальных различий между первыми и вторыми предложениями нет.

Есть ли между вторыми и первыми предложениями содержательные различия? Ответ на этот вопрос должен состоять как бы из двух частей. Во-первых, следует утверждать, что и первое, и второе предложения соответственно обозначают одну и ту же ситуацию, то же самое положение дел в объективной действительности. Однако, во-вторых, они обозначают одну и ту же ситуацию, по-разному акцентируя роль участников в ситуации.

Каждый по собственному опыту знает, что об одном и том же событии можно сказать по-разному, выражая, таким образом, то

понимание ситуации, которое хочет внести сам говорящий. Можно, например, сказать: *Зал был наполовину полон* или *Зал был наполовину пуст*. Оба предложения будут обозначать одну и ту же ситуацию. Однако в первом случае говорящий явно хочет сообщить об успехе проводившегося в зале мероприятия («Зал был полон, хотя и не совсем»). Во втором же предложении говорящий явно хочет сказать, что мероприятие почти провалилось правда, и не абсолютно»).

Объясняя дорогу к себе домой, вы можете сказать, что ваш дом находится за гостиницей или что он находится перед магазином «Филателия». Это, разумеется, один и тот же дом. Только место его расположения обозначено через разные ориентиры. И обычно выбор одних ориентиров и игнорирование других лишь выражают желание говорящего объяснить дорогу попонятнее, используя заметные или хорошо известные слушателю ориентиры. В нашем случае, объясняя дорогу приезжему, наверное, лучше ориентироваться на гостиницу, а жителя города, тем более если он собирает марки, лучше ориентировать на магазин «Филателия».

Впрочем, объясняя дорогу, можно называть множество разнообразных ориентиров, но обычно лучше избирать какой-то один ориентирующий момент. Какой? Это зависит от желания говорящего. Так, например, для биографии Цезаря уместнее написать, что Цезарь победил (разгромил, уничтожил) Помпея. А в биографии Помпея лучше сказать, что Помпей потерпел поражение в борьбе с Цезарем.

В очерке о Словакии будет написано, что Словакия граничит с Венгрией, а в очерке о Венгрии так уже не скажут. Там будет написано, что Венгрия граничит со Словакией.

Мы уже не раз говорили о том, что, сознательно используя языковое средство, человек, не отклоняясь от объективной истины, может описать ситуацию с разной степенью точности, выразить свое собственное, субъективное отношение к самой ситуации и к ее участникам. Причем это можно делать за счет выделения одних

сторон и одних участников ситуации и за счет других сторон и других участников ситуации. Решающую роль в таком субъективном, по сути, но отражающем одну и ту же ситуацию «обозначении» играют глаголы или другие слова, выполняющие роль сказуемого.

Можно сказать *Я взял взаймы у Петрова* (здесь главное, что я был в не очень приятном положении) и *Петров дал мне взаймы* (здесь главное, что Петров выручил меня).

Может быть, кто-то из вас видел фильм знаменитого японского кинорежиссера Акиры Куросавы «Расёмон», где одно и то же событие показывается глазами разных людей и поэтому выглядит для зрителя как совершенно разные по сути события. Примерно то же самое, хотя, разумеется, в миниатюре, происходит и при любом акте общения, когда говорящий (пишущий) сообщает слушающему (читающему) вроде бы об объективном положении дел, но делает это, выбирая (и опуская) такие характеристики, которые вовсе не нейтральны по отношению к самой ситуации. Сравните, например: *Я опоздал только на полчаса* (ничего страшного!) и *Я опоздал на целых полчаса* (это очень много!). Однако вернемся к *-ся*.

Итак, *-ся* в предложении *Погода определяется циклоном* (в отличие, например, от соотношения *умывать — умываться*) не внесло нового содержания, но лишь потребовало иного оформления предложения. Зададимся вопросом, какие же части слова (а ведь *-ся* именно часть слова) могут никак не влиять на общее значение слова, но влиять на форму подчиненных слов. Ясно, что в такой роли не могут выступать ни приставки, ни суффиксы. Зато такие роли нередко играют окончания. Так, например, окончания прилагательных, как правило, не имеют никакого собственного значения. Хотя они, по правде говоря, никак и не влияют на форму подчиненных слов. (Да и много ли слов, тем более изменяемых, могут подчиняться прилагательным?) С другой стороны, определенное окончание существительного уже предопределяет форму окончания подчиненного прилагательного. Если столы, то *новые*, а если *столу*, то *новому*. Хотя, по правде говоря, окончания обычно прибавляют к су-

ществительному определенное значение, точнее, указывают на количество предметов, один предмет или больше, чем один.

Таким образом, *-ся* в предложении *Погода определяется циклоном* выступает в качестве окончания, т. е. такой части слова, которая не изменяет значения самого слова (вспомним окончания прилагательных!), но предопределяет форму подчиненных слов (вспомним, что таким свойством по отношению к прилагательным обладают окончания существительных!).

Следовательно, в русском языке существует два *-ся*: суффикс и окончание. Именно такое положение дел и отражено в словарях русского языка. Там, как уже отмечалось, слова *умывать* и *умываться*, *бранить* и *браниться*, *целовать* и *целоваться*, *катать* и *кататься* составят разные словарные статьи. А искать в словаре слово *определяется* или *определяться* из предложения *Погода определяется циклоном* бесполезно. Такого слова там просто нет. Его заменяет слово *определять*. Точно так же как нет в словарях слов *весне*, *доброму* или *читаешь*, но есть, так сказать, вместо них слова *весна*, *добрый*, *читать*. Причем эти последние заменяют не одно-единственное слово, но всю парадигму склонения или спряжения соответствующего слова.

Утверждение, что в русском языке существует *-ся* — окончание и *-ся* — суффикс вовсе не парадокс. Таким свойством обладают и некоторые другие значимые части слова. Так, например, *-л-* является суффиксом (прилагательного) в словах *беглый*, *светлый*, *пухлый* и окончанием (иногда говорят: словоизменятельным суффиксом) в словах *читал*, *писали*, *было*. А *-им* может быть не только окончанием личной формы глагола, как в словах *косим*, *бросим*, *тужим*, но и показателем причастия, как в словах *гонимый*, *хранимый*, и даже самым обычным суффиксом, как, например, в словах *мнимый*, *нелюдимый*, или *видимость*, *зависимость*, *недопустимость*. Однако положение с *-ся* — суффиксом и *-ся* — окончанием выглядит несколько сложнее, поскольку и одно, и другое *-ся* выступают в одной части речи, глаголе.

Зачем два названия для одного и того же?

Впрочем, наиболее важные последствия, вытекающие из признания двух *-ся*, возникают для человека, желающего наилучшим образом выразить свою мысль на русском языке. Мы уже отмечали выше, какая разница существует между предложениями *Погоду определяет циклон* и *Погода определяется циклоном*. Заметим, что первый способ обозначения ситуации называют действительным залогом, а второй — страдательным. Возникает вопрос, зачем нужен страдательный залог, если с помощью действительного можно достаточно хорошо выразить соответствующее содержание.

В самом деле, язык постоянно стремится к устранению дублетных наименований для одного и того же, изгоняя какое-то одно из них (*три копейки*, а не *алтын*, *календарь*, а не *численник*), однако совершенно одно и то же обозначают *бегемот* и *гиппопотам*, *студень* и *холодец*, *языкознание*, *языковедение* и *лингвистика*. А если оба дублета и остаются в языке, то они стремятся как-то дифференцировать уж если не свои значения, то хотя бы сферы своего употребления (например, *нуль* в языке математики и *ноль* в обычной, непрофессиональной речи). Так почему же таким жизнеспособным оказывается противопоставление почти синонимичных действительных и страдательных конструкций?

Дело тут вот в чем. Если мы употребляем глагол в действительном залоге (без окончания *-ся*, но, быть может, с суффиксом *-ся*), то действие представляется как исходящее от его производителя, от субъекта, именно субъект выступает как главный член предложения — подлежащее: *Я читаю, пишу, веселюсь, работаю* и т. п.

Если же мы употребляем страдательный залог, то в качестве подлежащего, как главного члена предложения, уже выступает не субъект, производитель действия, а его объект, то, на что направлено действие: *Вопрос рассматривается; Ваше предложение обсуждается; Заявление изучается; Дело решается* и т. п.

Послушаешь или считаешь такие совершенно правильные с точки зрения русского языка предложения и не сразу поймешь, что в них чего-то не хватает. Чего же? По-русски, повторяю, все правильно. Это ведь не то, что «Это зависит» или «Он рассматривает», где обязательно надо сказать, соответственно, от чего или что. Здесь языковых ошибок нет, но нет и чего-то главного. Кто рассматривает вопрос? Кто обсуждает мое предложение? Кто изучает заявление? Кто решает дело? Ведь для полноты информации о положении дел надо непременно знать кто? где? когда? И кто в этой тройке оказывается очень часто самым важным. А его-то и нет! Страдательный залог позволяет говорящему (пишущему) не упоминать субъекта, производителя действия.

А если непременно надо обозначить того, кто совершает действие, следует пользоваться конструкциями с действительным залогом и избегать конструкций с залогом страдательным. Однако нередко бывает так, что говорящий (пишущий) не знает, кто же производит действие, и не хочет это свое незнание явно обнаружить. Тогда к его услугам страдательный залог. А бывает и так, что говорящий (пишущий) знает, кто производит действие, но по каким-то причинам не хочет (боится, или не имеет права, или стесняется и т. п.) его называть. Тогда опять выручает страдательный залог.

Кому же хорошо?

Вообще устранение прямого названия субъекта действия может осуществляться в русском языке и другими способами. Например: неопределенно-личными предложениями типа: *Вопрос рассматривают; Ваше предложение обсуждают; Заявление изучают; Дело решают.*

Но в неопределенно-личных предложениях нет подлежащего. И это может броситься в глаза тому, кого такая конструкция не устраивает, возникает вопрос: «Кто?» А в страдательных

конструкциях подлежащее есть, только оно не субъект, как обычно бывает, а объект. Могут быть в предложении еще и слова, обозначающие субъект. И слушающий не всегда сразу успевает сформулировать интересующий его вопрос: «Кто?» А тем временем говорящий уже далеко ушел в своих речах от обсуждаемого предложения. Так что дело сделано, слушающий не заметил или не сразу заметил, что его не полностью проинформировали, никак этой неполноты не показав. А неполнота-то касалась не какой-нибудь мелочи, а обозначения того, кто произвел действие.

Чего же боится современный человек, умалчивая о том, кто произвел то или другое действие? Действительно; очень непросто всегда уметь называть успехи успехами, недостатки недостатками, а ошибки ошибками, но еще труднее ясно, недвусмысленно и на соответствующем месте называть тех, кто добился успехов, а кто виноват в недостатках, кто совершил ошибки. Однако все эти вопросы в их конкретной постановке далеко увели бы нас от темы книги...

Есть и еще один способ умалчивать о том, от кого исходит действие. Можно сказать, как В. В. Маяковский: *Радуюсь я*. (И далее для текста это я очень существенно, поскольку соотносится с *мой труд* и *моя республика*). Но можно сказать и *Мне радостно*. Вроде бы то же самое, только субъект не в именительном падеже, а как бы чуть-чуть смещен в сторону, в дательном.

Однако *радостно* в русском языке уже и без всякого субъекта может выступать, например: *Радостно сознавать, что...* А кому радостно? Вам, мне, школьникам, учителям, Кате, Свете, Игорю? Радостно — и все. Так же и со словами *известно, нужно, важно, интересно, ясно, понятно, очевидно, совестно* и т.д. и т.п. Кому нужно, интересно и важно? Далек не всегда каждому известно, очевидно, ясно и понятно. Совсем как в диалоге Чичикова с Маниловым о продаже мертвых душ:

— Я полагаю, что это будет хорошо.

— А, если хорошо, это другое дело: я против этого ничего, — сказал Манилов и совершенно успокоился.

Читатель-то знает, для кого же будет хорошо (а для кого — не очень), но в данном тексте об этом ничего не сказано.

Впрочем, страдательный залог позволяет совершать с производителем действия операции более тонкие, чем грубое замалчивание. Можно и подменить. Вместо *кто* сообщить, например, *где*: *В школе Петя считается активистом*. Здесь вроде бы все есть: и объект Петя, и вроде бы субъект *школа*, но — стоп! Кто же все-таки из круга лиц, включаемых в понятие «школа», считает Петю активистом? Директор, завуч, классный руководитель, вообще все учителя, одноклассники? Оказывается, снова не очень понятно, кто же все-таки считает, а сказано опять так, что и не сразу поймешь, что чего-то важного все-таки недоговаривают.

Но страдательная конструкция позволяет и оттеснить производителя действия с центрального места, которое он обычно занимает в предложении, на периферию. В самом деле, в предложении *Соната исполняется Петровым* самому Петрову отводится несколько более скромное место, чем тому, что исполнена будет именно соната, а не что-то другое. При употреблении же действительного залога *Петров исполняет сонату* исполнитель, производитель действия, стоит на своем законном, первом в предложении, месте в качестве подлежащего.

Впрочем, в тех случаях, когда при страдательной конструкции обозначается и субъект, и объект действия с помощью соответствующего интонирования или введения на первые места в предложении других слов, можно добиться желаемого эффекта. Однако, если, пусть и в косвенном падеже и на незаметном месте, существительное, обозначающее субъект действия, все-таки стоит, для внимательного читателя (слушателя) это уже очень много. Тут главное — не пропустить, когда читаешь или слушаешь. Совсем иное дело, чем в тех случаях, когда, как ни старайся, не найдешь никакого прямого и точного упоминания о том, кто же все-таки производит действие...

Вообще в этом случае положение говорящего и слушающего существенно отличается от положения пишущего или читающего, поскольку в распоряжении первых имеется такое средство, как интонация. С ее помощью можно выделить (или ослабить) то или иное слово и таким образом либо усилить, либо вовсе снять тот эффект, который создается грамматической конструкцией.

Например, если мы хотим подчеркнуть в предложении *Сонату Бетховена исполняет Петров* фамилию исполнителя, достаточно произнести первые три слова скороговоркой, а четвертое — *Петров* — выделить голосом громко и отчетливо. Однако у пишущего и читающего нет таких возможностей. В их распоряжении только грамматические средства (в данном случае страдательная конструкция *исполняется*): *Соната Бетховена исполняется Петровым*.

Когда и так все ясно или когда кто-то хочет неясности

Значит ли все сказанное выше, что страдательные конструкции — это непременно какой-то обман со стороны говорящего (пишущего) и, следовательно, всякий, кто хочет быть честным, не должен пользоваться такими конструкциями? Для меня не было бы в данном случае ничего огорчительнее такого вывода. Страдательные конструкции — богатство русского языка. Но ими, как и всяким богатством, следует разумно пользоваться. В чем же состоит эта разумность?

Во-первых, страдательные конструкции очень уместны в дипломатических сообщениях. Когда мы слышим или читаем, что *Предложения партнеров по переговорам изучаются*, мы и не ждем упоминания о том, кто изучает.

Во-вторых, страдательные конструкции очень уместны в тех случаях, когда упоминание о субъекте, производителе действия, просто не нужно ни говорящему, ни слушающему. Когда это упоминание, по существу, ничего не добавляет к обсуждаемому вопросу. Вспомним, например, употребление слов типа *очевидно* или *ясно* при математических доказательствах. Или страдательные

причастия, обозначающие состояние предмета, типа *Магазин закрыт. Письмо распечатано. Чемодан собран* или даже знаменитое *Кушать подано*, где, как правило, совсем неважно, кто же закрыл магазин, распечатал письмо, собрал чемодан или подал кушать. Сравните, например, у А. Т. Твардовского: *Отдыхает он, герой, битый, раненый, контуженный* (три страдательные формы!), *да здоровый и живой*.

В-третьих, страдательные конструкции вполне уместны в тех случаях, когда производитель действия совершенно ясен из контекста или ситуации.

Другое дело — строить текст таким образом, чтобы скрывать свое незнание или плохое знание положения дел употреблением страдательных конструкций. Такое занятие кажется мне совершенно недостойным. Не знаете — потрудитесь узнать, а лишь потом беритесь за письменные принадлежности. Не знаете — помолчите в разговоре, а потом поройтесь в справочниках и энциклопедиях.

Уже о сознательном недоговаривании всей правды вообще молчу. Конечно, надо уметь быть тактичным. Но сознательное стремление водить за нос своего слушателя или читателя — вещь исключительно безнравственная.

Итак, дорогие читатели, предупреждаю вас: если встретите форму страдательного залога — будьте бдительны.

Зачем нужно деепричастие?

Что значит особая форма?

Как известно, в школьном учебнике по русскому языку деепричастие определяется, как особая форма глагола. Замечу, что особая форма «не такая, как другие, непохожая на других» — плохо помогает понять, какой же именно формой является деепричастие. Когда о человеке говорят, что он — особый, это хоть как-то понятно: не такой, как все. А все-таки какой же не такой; плохой или уж не такой ли, каких видела Феклуша из «Грозы» Остро-

вского, — с песьей головой? Ну а если *особая* — о глагольной форме, то тут уж совсем неясно, в каком же все-таки отношении особая.

Да и форма ли — деепричастие? Вот время глагола образует формы. Потому что от любого инфинитива несовершенного вида непременно образуется и настоящее, и прошедшее, и будущее время, а от любого инфинитива совершенного вида непременно образуется и прошедшее, и будущее время. А вид глагола уже форм не образует, глаголы разных видов — это разные слова, а не формы одного слова. И это потому, что далеко не от каждого глагола несовершенного вида можно образовать глагол совершенного вида. И наоборот, совсем не от каждого глагола совершенного вида можно образовать глагол несовершенного вида. Поэтому и в словарях нет глаголов в разном времени (они — формы!), а глаголы разных видов есть (они — разные слова!).

Деепричастий в словарях обычно тоже нет. Вроде бы доказательство того, что они — формы. Правда, доказательство косвенное. Прямым было бы образование деепричастий от всех без исключения глаголов русского языка. Однако не от любого глагола можно образовать деепричастия, например, не образуют деепричастий глаголы: *беречь, спать, мять, вянуть, пить, писать* и др. Значит, деепричастие можно рассматривать не как форму глагола, а как самостоятельное слово. Такая точка зрения в лингвистике существует. Часто явление определяется не по всем без исключения показателям, а по подавляющему их большинству. Подчеркну, что именно так решается вопрос о том, форма или не форма множественное число существительных, также образуемое далеко не от всех, хотя и от подавляющего большинства существительных русского языка.

Допустим, что с формой все ясно. Но вернемся к тому, что обозначено словом *особая*. Деепричастие обозначает такое действие, которое является дополнительным по отношению к другому действию, представляя его как признак этого, другого действия. Та-

ким образом, деепричастие содержательно выступает в такой же роли, как и наречие, которое, как известно, является признаком действия. В то же время в деепричастии, в отличие от наречия, воплощено также значение действия со всеми теми его характеристиками, какие могут быть представлены в глагольном слове.

Наследник свойств инфинитива

Если глагол обозначает действие, называемое глаголом несовершенного вида, то деепричастие образуется с помощью *-а* или *-я*: *читать — читая, переписывать — переписывая, наблюдать — наблюдая*. (Если рассматривать деепричастие как форму глагола, то *-а (-я)* — окончание, а если не как форму, то *-а (-я)* — суффикс.) Если же глагол обозначает действие, называемое глаголом совершенного вида, то деепричастие образуется с помощью *-в* или *-вши*: *узнать — узнав, написать — написав и написавши, взять — взяв и взявши*. (Разумеется, к *-в* и *-вши* относятся все приведенные выше рассуждения о статусе *-а (-я)*.)

Однако по форме концовки деепричастия его видовая принадлежность определяется далеко не всегда. Например, в предложении *Служив отлично, благородно, долгами жил его отец* (А. С. Пушкин) деепричастие на *-в* образовано от глагола несовершенного вида *служить*. А в предложении *Мартышка, в зеркале увидя образ свой, тихохонько медведя толк ногой* деепричастие на *-я* образовано от глагола совершенного вида *увидеть*. Так что по форме деепричастия вид глагола не всегда можно определить, хотя все содержательные характеристики, которые есть в исходном глаголе, деепричастие полностью наследует. И это очень важно понимать.

Деепричастие выступает как своего рода заменитель глагола. Причем такой заменитель, который дополнительно характеризует другой глагол. Ясно, что оба эти глагола, и основной, и заменяемый, превращенный, таким образом, в дополнительную характеристику основного, должны иметь один и тот же субъект. Этого никак не хо-

тел понять чеховский герой, сообщавший: *Проезжая мимо сей станции, у меня слетела шляпа*. Мы смеемся над этим претенциозным и малограмотным предложением, потому что проезжал-то не-задачливый знаток русского языка, а слетела-то шляпа. И никаким дополнительным, характеризующим признаком первое действие (проезд) по отношению ко второму (судьба шляпы) быть не может.

Если говорящий хотел бы как-то связать эти два события, то он должен был бы представить их либо как равноправные (*Я проезжал мимо этой станции, и у меня слетела шляпа*), либо как такие, когда второе событие включается в первое (*Когда я проезжал мимо этой станции, у меня слетела шляпа*).

Причем не следует думать, что у действия, называемого личной глагольной формой, и у другого действия, так сказать дополнительной характеристики первого, непременно должен быть формально выраженный субъект. С. А. Есенин совершенно точно понимал поясняющую, дополнительную природу деепричастия, когда писал: *Радуюсь, свирепствуя и мучаясь, хорошо живется на Руси*.

Выясним отношения деепричастия и сказуемого

Значит, решит торопливый читатель, деепричастие обозначает действие дополнительное, характеризующее другое действие, и, наверное, деепричастие можно заменять личной формой, добавляя при этом что-то вроде слов *при этом, кроме того еще, дополнительно* и т. п. Это, конечно, в основном верно, однако в этом случае теряется то, что обозначенное деепричастием действие выступает как признак, а не просто как второе, пусть и дополнительное, но все же самостоятельное действие.

Когда В. В. Маяковский в поэме «Владимир Ильич Ленин» пишет о том, *что смотрят буржуи, глазки раскоряча*, это не значит, что буржуи смотрят и при этом еще (в дополнение к этому и т. п.) глазки раскорячили. Речь идет о том, каким именно образом смотрят буржуа на рождение нового мира.

Однако выразительная ценность деепричастия как средства для обозначения действия, которое является дополнительным, этим не исчерпывается.

Определяя один и тот же субъект (выраженный формально или невыраженный), деепричастие и поясняемый глагол могут находиться между собою в разных содержательных отношениях. Подобно тому как поясняющее глагол наречие может быть обстоятельством различного типа: и времени, и причины, и цели и т. п. Так, например, крейсер «Советский Дагестан», жалуясь «Красной Абхазии» в известном стихотворении В. В. Маяковского, говорит: *Я устал, один по морю лазая*. Здесь, наверное, между действием, выраженным деепричастием, и действием, выраженным личной формой глагола, отношения причины следствия.

А деепричастие в рекомендации *Не зная броду, не суйся в воду* связано с личной глагольной формой условными отношениями, т. е. если не знаешь броду. В предложении *Кончив сборы, разговоры, улеглись бойцы в дому* А. Т. Твардовский говорит о том, что подчиненное, характеризующее действие (*кончив*), предшествовало главному.

Существенно, что все эти сложные содержательные отношения между основным действием и дополнительным действием не получают формального выражения, но легко проясняются после содержательного рассмотрения соответствующих частей. Ситуация, довольно характерная для сложных языковых единиц, когда они значат больше, чем сумма простых единиц, составляющих сложное целое. (Здесь происходит примерно то же самое, что и при некоторых химических превращениях или в случае появления припека при выпечке хлеба.)

Как известно, в грамматических системах западноевропейских языков нет аналога русскому деепричастию. Однако, я надеюсь, вы помните, что нередки и обратные случаи, когда грамматическим средствам чужого языка соответствуют лексические средства русского языка. Здесь уже собственно грамматические ресурсы русского языка оказываются побогаче. Именно благодаря деепри-

частиям русский язык в состоянии выразить, не акцентируя их специально, различные связи между, так сказать, главным и дополнительным действием. Использование для выражения этих отношений соответствующих союзов (*после того как*, или *если*, или *потому что*), конечно же, возможно. Однако к чему слова, если и так все ясно...

Трудности, связанные с содержательной интерпретацией грамматических характеристик русских слов, заключаются не только в асимметрии между родом и полом, числом и количеством, падежом и субъектно-объектными отношениями, временем грамматическим и реальным, наклонением и отношением действия к реальной действительности... Трудности состоят еще и в том, что многие содержательные характеристики, присутствуя в предложении, не имеют специальных формальных средств, выражающих такие характеристики. Эти смыслы представляют собой результат непростого сложения грамматических признаков, лексических значений и знаний говорящего и пишущего, слушателя и читателя о мире и его устройстве.

ГЛАВА 2. ПРИХОДИТСЯ СЧИТАТЬСЯ И ПРОСТО С КАПРИЗАМИ ФОРМЫ

Мы все время говорили о том, что грамматические формы позволяют пользующемуся русским языком по своему желанию либо точно выразить определенное содержание, либо, наоборот, затенить это содержание.

Однако неверно полагать, что все относящееся к грамматике существует только ради того, чтобы так или иначе выразить определенное содержание. Представление о содержательной ценности любого компонента в грамматике влечет за собой предположение, что в языке, а в грамматике особенно, все в высшей степени рационально, экономно и целенаправленно. Как в природе, когда экологические соотношения не нарушаются. Или как при безотходных производствах. Однако в языке это, увы, не совсем так.

В грамматике любого языка (и русский в этом отношении не исключение) немало и такого, что, строго говоря, является лишним, и такого, что является совершенно нелогичным. Вспомним хотя бы английские, немецкие, французские неправильные глаголы. Будь они правильными, наши усилия по изучению этих языков были бы серьезно сэкономлены.

Но, в отличие, например, от порядка расположения книг на нашей книжной полке, по отношению к языку мы не можем просто

принимать такие решения, какие кажутся нам логичными и практически удобными. Пользуясь языком, человек вынужден поступать так, как того требует устройство языка.

Однако люди, сталкиваясь с многочисленными непоследовательностями в системах различных языков, живых и мертвых, создали искусственные языки, устроенные по правилам, не знающим исключений. Таким языком является, в частности, эсперанто. Он был сконструирован варшавским врачом Людовиком Заменгофом (1887 г.). В этом языке всего шестнадцать основных правил грамматики, два падежа (именительный и винительный), интернациональный словарный состав, простые правила словообразования.

Во многих странах, в том числе и в России, существуют ассоциации эсперантистов, охватывающие сотни тысяч людей. Однако успехи в распространении этого языка, как и других искусственных языков, довольно скромны. И весь мир продолжает тратить огромные силы и средства на обучение людей (а в последние годы и машин) национальным языкам со всеми сложностями и нелогичностями, присущими этим языкам.

Вернемся к грамматике русского языка. Что же в ней лишнее, с точки зрения логики?

Все ли имена склоняются?

Сколько склонений у существительных?

Конечно же, три. Кто этого не знает? Ну а такие, например, существительные, как *закусочная*, *мороженое*, *вожатый*, они к какому склонению относятся? Скажете, что они склоняются, как прилагательные. Верно. Но ведь они же - существительные, значит, кроме трех, еще один тип склонения имеется у существительных.

А слова типа *пальто*, *депо*, *табло*, *такси*, *купе*? Они, как известно, вообще не склоняются. Значит, либо следует считать, что не все русские существительные распределяются без остатка по типам склонения, либо ввести еще один тип склонения. В некоторых опи-

саниях русского языка, в частности в «Грамматическом словаре русского языка» А. А. Зализняка и в «Русской грамматике», изданной Академией наук в 1980 г., утверждается, что эти существительные относятся к так называемому нулевому типу склонения.

А есть еще так называемые разносклоняемые существительные *знамя* — *знамени*, *имя* — *имени* и т. п. Существительных таких немного, но говорится о них отдельно. А почему? Образуют ли они новые типы склонения или нет?

Начнем с самого трудного. Что такое тип склонения? Наверное, под типом склонения следует понимать тот набор окончаний, который соответствующее слово получает при склонении. Если наборы этих окончаний совпадают, слова принадлежат к одному типу склонения, если различаются — к разным.

Так, например, слова *дом* и *город* имеют абсолютно одинаковые наборы окончаний и принадлежат, как известно, к одному и тому же, второму склонению.

А вот слова *знамя* или *имя*, с одной стороны, и слова *земля*, *буря* — с другой, оканчиваясь в именительном единственного совершенно одинаково, в некоторых других падежах имеют разные окончания: род. п. — *знамени*, *бури* (совпадение!), дат. п. — *знамени*, *буре* (различие!), твор. п. — *знаменем*, *бурей* (опять различие!). Окончания в косвенных падежах слов *знамя*, *имя* совпадают с окончаниями слова *степь*. Однако в именительном падеже (*знамя* и *степь*) у них совершенно разные окончания. Так что разносклоняемые на *-мя*, строго говоря, представляют собой еще один тип склонения.

Слова *мать* и *дочь* по набору окончаний ничем не отличаются от обычных существительных третьего склонения женского рода типа *степь*. Но они имеют в косвенных падежах единственного числа во множественном числе, так сказать, расширенную основу, т. е. не такую, как в словарной форме, в именительном единственного, а с наращением. А в словах, оканчивающихся в именительном единственного на *-мя*, таким наращением является *-ен*.

Но позвольте, ведь мы же выяснили, что тип склонения определяется набором окончаний, а не преобразованием основы. Поэтому *мать* и *дочь* никакого особого типа склонения не образуют, а включаются в обычное третье склонение. А вот *знамя* и другие подобные слова образуют особый тип склонения вовсе не из-за появляющегося при склонении *-ен*, а из-за особенности набора окончаний. И слово *путь* в третье склонение не входит, поскольку у него иное окончание в творительном единственного (*путем*, но *лошадью*, *тенью*, *пылью* и т.п.).

Что осталось от древнерусских ъ и ѣ?

Итак, существительные, склоняясь, могут различаться не только наборами окончаний, но и изменениями в основе.

Наиболее распространен такой случай, когда при склонении существительных одна часть грамматических форм имеет в своем составе буквы *о* или *е*, а в других эти буквы отсутствуют: *носок*, но *носков*, *мешок*, но *мешков*, *дорожка*, но *дорожек*, *деньги*, но *денег*. Если бы всех этих изменений в основе не было, во всех других падежах единственного числа, а также во всех падежах множественного числа должно было бы быть так, как в словарной форме, т. е. *носок* — «*носока*» (ср. *зарок* — *зарока*), *мешок* — «*мешоков*» (ср. *тирог* — *тирогов*) и т. д. Чем же объясняются эти изменения основы при склонении слов? Дело тут в том, что в древнерусском языке существовали так называемые редуцированные звуки, обозначавшиеся на письме через *ь* и *ѣ*. Может быть, вы обращали внимание на то, что в древних русских надписях в конце слов после согласного обязательно стоит *ь* или *ѣ*. Это орфографическое правило, существовавшее очень долго, отражает тот период в истории русского языка, когда слова не могли оканчиваться согласными, а должны были непременно завершаться гласными звуками, в частности теми, которые обозначались буквами *ь* и *ѣ*.

Насколько мы можем судить (от того времени у нас не осталось никаких звуковых источников!), эти звуки произносились

очень кратко при нейтральном положении органов речи. Для *ь* язык отодвигался чуточку назад, а для *ѣ* продвигался слегка вперед. Затем эти звуки исчезли. Если они находились в конце слова, то бесследно. А если в середине, то судьба их зависела от качества по следующему слогу. Если в этом последующем слоге был обычный гласный, то звуки, обозначаемые через *ь* и *ѣ*, тоже исчезали. Как и в конце слова. А если в последующем слоге были утрачиваемые звуки, обозначаемые через *ь* и *ѣ*, то интересующие нас звуки изменялись следующим образом: *ь* превращался в *e*, а *ѣ* — в *o*.

Было поськъ, конечный *ь* всегда утрачивался, а срединный, поскольку он находился перед утрачиваемым, превращался в *o*, а *поська* превращалось в *носка*, поскольку в этом слове срединный *ь* находился перед слогом с нормальным гласным. А в слове *порок*, например, никакого *ь* никогда не было, поэтому его основа во всех падежах выглядит совершенно одинаково.

Приведенный пример показывает, что разнообразные преобразования в основе существительных при их склонении возникли не случайно. Их можно легко объяснить, если знать историю языка. Но на современном этапе его развития они не имеют никакой содержательной ценности и воспринимаются просто как каприз языковой формы, которая в одних случаях образует косвенные падежи и множественное число от той же самой основы существительных, какая представлена в словарной форме (*грузин* — *грузины*), а от других существительных те же самые формы образует, так или иначе модифицируя эту основу (*гражданин* — *граждане*). Причем арсенал этих модификаций у существительных русского языка весьма разнообразен, например: *небо* — *небеса*, *дерево* — *деревья*, *сын* — *сыновья*, *хозяин* — *хозяйева* и т. д.

Ясно, что человек для которого русский язык — родной, специально не задумывается, употребляя *цветок* — *цветы*, *желток* — *желтки* (а не «желты», как в *цветы*), *зарок* — *зароки* (а не «зары», как в *цветы*, и не «зарки», как в *желтки*).

Мечты Угрюм-Бурчеева

А как было бы здорово, если бы все русские существительные склонялись совершенно одинаково, без всяких изменений в основе, с одним-единственным набором окончаний! Действительно, для содержания, выражаемого с помощью склонения существительных, урона практически не было бы, а облегчение бы вышло большое.

Только для кого облегчение? В первую очередь для компьютера и тех, кто составляет для него программу. Вместо того чтобы справляться о каждом слове, какой у него род, какая разновидность да какое склонение и нет ли каких-либо отклонений от стандарта, в данном именно случае представленного, — поступай всегда единообразно. Во вторую очередь для тех, кто изучает русский язык как неродной. Да и нам легче было бы правописание окончаний запомнить, будь в русском языке только одно склонение.

Только все это такая же мечта, как и о молочных реках с кисельными берегами, о тех цветах, на которые «кабы не морозы», о галушках, которые сами сначала в сметану, а потом в рот прыгают. Нет такого, и надеяться на это не надо. И никакие Угрюм-Бурчеевы здесь не помогут. Есть формы *слов-а́*, *тел-а́*, а есть *слов-ес-а* и *тел-ес-а*, остатки исчезнувших склонений, которых в древнерусском языке было шесть. И эти формы имеют полное право на существование.

Однако, если невозможно добиться единообразия в склонении исконно русских слов, может быть, удастся установить строгие правила по отношению к существительным, пришедшим из других языков? Почему бы им всем не склоняться по образцу исконно русских слов?

Без пальто, но без пальтишка

Вспомним героя поэмы В. В. Маяковского «Хорошо!», который сообщает о себе: «Я, товарищи, из военной бюры...» Нас несколько озадачивает форма «бюры». Надо бы сказать из *бюро*. Но тогда

не «из военной», а *из военного*. Значит, герой В. В. Маяковского имел в виду не *бюро*, а «бюра», т. е. существительное женского рода с окончанием *-а*.

Вообще словосочетание «из военной бюры» очень информативно. Мы узнаем не только о том, что товарищ прибыл из военного бюро.

Почему же, однако, возникла такая странная форма «из бюры».

А дело очень простое. Не очень ведь удобно, и не только компьютеру, иметь дело со словами разной природы: одни — склоняются, а другие — нет. Первых-то явное большинство, так что, уважая демократический принцип подчинения меньшинства большинству, несклоняемые должны свои капризы бросить. Быть, как большинство! Ради того, чтобы все — как один! Пусть все склоняются. Без всяких там исключений.

Такая тенденция, действительно, проявлялась в русском языке в первой четверти нашего века. И известный русский поэт Андрей Белый в то время писал: *Мы в пальтах осенних сидели*. (Заметим, что, в отличие от товарища из «военной бюры», Андрей Белый владел русским языком совсем неплохо.)

Но вот парадокс, склоняющееся большинство не смогло осилить несклоняемое меньшинство. В настоящее время говорящие (и тем более пишущие) на русском языке ни в коем случае не склоняют многие русские существительные. Хотя такие слова, как *пальто, кино, такси, табло, шоссе, ателье, метро*, употребляются чрезвычайно широко. В чем же тут дело?

Русский язык, один из самых богатых и выразительных языков мира, был всегда, по словам А. С. Пушкина, «переимчивым» и «общежительным». Нимало не смущаясь тем, что «панталоны, фрак, жилет — всех этих слов на русском нет», наш язык смело заимствовал соответствующие существительные. И, заимствовав, включал их в ту грамматическую систему, которая существует в русском языке, т. е. начинал склонять. Вспомните хотя бы ностальгические воспоминания грибоедовского Чацкого: «Ваш ба-

тюпка с мадамой за пикетом». Сейчас мы наверняка сказали бы с *мадам*... Но... устояли пришельцы. Произошло это, в частности, потому, что распределение ролей среди участников ситуации обычно объясняется не столько различными падежными окончаниями, сколько лексическими значениями существительных с предложениями.

Так что несклоняемые существительные, хотя и будучи в явном меньшинстве, имеют полное право на существование. И сейчас рядом со склоняемыми *дорога* и *автострада* — несклоняемое *шоссе*; рядом со склоняемыми *трамвай*, *троллейбус* и *автобус* — несклоняемые *метро* и *такси*; рядом с *мастерской* — *ателье*; с *театром* — *кино* и т. д.

Несклоняемые слова прочно вошли в русский язык, от них образовались новые русские слова (например, *пальто* — *пальтишко*), которые включаются в систему русского склонения: *пальтишко* — *пальтишк-а* — *пальтишк-у* и т. д.

Однако не подумайте, пожалуйста, что все несклоняемые существительные обязательно заимствованы из другого языка. К несклоняемым относится много собственно русских слов — аббревиатур, например: *МГУ*, *Мосэнерго*, *МПС* (Министерство путей сообщения) и др.

К какой части речи принадлежит слово *нетто*?

Неудобные нелогичности в русском языке можно обнаружить не только в области склонения существительных. Прилагательные в этом деле тоже не особенно отстают. Не верите?

Наверное, вы не раз на упаковках многих товаров читали: *вес нетто* или теперь чаще: *масса нетто* (из курса физики вам, наверное, известно, почему теперь не вес, а *масса* пишут), а далее — 1 кг 125 г или еще что-то в этом роде. Не правда ли, странное какое-то слово *нетто*? Вот когда написано *чистый вес*, тогда все понятно: обозначен вес товара без упаковки. И слово *нетто* то же самое обозначает. А если с упаковкой, общий вес, — это *вес брутто*.

Да что же это за слова такие *нетто*, *брутто*? Значения их вроде бы объяснили, а грамматически-то что они собой представляют? По значению они явно прилагательные, но вот по форме на прилагательные совсем непохожи. Прилагательные, как известно, склоняются, изменяясь, по родам, числам и падежам. А *нетто* и *брутто* совсем никак не склоняются, ни рода, ни числа, ни падежа у них нет. Но ведь мы уже говорили, что окончания прилагательных обычно только указывают на то, какое именно существительное это прилагательное определяет. А если и без окончания, а просто по смыслу понятно, к какому существительному прилагательное относится? Зачем тогда окончания?

Может быть, вы помните, что иногда окончания прилагательных указывают на пол лица (это при существительных общего рода!)? Но ведь таких случаев совсем немного. Стоит ли ради них огромную армию окончаний прилагательных держать? Может быть, и не стоит. Тем более что пол лица и не только формой прилагательного может быть обозначен.

Иногда окончания прилагательных указывают на количество предметов при несклоняемых существительных. Однако и таких существительных довольно мало, да и способ этот для обозначения множественности предметов не единственный. Вот если, например, написано чист... вес, а окончание то ли затерто, то ли заляпано, неужели непонятно? Конечно, понятно,

Поэтому и живут в русском языке такие прилагательные, которые по значению — прилагательные, а по форме — совсем на прилагательные непохожи. И вы многие из них прекрасно знаете. Цвет, например, может быть *красным* или *желтым*, а может быть *бордо* или *хаки*. Вагоны бывают *общие*, *купейные*, *мягкие* и *СВ*. Языки — *русский*, *английский*, *немецкий*, а еще *хинди*, *бенгали*, *урду*, *суахили*. Вот все эти *хаки*, *СВ*, *хинди* и представляют собой те самые прилагательные, которые не склоняются. И это совершенно понятно.

Справедливости ради замечу, однако, что слова *хинди* и *суахили* можно понимать и как существительные. И в этом нет ничего

удивительного. Ведь и слово *русский* может быть и существительным, и прилагательным. Сравните, например, две пушкинские строки: *Швед, русский колет, рубит, режет* и *Здесь русский дух, здесь Русью пахнет*.

Запас прочности

Строго говоря, окончания прилагательных — формальное излишество. Ведь и без них можно точно выразить содержание, но сделать это кратко и экономно.

Только всегда ли краткость и экономность так важны? Наши старые, добрые, обычные, нормальные прилагательные, может быть, кому-то и лишними кажутся, а на самом деле очень надежную и полезную работу выполняют, четко показывая, какое слово к какому относится. А иногда и на пол лица или на число предметов укажут. Никакого резона от них отказываться нет. Дело в том, что всякая система, передающая информацию (а язык есть очень сложная и весьма универсальная система именно такого рода), должна обладать некоторым запасом прочности. В этом залог развития системы.

Там, где каждый элемент полностью нагружен, любой сбой может привести к непониманию, либо, что намного страшнее, к неправильному пониманию. А там, где есть такие элементы, которые на первый взгляд вроде бы лишние, опасность тяжелых последствий даже невинной оговорки или описки значительно меньше. Во-первых, потому, что эта ошибка может прийтись на, так сказать, незначимый элемент. А во-вторых, если ошибка придется на элемент значимый, незначимые, согласованные элементы, вроде окончаний прилагательных, сразу же подскажут: здесь что-то не так: ошибка произошла.

Начали мы с того, что вроде бы обнаружили в русском языке непорядок: одни имена склоняются, другие — нет. Две системы у русских имен. И вовсе ни к чему языку единообразию. Ведь там, где противоречий нет, там застой и рутинность. А русский язык — он

вечно живой, и противоречия в нем только источник его дальнейшего развития. И совершенствования.

Только ли окончания изменяются при спряжении глагола? Почему у глагола две основы?

Вы, наверное, помните, что причастия настоящего времени образуются от основы настоящего времени, а причастия прошедшего времени — от основы инфинитива. В самом деле, *зная* — *знавший* (-*ви* присоединяется к основе инфинитива *зна-*), *гоню* — *гонящий* (-*ящ* присоединяется к основе настоящего времени *гон-*).

Правда, не всегда как-то две эти основы проявляются. Например, одна и та же основа *нес-* представлена и в инфинитиве *нести* и в настоящем времени *несу*. Вроде бы одна и та же основа *чита-* и в словах *чита-ть* и *чита-ю*. Стоп! Вот это уже неверно. В *читать*, действительно, основа *чита-*, а в *читаю* на уровне звуков (не букв!) основа уже другая — *чита* [j]. И если бы не так, то должно было бы быть «читау» и «читающий».

Так что же это все-таки такое, основа глагола? И почему их в русском языке две? В качестве словарной представлена в русском языке для глагола форма инфинитива. И предполагается, что, отталкиваясь от нее, по некоторым стандартным правилам, данный глагол можно проспрягать, т. е. образовать от него формы соответствующих лиц и чисел настоящего и (или) будущего времени, формы соответствующих родов и чисел прошедшего времени и т. д.

Однако обратим прежде всего внимание на характер окончаний настоящего времени: *-у, -ю, -ешь, -ишь, -ет, -ит, -ем, -им, -ете, -ите, -ут, -ют, -ат, -ят*, — и повелительного наклонения *-и*, с одной стороны, и на характер окончаний, определяющих прошедшее время или инфинитив глагола, — с другой. Первые начинаются с гласной, вторые — с согласной. (Надеюсь, вы помните, почему можно рассматривать *-л, -ла, -ло, -ли* как окончания: они образуют форму прошедшего времени.)

Мне очень обидно, если читатель, не задумываясь, проглотил предшествующий абзац. Вернитесь, пожалуйста, к нему снова и подумайте, нет ли в нем неточности. Конечно же, есть, и заключена эта неточность в словах гласной и согласной. Гласной чего?

Если с гласной буквы, то это вообще-то в данном предложении понятно. Хотя, строго говоря, буквы, т. е. то, что написано, не могут быть «с голосом, но без шума» — гласные или «непрерывно с шумом» — согласные.

Речь, видимо, должна идти о звуках, которые обозначаются буквами. Вот звуки, разумеется, могут быть и гласными, и согласными.

Вообще русский язык редко допускает сочетания гласного с гласным. Такие сочетания встречаются на стыке приставки и корня: заарканить, приосаниться. Сочетания гласных не чужды и некоторым корням, особенно заимствованным: кооперация, боа, адажио и др. А наши сокращения! Русский язык легко справляется с сочетаниями гласных звуков и в иностранных географических названиях. Вспомните: *Токио, Аахен, Саарбрюккен, Манагуа* и т. п.

Однако стык основы и окончания совсем другое дело. Тут сочетания гласных звуков совершенно невозможны. Если основа глагола кончается на гласный (*чита-ть*), а окончание глагола начинается тоже с гласного [y], то между этими двумя гласными непременно вклинивается [j]: *чита[y]* (*читаю*). Однако в позиции перед [и] этот [j] может очень ослабевать в произношении, становясь практически неслышным: *чита[иш]* (*читаешь*).

У глагола основа словарной формы, т. е. инфинитива, может оканчиваться и на согласный (*нес-ти, лез-ть*), и на гласный (*чита-ть, коло-ть, жи-ть, ста-ть*).

Ко всем этим основам без всяких затруднений присоединяются окончания, начинающиеся с согласного, причем нулевое окончание приравнивается к согласному: *нес, коло-л, лез-ла, чита-ли*, а также *жи-вший, ста-в* и т. п.

И окончания, начинающиеся с гласного звука, к основам, оканчивающимся на согласный, тоже легко присоединяются: *нес-у,*

лез-ут. А вот когда и конец основы на гласный звук, и начало окончания тоже на гласный, то тут уже надо что-то делать. А что? Есть два пути.

Можно отбросить конечный гласный звук основы, получить таким образом основу, оканчивающуюся на согласный звук, и к этой основе прибавлять окончания, начинающиеся с гласного звука.

Именно по этому пути идет, например, глагол *колоть*: от основы инфинитива *коло-* отбрасывается конечное *-о*, и к полученному *кол-* прибавляются окончания настоящего времени: *ко[л'] + [у]* (*колю*), *ко[л'] + [иш]* (*колешь*) и т. д.

Но можно превратить основу, оканчивающуюся на гласный звук, в основу, оканчивающуюся на согласный звук, и другим путем. К конечному гласному звуку основы глагола надо прибавить согласный звук и теперь уже к новой основе присоединить окончания, начинающиеся с гласного звука.

По этому пути идут, например, глаголы *читать*, *жить*, *стать*. К основам *чита-*, *жи-*, *ста-* прибавляются согласные звуки [j], [в], [н]. И уже к новым основам присоединяются окончания, начинающиеся с гласного звука: *чита[j] + [у]* (*читаю*), *жи[в'] + [ош]* (*живешь*), *ста [н'] + [им]* (*станем*).

Вот мы и пришли к пониманию того, почему у русских глаголов две основы: одна основа у форм инфинитива и прошедшего времени, другая — у форм настоящего времени и повелительного наклонения. Будь у форм настоящего времени окончания, начинающиеся с согласного звука, или оканчивайся основа инфинитива у всех глаголов на согласный, никаких двух основ у глаголов не было бы.

Но если уж фантазировать над тем, как можно было бы устроить язык, чтобы он был попроще и логичнее, то давайте повернем нашу фантазию в другом направлении. Пусть все остается так, как есть: и основы, оканчивающиеся на гласный звук, и окончания, начинающиеся с гласного. Но основы, оканчивающиеся на гласный звук, должны одинаковым образом превращаться в основы, оканчивающиеся на согласный. Либо пусть все усекают ко-

нечный гласный, т. е. не только *коло-ть* — *кол-ю*, но и *чита-ть* — «читу» и т. п. Либо пусть все присоединяют согласный, причем всегда один и тот же, хотя бы [j], т. е. не только *читать* — *чита*[jy], но и *бросить* — «бросию» и т. п.

Понятно, что это чистейшая фантазия. Однако ценность этих фантазий состоит в том, что они помогают понять ту общую идею, которая приводит к существованию двух основ у многих русских глаголов. Равно как и в том, что эти фантазии помогают уяснить отсутствие правил, применимых к каждому конкретному глаголу.

Совершенно очевидно, что все описанные различия между двумя глагольными основами обусловлены законами самого языка и никак не связаны с отражением в языке объективной действительности. Хотя в единичных случаях таким образом различаются значения многочисленных глаголов: *двига-ть* с прибавлением [j] дает *двига*[jit] (*Он двигает мебель.*), а с усечением *-а-* дает *движ*[ит] (*Им движет тщеславие.*) Очевидно, что предложения *Он «движет» мебель* и *Им «двигает» тщеславие* звучат не по-русски.

Что надо знать, чтобы уметь правильно проспрягать глагол?

Таким образом, для того чтобы правильно проспрягать русский глагол, надо знать, как выглядит у этого глагола и основа инфинитива (ее можно получить, отбросив окончание инфинитива *-ть* или *-ти*), и основа настоящего времени.

Однако для некоторых глаголов и сведений об этих двух основах недостаточно. Так, например, глагол *тереть* имеет в качестве основы инфинитива *тере-*, но прошедшее время от этого глагола *тер*, *терла*, а вовсе не «терел», «терела», как можно было бы предполагать по общему правилу. Сравните, например, *велеть* — *велел*, *велела*.

Основа инфинитива у глагола *сохнуть* будет *сохну-*, а его прошедшее время не только *сохнул*, но и (предпочтительнее!) *сох*. А вот глагол *толкнуть* вроде бы устроен точно таким же образом,

однако его прошедшее время только *толкнул* (как *сохнул*) и никак не «толк» (как *сох*).

Определенные трудности возникают в тех случаях, когда нужно проспрягать глагол, инфинитив которого оканчивается на *-чь*. Давайте подумаем, какой частью слова является это *-чь*.

Допустим, что это окончание. Ведь *-ть* и *-ти* в инфинитиве, как в глаголах *читать* или *пасти*, конечно же, окончание. Если *-чь* — окончание, то, отбрасывая его, получаем основу, оканчивающуюся на гласный звук. Например, *беречь*, *волочь* дают в этом случае основы *бере-* и *воло-*. Для того чтобы привести такую основу к виду, подходящему для присоединения окончаний настоящего времени, прибавляем согласные звуки [к] или [г]. Получаем основы настоящего времени *берег-* и *волок-*.

Дело, однако, в том, что, во-первых, [г] и [к] обычно не присоединяются к основе инфинитива, превращаемой в основу настоящего времени. А во-вторых, формы прошедшего времени от соответствующих глаголов вовсе не «берел» или «волол», но, как известно, *берег* и *волок*. В-третьих, *ч* нередко чередуется с *к*, реже — с *г*.

Поэтому в инфинитивах на *-чь* разумнее видеть нулевое окончание и основу инфинитива, равную основе настоящего времени. Правда, в основе инфинитива (например, *беречь*, *волочь*) выступит согласный [ч'], находящийся в отношениях чередования с тем согласным [г] или [к], который имеется в прошедшем времени (*берег*, *волок*). Поэтому каждый инфинитив на *-чь* должен сопровождаться пометой, указывающей, на *г* или на *к* будет оканчиваться его единственная (ведь она оканчивается на согласный звук!) основа.

Вообще же несоответствие между основой инфинитива и основой, выступающей в прошедшем времени (именно в прошедшем, потому что несоответствие основы инфинитива и основы настоящего времени — это норма!), — дело не такое уж редкое. Сравните, например: *нести* — *нес* — *несла*, но *мести* — *мел* — *мела*, *пасти* — *пас* — *паса*, *упасть* — *упал* — *упала*. В этих и подобных случаях и основа настоящего времени получается из основы инфинитива не

только благодаря сложению или вычитанию конечных звуков, но за счет замены звуков...

Видите, как все непросто, И не думайте, пожалуйста, что главная проблема спряжения глаголов — это запомнить семь глаголов на *-еть* и четыре глагола на *-ать*, которые вопреки общему правилу относятся не к первому, а ко второму спряжению.

А бывают еще и чередования

Знаки дорожные и языковые.

Вообще наиболее простым и надежным способом передает информацию такой код, в котором одному знаку соответствует одно значение. Именно по такому принципу построена, например, система дорожных знаков. Красный свет — остановись! Желтый свет — жди! Зеленый свет — двигайся! Одна прямая стрела на синем фоне — двигайся только прямо! Белый прямоугольник на красном фоне (кирпич) — въезд запрещен и т. д. На принципе «один знак — одно значение» построены и разнообразные системы условных сигналов, звуковых и зрительных, оповещающих о разных событиях: о штормовой или благоприятной погоде на море (черный шар или белый флаг), о пожаре в деревне (удары по металлу) и т. д.

Однако в языке этот принцип часто отсутствует. Единиц, имеющих только одно-единственное значение, среди слов в языке очень мало. В этом каждый может убедиться самостоятельно, обратившись, например, к любому достаточно полному толковому словарю русского языка. Там очень мало слов, имеющих единственное значение, и, наоборот, очень много слов, имеющих два, три, четыре и более значений. Да и одно и то же значение в языке обычно можно обозначить разными способами, что очень помогает говорящему наилучшим — в данной ситуации и по данному поводу — образом оформить свою мысль.

Однако нередко, особенно в грамматике, различия в оформлении одного и того же содержания никакого отношения к какому

бы то ни было содержанию вообще не имеют. Один и тот же падеж у разных существительных может быть оформлен по-разному (*стол — столов, кони — коней* и т. д.), и это никак на значение падежной формы не влияет. Основа одного и того же существительного также может иметь разного рода наращения (*мать — матери*) или усечения (*гражданин — граждане*), выступая в разных числах и падежах. И это тоже никакого отношения к содержанию, передаваемому данной основой, не имеет. Наконец, глагольная основа может становиться по форме короче (*коло-ть — кол-ю*) и длиннее (*ста-ть — стан-у*), что тоже ни в какой степени не изменяет значение, которое выражает данная глагольная основа. Все эти капризы формы — итог непростой многовековой истории языка.

Почему *клок*, но *клочья*?

Однако мы назвали еще не все такие формальные различия, за которыми не стоит никакого содержания. Допустим, надо построить форму 1-го лица единственного числа настоящего времени от глагола *писать*. Как было бы хорошо, если бы дело сводилось к простой команде: замени окончание инфинитива *-ть* на окончание 1-го лица единственного числа настоящего времени *-у*. В принципе-то оно, конечно, так и есть, но если это сделать, получится какая-то совершенно дикая и непонятная форма «писау».

Дело тут сложнее. Во-первых, надо сделать так, чтобы основа оканчивалась на согласный (помните, что нельзя ставить гласный звук [у] сразу за гласным, в нашем случае за [а]. Причем сделать это в данном случае надо путем усечения [а] (а не путем, например, прибавления [j], как в *читать — читаю*). А во-вторых, надо заменить еще [с] на [ш]. Вот только тогда и получится правильная форма *пишу*.

Вот мы и столкнулись с еще одной особенностью русского языка — с чередованиями.

В самом деле. Корень в формах глагола *пис-а-ть* и *пиш-е-т* — это корень с одним и тем же значением, а выглядит он по-разному.

Причем вообще-то противопоставление *с/ш* нередко позволяет различать совершенно разные слова: *шок* и *сок*, *шумы* и *Сумы*..

Наверное, каждый из школьного учебника знает, какие звуки с какими могут чередоваться. Только сначала давайте договоримся о трех принципиальных вещах. Во-первых, бывают чередования чисто фонетические. Они практически не знают исключений. Это, например, оглушение звонких согласных в конце слов и перед глухими согласными внутри слова или замена ударного [о] на [а], а [э] на [и]. В самом деле, говорим *хле[б]а*, но *хле[п]*; *ры[б]а*, но *ры[п]ка*; *д[о]м*, но *д[а]ма́*, [л'э́с], но *л[и]са*. Обычно все эти чередования никак не отражаются на письме.

Во-вторых, бывают чередования графические. Ими особенно много приходилось заниматься в школе. Пиши *полагать*, но *положение*, *умирать*, но *умереть*, *коснуться*, но *касаться*, *загар*, но *загореть* и т. п. Это, действительно, очень трудные случаи, поскольку гласные звуки в корнях всех приведенных пар слов произносятся одни и те же, а буквы, их обозначающие, — разные.

И, в-третьих, бывают чередования, которые отражаются и в произношении, и на письме. Ясно, что именно таким является чередование *с/ш* в *писать* — *пишу*. А также такие, например, чередования, как в случаях: *любить* — *влюбленный*, *ловить* — *ловлю*, *кормить* — *кормление*, *нога* — *ножной*, *сук* — *сучья*, *муха* — *мушка*, *казак* — *казацкий*, *бродить* — *брожу*, *осветить* — *освещать*, *родитель* — *рождение*, *мороз* — *мороженое*, *ездить* — *поезжай*, *пустить* — *пущу* и т. п.

Особенно часто чередования сопровождают спряжения глагола. Обратите, пожалуйста, внимание на слово сопровождают. Оно очень точно отражает суть чередования. Например, при появлении окончаний 1-го лица единственного числа настоящего времени возникает изменение конечного согласного основы глагола. Так, например, форма от глаголов с инфинитивами на *-бить*, *-вить*, *-пить* будет оканчиваться на *-блю*, *-влю*, *-плю*, *-млю*: *любить* — *люблю*, *ловить* — *ловлю*, *купить* — *куплю*, *кормить* — *кормлю*.

О чередованиях следует непременно помнить и образуя одни слова от других. Например, уменьшительные образования с помощью суффикса *-к-* от основ существительных, оканчивающихся на *г, к, х*, непременно вызывают замену соответственно на *ж, ч, ш*: *дорога — дорожка, река — речка, соха — сошка*. Такое же изменение происходит и при образовании от существительных прилагательных с суффиксом *-н*: *снег — снежный, срок — срочный, воздух — воздушный*.

Наличие чередований отнюдь не помогает и тогда, когда следует перейти от формы к содержанию, которое стоит за этой формой. В самом деле, когда перед нами, например, слова *гамбургский* или *ладивостокский*, легко понять, что это прилагательные (*-ский!*) от существительных *Гамбург* и *Владивосток*. А если перед нами слова *москворецкий* или *казацкий*, то надо еще подумать, что скрывается за этим *-рец-* и *казац-*. Будь они в своем, так сказать, нормальном виде — *рек-а* или *казак*, наша задача была бы полегче.

В праславянском языке было проще

Праславянский язык, из которого впоследствии развился русский, не обладал таким множеством чередований согласных, какое имеется в русском языке. Дело в том, что в определенный период развития праславянского языка в нем произошли существенные фонетические изменения. И хотя от этого периода у ученых не осталось никаких памятников письменности, ни тем более записей звучащей речи древнего славянина, мы точно знаем, какие это были фонетические изменения. Согласные *к, г, х*, оказываясь перед *и, е* и некоторыми другими гласными, изменялись соответственно в *ч, ж, ш*, откуда и остались многие чередования в современном русском языке. Например: *снег — снежинка, пух — пушинка*.

А чередования букв *б/бл, п/пл, в/вл* возникли благодаря тому, что так изменялись сочетания согласных *б, п, в* с хорошо известным нам [j], т.е. было *lubju, kurju, lovju*, а стало *люблю, куплю, лов-*

лю. (На самом деле это не совсем так, в праславянском в этих формах был не [j], а другой звук, да и не все корни выглядели таким образом, но для истории наших чередований это неважно.) Из праславянских сочетаний: dj, tj, sj, zj, zdj, stj возникли существующие в современном русском языке чередования; д/ж/жд, т/ч/щ, с/ш, з/ж, зд/зж (долгое [ж] в произношении), ст/щ.

Не заметили ли вы, что чередования согласных представлены в русском языке почти исключительно в конце корней и основ? В начале корней известно лишь чередование *слать* — *иллю*. Причина этого в том, что слова, в которых чередовались начальные корневые согласные, не сохраняли между собою содержательного единства. В результате этого один из чередующихся корней мог вообще бесследно утратиться. А могло получиться и так, что с течением веков корни, некогда представлявшие собой просто разные виды чередования начального согласного, совершенно расходились в своем значении.

Так, например, к одному и тому же корню, но с разными чередующимися начальными согласными восходят такие русские слова, как *часть* и *кусок*, *конец* и *начало*. *скудный* и *щедрый*...

Но без конкретных знаний о тех чередованиях, каким подвергается каждое русское слово в процессе его склонения или спряжения, в процессе образования от него нового слова, — без всего этого обойтись совершенно невозможно. Хотя, повторяю, никакого отношения к выражаемому языком содержанию все эти чередования не имеют. Но без них ни говорить, так, чтобы это было по-русски, ни понимать то, что по-русски сказано или написано, практически невозможно.

0 правилах и исключениях

Говоря о трудностях, возникающих перед компьютером, «работающим» с текстом на русском языке, мы не раз отмечали наличие разнообразных формальных преобразований, вовсе не связанных с отражением каких-либо реальных событий или свойств дейст-

вительности. Однако не менее серьезная трудность состоит в том, что многие особенности языка проявляются не всегда, а лишь в некоторых случаях. Причем не очень ясно, каким образом, кроме простого списка, можно определить эти некоторые случаи.

Такая последовательность абсолютно чужда законам, известным из естественных наук. $1+1=2$ всегда. На полюсах и на экваторе, по отношению к яблокам и к домам, в средневековье и в космический век. А вот судьбы людей все-таки разные. Тут уж никак не годятся формулировки типа *все, всегда, везде*. Поведение языковых единиц в каком-то смысле напоминает поведение людей, а не законы математики.

В самом деле, практически всегда можно найти исключения из правил поведения языковых единиц. (Попробуйте-ка найти исключение из правила о том, что $1+1=2!$ Разве что в двоичной системе счисления, где $1+1=10$.)

В системе русского языка есть правило, согласно которому гласный звук [о] в безударной позиции невозможен: мы говорим [агарот] (*огород*), [а]гурец (*огурец*), [пашол] (*пошел*), [варат]ник (*воротник*). Однако вспомните страдающего Онегина, жаждущего встречи с Татьяной, который счастлив, если ей накинёт боа пушистый на плечо. Произнесите, пожалуйста, еще раз пушкинскую строку. Не правда ли, что вы произнесли [боá], т. е. звук [о] в положении без ударения. Вот вам и правило...

А в конце слова в русском языке не могут произноситься звонкие согласные. Мы говорим [горат] (*город*), [марос] (*мороз*), [сат] (*сад*) и т. п. Всегда? А как быть с теми случаями, когда после слова выступает частица, начинающаяся со звонкого согласного, *же, бы*, например. Тогда ведь конечный согласный в слове будет звонким. Произнесите сами *город же, мороз бы*, не делая паузы между существительным и частицей, и вы услышите звонкие согласные звуки [д] и [ж].

Но все это, конечно же, довольно ясные поправки к общему правилу. Исключения и количественно ничтожны, и качественно очень легко определимы. Другое дело — количественные изменения и качественные чередования в основах существительных при

склонении и в основах глаголов при спряжении. Прежде всего непонятно, что же является правилом, а что — исключением. Ну а если этот вопрос решить, то в каких именно условиях и каким именно образом проявляет себя то или иное исключение?

Не знаю, удалось ли мне сделать вас своими единомышленниками. Но мне очень хотелось объяснить, что в языке не все только на содержание работает и что механизм его (в отличие, например, от часов) выглядит не всегда экономным и последовательным, но бывает и капризным, и расточительным. Много вроде бы лишнего, ненужного, нелогичного.

А присмотримся повнимательнее, поглядим на дело пошире, с исторической перспективой, и окажется, что не так уж много излишеств и логика есть, только не строгая, формальная, а более жизненная, терпимая, диалектическая. Только смотреть нужно разумно и непредвзято, думая не только о том, как сию минуту было бы проще. Надо понимать, что с нашим родным языком было, подумать, что с ним в будущем может произойти. Помогать тому, что его совершенствует, бороться с тем, что засоряет. То, что на поверхностный взгляд нелогично, при внимательном рассмотрении серьезные вопросы из прошлого в будущее за собой тянет.

Компьютер как бы моментальный снимок делает, пусть и прекрасный, но сиюминутный. И машине, наконец, все равно, что хранить в своей памяти. А нам-то не все равно: у нас предки были, и потомки будут, а русский язык был, есть и будет родным и для нас, и для тех, кого уже нет, и для тех, кто еще не родился. Неужели мы можем только о том думать, что сейчас имеем? Нельзя так подходить ни к родному языку, ни к родной земле. Родной язык, родная земля нам, современникам, от предков только на время нашей жизни даны. И низкий им поклон — огромное богатство они нам вручили. А что мы следующим поколениям русских людей оставим — поисточим богатство или приумножим — это уже от нас зависит. Только как именно приумножить и за чем — это уже наша забота, труд нашей души, напряжения нашего разума.

ГЛАВА 3. ЗАЧЕМ МНЕ ВСЕ ЭТО, ЕСЛИ Я БУДУ РАБОЧИМ, ИНЖЕНЕРОМ, МЕДИКОМ?

Всегда ли существует единственный лучший способ выразить свою мысль?

Ошибки бывают разные.

Каждый из нас прекрасно знает о том, что одно и то же содержание можно передать разными способами. Среди них встретятся и такие, которые содержат ошибки.

Это могут быть, прежде всего, ошибки, искажающие или не отражающие существенные моменты описываемой ситуации, т.е. ошибки в смысле. Например: 1) «Газы при нагревании не расширяются»; 2) «Газы при нагревании могут расширяться». Надеюсь, вы понимаете, почему приведенные способы выражения «законов природы» очень плохи. На самом деле, газы при нагревании расширяются (сравните с первым предложением), причем это происходит всегда (сравните с глаголом *могут* во втором предложении, показывающим, что расширение газов при нагревании только возможно, но, значит, не обязательно).

Однако могут быть ошибки, связанные с невыполнением требований, предъявляемых говорящему (пишущему) законами языка. Не буду специально останавливаться на орфографических и

пунктуационных ошибках, полагая, что вам не раз приходилось наблюдать, когда написанные тексты, предложения, слова объявляются плохими именно по этой причине.

Когда герой пьесы Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69» говорит: «Моя Китай порядок надо», то это тоже по-русски плохо, неправильно, хотя смысл предложения в целом вполне понятен.

Конечно, плохими являются такие способы выражения мысли, при которых говорящий употребляет слова, отсутствующие в русском литературном языке, утверждая, например, что «Собакевич был скряга и тупяк». Нетрудно догадаться, что автор считает Собакевича тупым человеком (и это вообще-то совершенно верно), но слова «тупяк» (в отличие от *толстяк*, *здоровяк*, например) в русском языке нет.

А могут быть такие ошибки в передаче содержания, которые являются отклонением и от объективного положения дел, и от законов русского языка. Речь идет об употреблении слов, значение которых в языке существенно отличается от того, какое предполагает у них говорящий или пишущий. И когда в школьном сочинении я читаю, что «Грибоедов калорийно изобразил жизнь московского барства», я, по правде говоря, догадываюсь, что автор думает, будто *калорийно* — это «ярко, выразительно, многоцветно», хотя на самом деле слово *калорийно* имеет совсем другое значение. И здесь ошибка в русском языке. Надо *колоритно*.

Но с другой стороны, где уверенность в том, что моя догадка правильна. Может быть, здесь налицо изъян в передаче того, что мы называем положением дел.

Если мне встретилось предложение «Маяковский и сегодня является фарватером нашей жизни», то это тоже двойная ошибка. Словарное значение слова фарватер никак не позволяет понять смысл предложения. Так что автор не знает значения слова *фарватер* (языковая ошибка!), а читатель лишен возможности понять, кем (или чем) является Маяковский в нашей жизни и сего-

дня (фактическое отсутствие сведений о положении дел), хотя и догадывается, что, наверное, чем-то хорошим.

Погрешностями и по отношению к языку, и по отношению к описываемому положению дел являются всякие предложения, которые могут быть поняты неоднозначно, за исключением, разумеется, таких случаев, когда неоднозначность входит именно в замысел говорящего (или пишущего), — в разного рода каламбурах, анекдотах и т. п.

Итак, мы перечислили несколько типов ошибок, которые может сделать человек, пытающийся выразить свои мысли на русском языке. Однако это вовсе не значит, что остаток, получающийся за вычетом всякого рода неправильностей, состоит в каждом конкретном случае из единственного способа выражения мысли.

Конечно, лишь гениальный знаток русского языка А. С. Пушкин смог сказать: *Еще прозрачные леса как будто пухом зеленеют*, сумев семью словами рассказать, что лес еще голый, он насквозь просвечивает, но пушистые почки уже лопнули, и маленькие зеленые листочки (это неправильно сказано, еще не листочки, а какие-то пупырышки, мягкие и нежные) уже появились на ветках. Но ведь можно об этой же ситуации сказать по-русски пусть не так выразительно и кратко, как Пушкин, но достаточно четко и ясно.

Помните ревнивые восторги Треплева в чеховской «Чайке»: *У него только блестит горлышко разбитой бутылки и лежит тень от мельничного колеса* — и лунная ночь готова. Ну а разве нельзя описать лунную ночь по-другому? Конечно же, можно. И описания лунной ночи у А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя, например, ничуть не хуже.

Здравствуйте, привет или добрый день?

Не следует думать, что всегда есть только единственный лучший способ выражения, или предполагать, что разное оформление од-

ной и той же мысли всегда непременно содержит и какое-то содержательное различие.

Конечно, *здравствуйте* и *привет* — вещи разные. Второе приветствие слишком фамильярно и поэтому, употребляемое младшим по отношению к старшему, звучит дерзко, а в обращении между равными подчеркивает неформальность их отношений. А вот между *здравствуйте* и *добрый день*, право же, никакой разницы нет. Как и между *простите* и *извините*; *скажите, пожалуйста* и *не скажете ли Вы*; *поезд прибывает* и *поезд приезжает*.

Как видим, в одних случаях даже небольшое различие в форме серьезно меняет содержание (или создает языковую ошибку). В других даже и, казалось бы, значительное различие в форме не связано с каким бы то ни было различием в содержании. И оба решения совершенно равноправны. Ни одно не лучше и не хуже. И содержание, стоящее за разными формами, абсолютно, совершенно одно и то же.

Рассмотрим некоторые из этих случаев. Те самые, о которых пословица говорит: «Все равно что в лоб, что по лбу». (*Хотя б гору и по горе*, конечно же, вещи разные, а предложения *Мы репетируем в два часа* и *Мы репетируем по два часа* тоже обозначают совсем не одно и то же.)

Стакан чая или стакан чаю?

Как надо сказать: *Несколько человек пришло* или *Несколько человек пришли*? А можно и так, и так. В самом деле. Вопрос о количестве «действующих лиц» в обоих случаях совершенно ясен, их несколько. Глагол в прошедшем времени может согласовываться либо по форме со словом *несколько* и тогда иметь форму *пришло*, либо по содержанию со словосочетанием *несколько человек* и тогда иметь форму уже множественного числа, *пришли*. Никакого содержательного различия между формами *пришло* и *пришли* в данном случае нет, а языковая норма допускает обе формы, не отда-

вая ни одной из них предпочтения, хотя говорящие обычно используют форму единственного числа.

Как правильно: *стакан чая* или *стакан чаю*? И так, и так правильно. Как и *килограмм сахара* и *сахару*, *машина песка* и *песку*. Потому что во всех случаях, и это совершенно ясно, речь идет об одном и том же, о веществе, взятом в определенном количестве. В этих случаях норма для многих вещественных существительных мужского рода допускает форму родительного падежа с окончанием *-а* (*-я*) и с окончанием *-у* (*-ю*). Хотя, быть может, форма на *-у* (*-ю*) представляется более «домашней», менее официальной. Наверное, поэтому невозможны формы на *-у* (*-ю*) у таких малоупотребительных в повседневном быту веществ, как, например, *ванадий* или *молибден*.

Как нужно сказать: *Жду трамвай* или *Жду трамвая*? Ясно, что при любом оформлении существительное *трамвай* является объектом, на который направлено действие. Однако какой же здесь нужен падеж — винительный (т. е. *трамвай*) или родительный (т. е. *трамвая*)? Попробуем проверить на существительных женского рода: *жду жену*, *сестру*, *весну*, *дочь*, но и *жду весны*, хотя вряд ли «жду жены, сестры, дочери». Но у А. С. Пушкина (*Мы ждем с томленьем упованья минуты вольности святой, как ждет любовник молодой минуты верного свиданья*) находим родительный. А можно ли поручиться за то, что у Пушкина не винительный множественного? Думаю, что абсолютно поручиться нельзя.

А как дело обстоит со словами среднего рода? *Жду известия*, *письма*, *решения*, *удовлетворения*, хотя, быть может, и *жду письмо*, но едва ли «жду известие, решение, удовлетворение». Вспомните слова популярного романса *Я приговор свой жду, я жду решенья*, где выступают сразу и винительный падеж (*приговор*), и родительный (*решенья*). Вот и выходит, что для многих существительных и так, и так можно, т. е. и *жду трамвай*, и *жду трамвая*.

Вообще язык не любит таких ситуаций, стремится либо содержательно нагрузить формальное противопоставление, либо, приняв

одно, отбросить, запретить другое. А еще больше не любят таких ситуаций ученые-лингвисты. Они непременно хотят за различием в форме увидеть различие в содержании. Может быть, *жду трамвай* — это когда об определенном трамвае, а если трамвая, то о любом? Но ведь можно: *жду какой-нибудь трамвай* и *жду тридцать девятого трамвая*.

А еще больше предположений высказано о том, какое содержательное различие между *принеси чай* и *принеси чаю*. Может быть, *чай* — это когда весь, а *чаю* — это когда часть? Однако здесь не очень понятно ни то, что такое «весь чай», ни то, почему исполняющий этот приказ может принести и целый самовар, и только одну чашку. А может быть, *чай* — это «тот самый, определенный, вполне известный», а *чаю* — это «любого, какого-нибудь»? Только опять непонятно, что же это такое «определенный чай». Если говорящий хочет чаю (или чая?) какого-то вполне определенного сорта, зеленого, желтого, краснодарского или, например, цейлонского, то пусть так и говорит, а форма *чай* в этом случае не поможет. Так что и здесь форма допускает не одно-единственное, а несколько решений.

Как сказать: позвонить *по телефону-автомату* или *по телефон-автомату*? Наверное, наиболее остроумные читатели ответили бы, что надо сказать: *позвонить по телефону*, и были бы в большинстве случаев совершенно правы. Ну а если очень важно сообщить о том, что звонить было очень трудно: в доме телефона нет, монета только одна и т. п., как тогда: *без телефона-автомата* (или *телефон-автомата*)?

И здесь тоже допускаются обе возможности: ведь сущность называемого объекта, независимо от того, склоняем ли мы первую часть его наименования или нет, считается неизменной. А то, что первая часть оканчивается на согласный, позволяет понимать ее как сокращенное прилагательное *телефонный*, и тогда, естественно, не склонять. Но первая часть может рассматриваться и как самостоятельное существительное, т. е., так сказать, *телефон*, который *автомат*, и тогда уже первая часть склоняется...

Я уже не раз говорил, что русский язык — это живой, развивающийся организм, и поэтому в нем, как во всякой живой системе, возможна простая вариантность, никак не связанная с различиями в содержании. Эта вариантность служит одним из источников развития языка. В искусственных языках такой вариантности нет. Поэтому, в частности, они не могут саморазвиваться и саморегулироваться.

А для пользующихся русским языком сведения о вариантности, областях и границах ее существования совершенно необходимы, чтобы не посчитать за вариантность то, что содержательно нагружено или запрещено законами языка. И чтобы не мучиться, как можно и как нельзя, как лучше или как хуже, когда можно и так, и так, и один вариант не лучше и не хуже другого. Это как с медициной. На одни боли и внимания обращать не стоит — все пройдет, а с другими — немедленно к врачу. И если при сильных болях следует вызывать скорую помощь, то при языковых затруднениях, к счастью, редко представляющих угрозу для человеческой жизни, следует непременно обращаться к различным справочникам и словарям.

Умение понять другого.

Что за человек — говорящий?

Мы не без оснований привыкли считать, что слово противостоит делу, что человек проявляет себя не словами, а только делами и поступками. И это совершенно верно. Однако, начиная говорить или писать, человек уже совершает тем самым определенный поступок, сделав выбор между молчанием и активной речевой деятельностью, и дает информацию о себе. Какой он, молчаливый, и из него слова не вытянешь, или, наоборот, наговорит семь бочек арестантов.

Касаясь в своей речи того или иного вопроса, выбирая определенные слова и грамматические формы в тех случаях, когда можно было бы употребить и другие слова и формы, человек, желает

он того или нет, сообщает нечто и о самом себе, о своем отношении к описываемой ситуации и к собеседнику.

До сих пор, дорогой читатель, мы по преимуществу обсуждали такую ситуацию, когда инициатива в ваших руках, вы — говорящий или пишущий. Но в жизни человек часто бывает и получателем сообщения. В таком положении ему нужно как можно лучше понимать не только то, что ему сообщают о положении дел, но и все то, что характеризует говорящего. Не менее интересно уметь извлечь из письменного или устного текста сведения о том, как автор относится к адресату сообщения, т. е. лично к вам, если вы его собеседник.

Как только человек начинает говорить, сразу можно определить, является русский язык для него родным или нет. Это прежде всего обнаруживают фонетические особенности речи: произношение шипящих согласных, безударных гласных, а также особенности интонирования. Специалисты могут почти точно по особенностям произношения определить, носитель какого именно языка говорит по-русски. Правда, в наше время, когда и среди граждан нашей страны, и среди иностранцев встречается все больше людей, которые владеют русским языком почти так же хорошо, как и своим родным, «рассекречивание» говорящего по-русски дело совсем не простое. Отклонения от принятых в русском языке норм у таких людей редки и незначительны. И это, конечно, очень хорошо.

Если же ясно, что для говорящего русский язык — родной, то его речь нередко может сказать нам, откуда он родом. Если, например, произносит в безударном положении [о], то, наверное, из северных областей или с Волги. Если вместо обычного литературного звука [г] произносит такой, какой звучит лишь, например, в выражении *ради бога* (вы, наверное, замечали, что здесь звучит как бы звонкий [х], говорит [в'иун'и] вместо [вы'ун'и] (*в июне*), то и вовсе сомневаться не приходится — южанин. Если о месячном проездном билете на городской транспорт говорит *карточка*, вероятнее всего, ленинградец. И т. д.

Надо, правда, сказать, что в последнее время благодаря всеобщему среднему образованию, а также благодаря радио и телевидению местные различия в пределах русского языка все больше и больше стираются. Сохраняют их лишь люди старшего поколения, а остальные в массе своей говорят в соответствии с нормами русского литературного языка.

Однако все люди говорят по-разному в смысле умения ярко и точно выражать свои мысли. Да, наверное, и не все одинаково хорошо умеют слушать, извлекая из того, что сказано, максимум информации.

В первую очередь надо понять, что за человек — говорящий. Если вы его часто слышите, вспомните, о чем он обычно говорит. При изучении русской литературы у вас в этом отношении накопился определенный опыт. Так, в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» описаны деревенские помещики. Через темы их разговоров «о сенокосе, о вине, о псарне, о своей родне» дается характеристика этих героев. А тематика разговоров в «самом интеллигентном доме города», куда ходил чеховский Ионыч! О чем могут поговорить ваши друзья? О школьных отметках, футболе, модной одежде... А еще?

Но по речи можно узнать не только о том, каков круг интересов той или другой личности. Можно кое-что понять о ее, так сказать, интеллектуальном уровне. Первый показатель здесь — умение четко и связно излагать свои мысли. Вспомните тетку Анфису Тихоновну из пьесы А. Н. Островского «Волки и овцы», которая только восклицает: «Да уж... Где уж... куда уж». Или героиню И. Ильфа и Е. Петрова людоедку Эллочку, обходившуюся почти во всех исключительно случаях словами: «Хамишь, парниша».

Уверен, что среди ваших знакомых нет в точности таких, как Анфиса Тихоновна или Эллочка, но, боюсь, найдутся такие, которые ушли от них не слишком далеко. Что им посоветовать? Прежде всего, побольше читать со словарем. Я не оговорился: не

иностранный текст со словарем, а русский, желательно художественный, с толковым словарем русского языка. Выписывать и заучивать прежде неизвестные русские слова и вводить их в собственную речь. Чем больше новых слов такой человек узнает и научится правильно употреблять, тем дальше уйдет от названных героинь. Право же, они едва ли у кого вызывают желание с ними подружиться.

«Обычай — деспот меж людей»

Но по речи можно узнать не только об интеллекте личности, но и об уровне полученного ею воспитания. Здесь первый показатель — четкое соблюдение норм литературного языка. Человек, произнесший «алфáвит» или «автоэстрада», «хочете» или «съездию», конечно, в большинстве случаев будет понят правильно в том смысле, что его рассказ о положении дел дойдет до слушателя. Но речь говорящего свидетельствует о его низкой культуре.

Дело в том, что русская литературная норма во многих случаях чрезвычайно прихотливая и капризная вещь. В самом деле, почему *хочу* — *хотите*, когда есть, например, *молчу* — *молчите*. Или: *ездить* — *езжу*, хотя *гнить* — *гнию*. Норма! «Обычай — деспот меж людей», — говорил А. С. Пушкин. И если человек незнаком с обычаями, не воспроизводит их в своем поведении, так сказать, автоматически, он не освоил внешние формы культуры.

Однако мне очень хотелось бы, чтобы, встречая такие ошибки, вы следовали совету А. Т. Твардовского: «Сурово спрашивать с себя, с других — не так сурово». Ведь у вас и книги, и радио, и телевизор, и словари, и учителя! А «другие», особенно люди старшего поколения, часто не имели возможности в силу условий жизни постичь все эти «прихоти» русской литературной нормы.

Не надо, однако, думать, что человек, который не делает подобных ошибок и, по словам Грибоедовского героя, «говорит, как пи-

шет», демонстрирует высокий культурный уровень. Это совсем не обязательно! Если кто-то в непринужденной беседе без тени юмора сообщает: «Не имею ни малейшего представления» — вместо простого: «Не знаю», — такая книжная вычурность вовсе не позволяет ему «свою образованность показать». Наоборот, ясно, что такой человек лишен свободы и непринужденности в обращении со всеми языковыми средствами, что он сродни тем гоголевским дамам, которые «обходились посредством платка» или были недовольны тем, что «стакан дурно себя ведет». Думаю, что каждый обиделся бы, если бы в нем нашли сходство с дамой «просто приятной» либо с дамой «приятной во всех отношениях».

Проверка искренности

Разумеется, обычно самое главное в принятом вами речевом сообщении — это информация о положении дел. Мы уже не раз отмечаем, что объективное положение дел и субъективное представление его говорящим не всегда полностью совпадают. Поэтому по отношению ко всякому сообщению полезно проводить нечто вроде маленького судебного разбирательства, точно выясняя всех абсолютно участников события, конкретные, детализированные сообщения о действиях каждого, точные временные, пространственные обстоятельства и т. п.

Если говорящий чего-то явно недоговаривает, то это уже очень существенно. Во всяком случае его объективность — под вопросом. (О том, как, в частности, русский язык позволяет, сохраняя общую правильность речи, производить разного рода умолчания в конкретных случаях, мы уже не раз говорили.)

Бывает, что говорящий стремится завуалировать существо дела. И это не может нестораживать внимательного, заинтересованного в правде, и только в правде, слушателя. Вспомните сцену из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», когда следователь, допрашивающий Митю Карамазова в Мокром, задает во-

прос о деньгах: «Но у кого же вы их... присвоили?» И Митя, неистово добивающийся правды в своих запутанных обстоятельствах, взрывается: «Вы хотите сказать: «украли?»»

Отношение к собеседнику

Основной прием, выражающий желание говорящего внедрить в сознание слушающего именно свою оценку ситуации, — это выбор слов, содержащих оценочный элемент.

Вспомните, как, посетив впервые семейство Лариных, Онегин говорит Ленскому о его невесте:

В чертах у Ольги жизни нет,
Точь-в-точь в Вандиковой Мадонне.
*Кругла, красна лицом она,
Как эта глупая луна
На этом глупом небосклоне.*

А слова Татьяны, обращенные к Онегину при их последнем свидании:

А нынче! — что к моим ногам
Вас привело? Какая малость!
Как с вашим сердцем и умом
Быть *чувства мелкого рабом?*

Резкая оценка Ольги при всей своей безжалостности, по сути, справедлива. Онегин не случайно обращает эти слова к восторженному поэту. Но назвать «мелким чувством» любовь Онегина? Онегина, который предстал перед Татьяной «на мертвеца похожий». А. С. Пушкин пишет:

Его больной угасший взор,
Молящий вид, немой укор,
Ей внятно все...

«Внятно все», но слова *мелкое чувство* сказаны. Справедлива или нет оценка героини, чем вызваны ее обидные слова в адрес страдающего от любви Онегина, судить читателю.

Выбирая языковые средства, говорящий высказывается не только о самом себе, о ситуации, в которой происходят события, но и о своем отношении к собеседнику. Даже в тех случаях, когда содержание сообщения вроде бы никак не связано с отношением говорящего к слушающему, это отношение все-таки выражается. Надо только уметь слушать (и читать).

Это, разумеется, не значит, что абсолютно на все «проявления» говорящего нужно реагировать так остро, как герой пушкинского стихотворения «Признание»:

Когда я слышу из гостиной
Ваш легкий шаг, иль платья шум,
Иль голос девственный, невинный,
Я вдруг теряю весь свой ум.
Вы улыбнетесь, — мне отрада;
Вы отвернетесь, — мне тоска...

Конечно, не так, но все же...

Очень важный момент здесь — обращение. Как называет говорящий своего собеседника? Колянчиком, Николаем Аркадьевичем, товарищем Анастасьевым или гражданином? Думаю, вы понимаете, что, делая такой выбор, говорящий уже объявляет о своих отношениях с собеседником. Для каждой ситуации существует своя, так сказать, норма, и именно отклонение от нее, как от чего-то наиболее ожидаемого, всегда наиболее информативно. Помните, как меняется обращение Тонкого к своему бывшему другу детства, ставшему Толстым (рассказ А. П. Чехова), и как это изменение лучше всего передает всю гамму изменений в отношении одного человека к другому.

Вдумайтесь в первые строки известного стихотворения К. М. Сиимонова: «Я вас обязан известить, что не дошло до адресата письмо, что в ящик опустить не постыдились вы когда-то». В этих строчках — отчужденность автора от своего адресата, сугубо официальное к нему отношение. Почему я так считаю? Потому что в стихотворении есть слова *Я вас обязан известить*. Не *хочу сообщить, спешу*

рассказать, к сожалению, вынужден, а как в казенном документе. И без всякого обращения!

Вспомните другие стихотворения-письма: «Товарищу Кострову из Парижа о сущности любви» В. В. Маяковского:

Простите
меня,
товарищ
Костров...

Или «Письмо к матери» С. А. Есенина:

Ты жива еще, моя старушка...

Обязательно нужно обращение, хоть какое-нибудь. А вот у К. М. Симонова — без обращения. И, прочитав стихотворение, завершающееся такой похожей на обычную и такой необычной подписью «Не уважающие вас, покойного, однополчане», мы понимаем, почему оно так начиналось...

О том, как важна форма обращения с человеком, писал А. С. Пушкин: «Пустое *вы* сердечным *ты* она, обмолвись, заменила».

Рассмотрим в этой связи иногда встречающиеся в русском языке *мы*. в предложениях типа *Как мы себя чувствуем*. Саркастический академик Дронов из пьесы С. Алешина «Все остается людям» не без оснований иронизирует над этой формулировкой: «Странный вы народ, доктора. Любите с больными на «мы». А «мы» не получается. Не по пути. Мы себя чувствуем по-разному».

Впрочем, это *мы* явно обращено к собеседнику, только говорящий выражает таким образом свое особое отношение к слушателю. Не близкое, как при *ты*, и не дистанцированное, как при *вы*, а такое, которое представляет и говорящего, и слушающего как одно целое, а самого говорящего воспринимающим заботы и проблемы, действия и поступки слушающего как свои собственные.

Чеховская Душечка говорила в подобных случаях: «Мы с Васичкой». А гоголевские герои Добчинский и Бобчинский даже попадали в несколько странное положение, выясняя, что же стоит за предложением:

ЗАЧЕМ МНЕ ВСЕ ЭТО, ЕСЛИ Я БУДУ РАБОЧИМ,
ИНЖЕНЕРОМ, МЕДИКОМ?

— «Э!» — говорю я Петру Ивановичу...
Нет, Петр Иванович, это я сказал: «Э!»
— Сначала Вы сказали, а потом и я сказал.
«Э!» — сказали мы с Петром Ивановичем...

Вспомните то место в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», где рассказывается о встрече Грушеньки с Катериной Ивановной. Катерина Ивановна называет Грушеньку на *мы*. И это слово очень точно передает отношение, которое вызывает у Катерины Ивановны Грушенька, вроде бы готовая вести себя так, как того хочется самой Катерине Ивановне.

Чрезвычайно выразительным средством выражения отношения говорящего к слушателю являются русские уменьшительно-ласкательные суффиксы. Когда здоровенный верзила приглашает малыша к себе на ручки, то естественно спросить, какие ручки он имеет в виду. Ясно, что не дверные. Ну а если свои собственные, то их, наверное, лучше было бы назвать ручищами, либо руками, но уж никак не ручками. А дело тут в том, что, пользуясь уменьшительно-ласкательным суффиксом, говорящий как бы встает на точку зрения малыша, приближается к нему, пытается употребить именно его языковые средства.

Парикмахер, спрашивающий: «Височки прямые или косые?» — в такой форме выражает свое уважительно-ласковое отношение к клиентам. И если предлагают горяченького супчику, когда вы с мороза, или холодненького молочка, когда на улице жара, то это не равнодушное меню, в котором перечисляется, что имеется горячий суп или холодное молоко, а заинтересованное желание говорящего сделать слушателю приятное. Конечно, подобные слова обычно из уст мамы или бабушки абсолютно искренни.

Однако не думайте, пожалуйста, что уменьшительно-ласкательные суффиксы непременно говорят об искренне добром отношении говорящего к слушателю. Ведь щедринский Иудушка тоже очень любил эти суффиксы, а обобранную им Арину Петровну называл: «Милый друг, маменька...»

Впрочем, любовь к уменьшительным суффиксам часто говорит просто о плохом вкусе говорящего, наивно полагающего, что таким способом он проявляет свою деликатность в обращении с людьми и утонченность в восприятии мира.

О заемных словах и искренних чувствах

Не нужно думать, что отношение говорящего (пишущего) к адресату сообщения непременно получает какое-то формальное выражение в виде соответствующего обращения, выбора ласковых или, наоборот, грубых слов, в употреблении уменьшительно-ласкательных суффиксов и т. п. Вовсе нет, такое отношение чаще всего происходит именно из содержания отправляемого сообщения.

В американских магазинах можно купить поздравительные открытки с текстами на разные случаи жизни, короткими и довольно длинными, стихотворными и прозаическими, юмористическими и очень серьезными. Дело покупателя — только выбрать то, что ему кажется наиболее подходящим, поставить свою подпись и отправить по соответствующему адресу. Лично мне этот способ общения между людьми очень не нравится.

Я, конечно, понимаю, что далеко не каждый может сочинить стихи или даже просто остроумный текст, но получателю, думаю, очень ценен тот труд души, который отправитель посвятил ему лично. И если такого труда души нет, то ясно, что отношение пишущего к читающему — весьма формальное. Его можно выразить и множеством других способов. Например, поздравляя человека с праздником и желая ему крепкого (доброе) здоровья, успехов в работе и счастья в личной жизни. Такой текст поздравления каждый каждому может отправить. Но разве, обращаясь к человеку, мы просто формальность пустую соблюдаем? Нет, конечно! Мы хотим сказать, как любим и ценим именно его, желаем хорошего именно ему, зная о его проблемах, интересах и обстоятельствах жизни. А если не знаем и подумать и представить не хотим, это прямо из текс-

та ясно: формальность соблюдена — и только. И получается, что, желая поздравить человека, мы обидели его своим невниманием. А ведь у нас была совсем другая цель. Только выполнили мы свое дело так, что уж лучше бы за него и вообще не брались.

Но очень часто пишущий (говорящий) просто не умеет выразиться иначе, чем с помощью затертых, формальных слов. Что тут посоветовать? Прежде всего, осознать эту свою неспособность и не испытывать удовлетворения после написания (произнесения) тех слов, какие могут относиться ко всем людям во всех подобных случаях. Затем подумать, чем тот человек, к которому вы обращаетесь, отличается от других людей вообще, а случай, по поводу которого вы что-то говорите (пишете), от других подобных случаев. И когда вы это поймете, не стесняйтесь искать свои собственные слова для того, чтобы это выразить. И если по форме будет получаться и не очень удачно, ни в коем случае не смущайтесь и не сворачивайте на проторенные пути. Важнее всего, чтобы в вашем письме (речи) было искреннее личное чувство и собственная мысль. Как, например, в письме М. Горького А. П. Чехову: «Сколько дивных минут прожил я за Вашими книгами».

Почему русский язык среди главных предметов?

Конечно, спор о том, какие школьные предметы главные, а какие не самые главные, — вещь неразумная. Человеческое общество в целом не может в наше время нормально существовать без любого из тех предметов, который изучается в школе. Можно даже специальные сочинения писать: «Что было бы, если бы не было биологии, физики, химии...»

Но жизнь устроена так, что всеми этими абсолютно необходимыми для человеческой жизни областями занимаются соответствующие специалисты.

Школа дает каждому основы многих знаний и умений, которые помогут человеку проявить свои силы и способности, оставить на

земле свой след. Чем с большим количеством областей знания, чем с большим количеством профессий сегодняшней школьник познакомился, тем легче ему сделать правильный выбор своего жизненного пути. И тем вернее он этот выбор сделает, если не только издали посмотрит на какую-нибудь область деятельности, узнает о ней из книг, но если уже в школьные годы как-то попробует себя в приглянувшейся ему области.

Знания для всех и знания для специалистов

Часто бывает, что, выбрав какую-то одну профессию, пусть и очень подходящую, человек жалеет, что все другие для него уже, таким образом, закрылись.

Поэтому я бы попробовал разделить школьные предметы не на главные и не очень главные, а на такие, которые необходимы в любой профессии, и такие, которые необходимы только в определенных профессиях. Это, конечно, не значит, что ко вторым можно как-то снисходительно относиться. Ведь, если школьник сам не получит знаний об этих предметах, соответствующие профессии вообще не откроются. А может быть, именно в них ваше призвание?!

Так без каких же предметов нельзя обойтись ни в какой деятельности?

По-моему, это литература и история. Я их полагаю для любых профессий важными потому, что благодаря им человек становится человеком, сыном или дочерью своего народа, частичкой своей страны, мостиком между прошлым и будущим. Из этих наук он понимает, зачем живет, что такое хорошо, а что — плохо. Душа и сердце начинают у него работать.

И еще один предмет для всех специальностей и профессий нужен. Это — математика. Вы, наверное, знаете, что «математика — это царица наук» и что «математика уже тем хороша, что ум в порядок приводит». Однако я о другом хочу сказать.

Каждому, по-видимому, приходилось играть в морской бой с игровым автоматом. И там, чтобы поразить цель, непременно нужно было целиться не в самый корабль, а с упреждением. Только тогда можно было выиграть. Вот так и с математикой для XXI века. К сожалению, нередко, выбирая профессию или специальность, человек ориентируется на то состояние соответствующей области, какое существует в ней сейчас, либо существовало в начале жизненного пути его родителей или кого-то из старших. А это совсем неправильно. Все равно как целиться без упреждения в движущийся предмет или плыть через реку с быстрым течением прямо на намеченное место. Ничего не получится — смет течением.

И поэтому еще один школьный предмет, который необходим человеку любой профессии и специальности, — это русский язык. Это умение говорить, писать так, чтобы тебя правильно понимали и, по возможности, принимали. Это умение читать и слушать таким образом, чтобы правильно понимать собеседника, обогащаться его мыслями и чувствами, укреплять свою позицию, если с чем-то не соглашаешься.

«Великий и могучий...»

Великий и могучий

Вы, наверное, не раз читали на стене кабинета русского языка или в школьном учебнике слова: «Карл Пятый, римский император, говаривал, что ишпанским языком с богом, французским — с друзьями, немецким — с неприятелями, италиянским — с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел в нем великолепие ишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность италиянского, а сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка» (М. В. Ломоносов). «Во дни сомнений, во дни тягостных разду-

мый о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!» (И. С. Тургенев).

И это совершенно точные и справедливые оценки.

А на практике изучение г р а м м а т и к и русского языка иногда сводится к сведениям типа: «В предложении имена прилагательные бывают определениями и сказуемыми»; «Числительные, состоящие из одного слова, — простые»; «Причастие с зависимым словом называется причастным оборотом» и т. д.

Неужели именно э т о и обеспечивает русскому языку и величие, и живость, и крепость, и нежность, и краткость, и выразительность? Разве именно э т о делает его великим, могучим, правдивым и свободным? Попробуем разобраться.

Одна из важнейших задач школьного предмета «русский язык» — научить человека, с детства владеющего русским литературным языком в устной форме, грамотно, без орфографических и пунктуационных ошибок писать. Прежде всего — п и с а т ь ! Иначе, дано: все слова и предложения русского языка в устной форме. Требуется: уметь записать все это по принятым в русском языке правилам орфографии и пунктуации (и исключениям из них).

Но для того, чтобы сформулировать эти правила, необходимы некоторые общие понятия, характеризующие «устройство языка»: гласные и согласные звуки, корни, приставки, суффиксы, окончания, существительное, прилагательное, числительное, глагол, наречие, союз, род, число, падеж, склонение, время, лицо, вид, наклонение, сложное и простое предложения, однородные члены и т. д. и т. п. Ведь почти любое правило орфографии и пунктуации непременно опирается на эти понятия.

Но помимо освоения правильного письма при изучении языка есть и другие задачи — развитие речи, выработка умений правильно и точно выражать свои мысли и так же правильно и точно понимать собеседника.

Возможности, предоставляемые русским языком, исключительно широки. Мы уже обсуждали вопросы о том, как по-русски можно обозначить (и скрыть) пол существа, количество предметов, различных участников события, разные типы отношения называемого действия к реальной действительности, многообразные характеристики глагольного действия.

И читатель, я надеюсь, понял, что одно и то же положение дел в объективной действительности можно выразить по-разному. Именно в этом русский язык велик и могуч, великолепен и нежен, краток и выразителен, правдив и свободен.

Мы обсуждали только вопросы, связанные с тем содержанием, которое может быть выражено грамматическими средствами языка. А лексические возможности русского языка еще ярче демонстрируют его величие и свободу. Можно сказать об одном и том же свойстве одного и того же человека, что он *принципиальный*, а можно сказать, что *неуживчивый, неуправляемый*. И ведь совсем уже другое получается: первое — положительное свойство, а второе — со знаком минус идет.

А о противоположном свойстве человека можно сказать *беспринципный* (т.е. со знаком минус), а можно — *гибкий, тонкий* (это теперь уже со знаком плюс). Можно сказать *казнокрадство, взяточничество* (куда уж хуже и яснее), а можно — *злоупотребление служебным положением* (тоже не очень хорошо, однако уже не совсем ясно; так и вспоминается гоголевский Ляпкин-Тяпкин с его: «А что ж вы полагаете, Антон Антонович, грешками? Грешки грешкам — рознь»). А героиня комедии А. Н. Островского «Доходное место» еще дальше пошла: «Взятки! Что за слово — взятки? Сами ж его выдумали, чтобы обижать хороших людей. Не взятки, а благодарность! А от благодарности отказываться грех...» Как тут не представить взякодателя, обещающего «отблагодарить»...

А вот *скромный* и даже *застенчивый* — прилагательные, называющие хорошие качества человека. В отличие, например, от *дерзкий, наглый, нахальный, беспардонный*. Но когда об одном из гене-

ралов на вопрос о том, каков он в бою, отвечают: «Застенчив», — мы не можем не восхищаться ни блеском ответа, ни богатейшими возможностями русского языка, позволяющего так «необидно» вроде бы назвать такое отвратительное качество, как трусость.

Подобного рода примеров, показывающих, что русский язык располагает средствами для выражения тончайших оттенков мысли и чувства, каждый, думаю, и сам приведет немало.

Надеюсь, вы понимаете, какая разница существует между подходом к языку с точки зрения орфографии и пунктуации и с точки зрения того содержания, которое может быть выражено с помощью языка. Именно подход со стороны содержания и оправдывает те блистательные оценки, которые давали русскому языку выдающиеся деятели не только русской, но и иных культур.

Так вот, каждый человек, независимо от той деятельности, которую он для себя изберет, непременно должен уметь грамотно писать, уметь четко и ясно излагать свои мысли, правильно понимать то, что изложено другими. И речь идет не о том, чтобы непременно стать хорошим оратором, как Цицерон или Демосфен, хотя вообще-то развивать в себе такую способность я бы очень советовал, особенно тем, кто хочет быть руководителем коллектива. И не о том, чтобы научиться писать так, как Л. Н. Толстой или С. А. Есенин. Речь идет о том, чтобы уметь выразить свою мысль и уметь понять мысль другого.

Чтобы всегда правильно понять и быть понятым

И опять предвижу возражение. Да неужели я не умею на русском языке сказать то, что хочется, и понять то, что говорит по-русски мой собеседник? И да, и нет. Вспомните страдания Павла Власова после эпизода с «болотной копейкой», когда он мучается тем, что «не сумел сказать». Или радость поэта по поводу того, что «ужели слово найдено?». А в вашем жизненном опыте разве не было случаев, когда вы чувствовали, что не можете найти подходящих слов, чтобы точно выразить свои мысли? Неужели ни разу не было в ва-

шей жизни таких случаев, когда ваш собеседник говорил: «Извините, вы меня неправильно поняли»? Хотя значительно чаще и говорящий (пишущий) доволен тем, как он высказался, и слушающий (читающий) абсолютно уверен в том, что он все понял.

Однако важно, чтобы такой эффект от общения людей (устного или письменного, неважно) возникал не чаще, а всегда и не только по оценкам каждого из участников общения, но объективно. Вот этому необходимо учиться, овладевая предметом русский язык, человеку любой профессии.

Для удобства «юноши, обдумывающего житье», все профессии распределили условно на пять групп в зависимости от типа объекта приложения трудовой деятельности: человек — человек (учитель, воспитатель детского сада), человек — техника (инженер на заводе, рабочий-станочник), человек — информационная система (программист, шифровальщик), человек — природа (лесник, ветеринар) и человек — художественный образ (поэт, музыкант).

Начнем с конца. Думаю, не нуждается в комментариях то положение, что писатель или поэт должен как можно лучше уметь пользоваться богатствами родного языка. Причем, в частности, хорошо понимать, какой набор ассоциативных, образных представлений связан с тем или другим средством. Сравните, например, существительное *парус* и образ гордого, одинокого, мятежного человека, борющегося со стихией (лермонтовский «Парус»), или тот образ, который возникает в связи с «Алыми парусами» Александра Грина, — образ человека мужественного, целеустремленного, надежного, любящего и любимого.

Однако все эти образы куда-то пропадают, когда то же существительное *парус* оказывается рядом с прилагательным *полотняный*, например в рассказе о родовом поместье предков Н. Н. Гончаровой, жены А. С. Пушкина, основавших полотняный завод для изготовления парусов царского флота.

Насколько важно умение правильно пользоваться языковыми возможностями, работая в системе «человек — человек», и гово-

речь не приходится. Ведь здесь часто от того, что сказано (и что не сказано), и от того, как сказано, все зависит.

Говорят, что настоящим учителем человек может стать лишь после того, как научится произносить сорока способами одно слово *да* и шестьюдесятью способами слово *нет*. Попробуйте, сколько у вас разных *да* и *нет* получается. Абсолютно категорические, сомневающиеся, шуточные...

А лучшие русские медики всегда утверждали, что врач, после одного разговора с которым больной не почувствовал себя лучше, вообще не врач. Все, наверное, знают, что «слово лечит — слово ранит», что «слово — полководец человеческой силы», что «доброе слово и кошке приятно»... Только как найти в каждом случае именно то самое нужное слово? Свободно и непринужденно говорить о том, что важно и нужно?

Четыре совета на прощание

Ну что же, попробую наметить некоторые ориентиры. Во-первых, старайтесь всячески избегать словосочетания *нет слов*. Наверное, из главы о залоге вы поняли, что в этом словосочетании опущен субъект описываемого таким образом состояния. У кого нет слов? В русском языке? Не может быть! Помните, как сказал А. Т. Твардовский: «Все есть слова — для каждой сути». Так, значит, именно у говорящего нет. Но не надо спешить так сразу признаваться в своей интеллектуальной беспомощности. Ведь у вас, если вы, например, воспитатель детского сада, другая задача была. Рассказать о красоте мокрого разноцветного луга, переливающегося под лучами утреннего солнца, или, может быть, похвалить маленькую Катю за то, что она так аккуратно и быстро собрала свои вещи, или возмутиться нерадивыми строителями, уже пять лет назад огородившими соседнюю территорию, испортившими дорожки и ничего не построившими. А про все это только *нет слов!*

Совет второй. Прежде чем говорить, подумайте, что же именно вы хотите сказать. Не стесняйтесь задать себе вопрос, стоит ли об этом вообще упоминать. Интересно ли это будет вашему собеседнику? И только если да, то начинайте. И, пожалуйста, представьте ситуацию, о которой собираетесь рассказывать, поточнее. А если этой ясности не получается, может быть, лучше пока помолчать? Ведь не зря один философ утверждал, что обо всем, о чем нельзя говорить ясно, следует молчать. Но, допустим, ситуация для вас ясна и вы уверены, что собеседник о ней должен тоже знать. Тогда действуйте!

Совет третий. Решите, как вы будете рассказывать: со всеми деталями, подробностями, нюансами или в самом общем виде. Или и так, и так. О чем-то подробно, а о чем-то вскользь. Так о чем же как? И почему? Если подробно, то это не только больше времени требует, но и более конкретных по значению слов, т. е. надо говорить: *река, пруд, озеро* (а лучше — с прилагательными), а не *водоем*; *Коля, Валя, Лева*, а не *ребята*; *коричневый, черный, синий*, а не *темный*; *купанье, разговор, обед, ссора*, а не *событие*; *прибежать, подплыть, слететь, притащиться*, а не *двигаться* или *перемещаться*. Хочу надеяться, что, прочитав предшествующие главы, вы уже знаете, как можно обозначить пол существа, а как оставить его невыраженным, как сообщить о количестве предметов точно, а как — приблизительно, как обозначить всех участников события, а как — только некоторых, как охарактеризовать действие со всех сторон, а как — только назвать его, как и по отношению к чему можно точно локализовать действие во времени, а как оставить этот вопрос без рассмотрения, как выразить желательность или необходимость (для кого?) действия, а как ничего об этом не сказать. Только теперь, поняв общую идею, не замыкайтесь исключительно в названных областях, а идите дальше. Смелее!

А тут, действительно, целое море проблем. Мы ведь только о том небольшом количестве смыслов упомянули, которые могут выражаться в русском языке с помощью грамматических средств. А на

самом-то деле их много больше: как выразить просьбу, как поблагодарить, как извиниться, как смягчить неприятное известие, как ответить виды интеллектуальной деятельности человека...

Не нужно, конечно, предполагать, что, строя свой рассказ о событии или ситуации, вы будете думать только о краткости или подробностях рассказа. У вас, наверное, и какие-то личные оценки будут. Кто себя хорошо проявил, а кто — не очень, что понравилось, а что — нет. Подумайте об этом специально и тоже найдите соответствующие средства.

Совет четвертый — учитывайте, в какой обстановке вы находитесь. Не говорите одними и теми же словами и предложениями за чаем с родителями и с трибуны собрания, со второклассником и завучем школы. Не старайтесь писать в точности так, как говорите, и не говорите такими длинными и синтаксически сложными предложениями, какие можно написать. (В наше время *Говорит — как пишет* — комплимент сомнительный, попробуйте начать вслух читать хотя бы текст учебника, и вы увидите, что ваш учитель рассказывает о тех же вещах, используя часто совсем другие слова и синтаксические конструкции.)

Умение разумно пользоваться средствами языка необходимо при любом человеческом общении. А такое общение обязательно происходит не только в трудовом или школьном коллективе, но и в семье, и в компаниях, и при мимолетных встречах, например в магазине, на улице или в транспорте. И во всех этих ситуациях надо знать не только, что хочешь сказать, но и как именно наилучшим образом все это выразить с помощью языковых средств. Попробуйте следовать четырем советам и посмотрите, что будет получаться.

...и два предостережения

Однако хочу сделать два предостережения. Во-первых, все мои четыре совета, в «перевернутом», конечно, виде, и к вам, как к слушателям, относятся. Сначала подумайте, интересно, важно ли для вас

то, о чем рассказывают. И если да, то слушайте очень внимательно. А слушая, старайтесь понять, все ли вам сказано или нет. И если что-то опущено, то подумайте почему. А если какой-то момент собеседник все время на все лады подчеркивает, то тоже подумайте, что бы это значило. И соответствующие вопросы задайте — на то и беседа, чтобы можно было тактично и прерывать, и уточнять, и переспрашивать. (Когда письменный текст читаешь, там таких возможностей нет, зато один и тот же текст можно перечитывать много раз.) И не упускайте во время беседы всяких мелочей, которые показывают, как говорящий к вам лично относится. А также всего того, что именно вашего собеседника характеризует как личность.

Не уподобляйтесь токующему глухарю, который слышит только самого себя. Обязательно умейте и другого выслушать и понять. Эта способность совершенно необходима при любом общении (и на работе, и в семье, и на улице).

И предостережение второе. Нет ничего опаснее для общения, чем грамматически правильное соединение таких слов, за которыми либо ничего не стоит, либо неясно, что стоит. Бывают, правда, иногда ситуации, когда люди говорят не ради того, что сказано, а для того, например, чтобы познакомиться или прервать неловкое молчание. В этих случаях обычно вырывает вопрос о том, который час, либо разговоры о погоде.

Однако я не об этих случаях. А о том, что *достигнуты определенные успехи, хотя имеются и отдельные недостатки*. Предложения такого типа у каждого из нас в памяти. И мы даже ситуации представляем, когда эту штампованную продукцию выкладывали не задумываясь. А попробуем задуматься.

О каких успехах идет речь? Когда по двадцать центнеров с гектара или когда по сорок? А для кого недостатки? И как достигнуты успехи? В результате организованной работы, умелого использования техники или в результате трехдневного аврала? Да и кем достигнуты? Кто же именно работал, старался? Почему их не назвать прямо?

А имеются недостатки? Что за вневременное значение формы глагола в настоящем времени?

Всегда были недостатки или только теперь появились? И у кого именно они имеются и какие? И чего же все-таки больше, по мнению говорящего, успехов или недостатков, пусть и не очень ясных?

Итак, слова все сказаны, грамматически все верно, но... формально правильно, а по существу издевательство. Не надо издеваться над русским языком. Да он и не позволяет над собой издеваться. Он просто показывает, что на нем даже и пустоту можно выразить. Такой он великий и могучий! А издевается над собой тот, кто пустоту словами оформляет. Недостойное это человека занятие. И тем более недостойное, если им занимается человек, у которого в руках такое богатство, как русский язык.

Слово или мысль?

Известно старое изречение «Искони бе слово», т. е. «Сначала было слово». Только многие считают, что это неправильный перевод на старославянский древнегреческого *logos*, которое означало не только «слово», но и «мысль».

Этот корень остался у нас во многих словах, таких, например, как *биология*, *геология*, *иммунология*, *вирусология*, *социология*, *филология*. Первая часть в слове *филология* (*phileo*) означает «люблю», значит *филолог* — это тот, кто любит слово. И если здесь все так, то *биология* — это «слова о жизни», *геология* — «слова о земле», *иммунология* — «слова об иммунитете», *вирусология* — «слова о вирусах», *социология* — «слова об обществе». Неужели все названные науки только слова, слова, слова? Конечно же, нет! Это мысли, знания о жизни, земле, иммунитете, вирусах, обществе. Филологам тоже нужно учитывать, что предмет их занятий не слова, а мысли, выраженные словами.

Грамматика русского языка прежде всего средство выражения мысли. А уметь наилучшим образом выражать свои мысли и понимать чужие нужно каждому человеку, независимо от его специальности и профессии.

Надеюсь, вы поняли, что ошиблись, посчитав занятия русским языком для себя законченными, даже если у вас в аттестате по русскому четверка и вы не собираетесь поступать на филфак?

ИЗУЧАЯ РОДНОЙ ЯЗЫК, МОЖНО УЗНАВАТЬ
О ЕГО ВОЗМОЖНОСТЯХ ВСЕ БОЛЬШЕ И БОЛЬШЕ,
НО НИКОГДА НЕЛЬЗЯ УЗНАТЬ ВСЕ

Дорогие читатели! Углубление и расширение ваших знаний по тем проблемам, которые затронуты в книге, может идти по четырем направлениям.

Первое — знания о грамматическом строе русского языка. Об этом можно почитать в следующих книгах:

Виноградов В. В. Русский язык — М., 1972.

Русская грамматика. — М., 1980.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. — АЛ., 1977.

Названные книги являются научными исследованиями, и чтение их потребует определенной подготовки и серьезных усилий.

Ценные сведения о грамматике, преподнесенные в живой, увлекательной форме, можно почерпнуть из научно-популярного издания:

Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание) для среднего и старшего школьного возраста/Составитель М. В. Панов. — М., 1984.

Второе — знания о правилах употребления той или иной грамматической формы. Об этом наиболее полно и точно расска-

зано в книге Л. К. Граудиной, В. А. Ицковича и Л. П. Катлинской «Грамматическая правильность русской речи» (М., 1976), которая также принадлежит к научным исследованиям, и тот, кого это обстоятельство смущает, может обратиться к следующим научно-популярным книгам:

Граудина Л. К. Беседы о русской грамматике. — М., 1983.

Розенталь Д. Э. А как лучше сказать? — М., 1988.

Третье — знания о «правилах поведения» для говорящего и слушающего. Об этом можно почитать в следующих научно-популярных книгах:

Гольдин В. Е. Речь и этикет. — М., 1983.

Формановская Н. И. Вы сказали здравствуйте. — М., 1982.

Тот, кто не боится специальных научных работ, может познакомиться с книгой «Новое в зарубежной лингвистике», выпуск XVI (М., 1985).

И, наконец, четвертое — использование компьютеров в автоматической обработке текстов. Эту проблему освещают следующие научно-популярные книги:

Журавлев А. П. Языковые игры на компьютере. — М., 1988.

Кондратов А. М. Машинный перевод. — М., 1967.

Рафаэл Б. Думающий компьютер. — М., 1979.

Тому, кто хотел бы попробовать свои силы в решении задач, связанных с передачей лингвистической информации в память компьютера, можно рекомендовать книгу «Лингвистические задачи» (М., 1983), где представлен обширный список литературы по различным вопросам прикладного языкознания.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Чем занимается грамматика? **5**

О чем эта книга и как она построена. **9**

ГЛАВА 1

**ГРАММАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СЛОВ
И СВОЙСТВА ПРЕДМЕТОВ, ПРИЗНАКОВ И ДЕЙСТВИЙ**

Род существительного и пол существа **12**

Купил пальто и брюки. Сколько предметов куплено? **26**

Что такое падеж? **37**

Кукла и одушевленность **47**

Яркий, ярковатый, самый яркий **50**

О каком совершении говорит глагол совершенного вида? **55**

Дело сделано или его только можно, нужно или хочется сделать? **75**

Время глагола и время действия **85**

О чем позволяет молчать страдательный залог глагола? **95**

Зачем нужно деепричастие? **107**

ГЛАВА 2

**ПРИХОДИТСЯ СЧИТАТЬСЯ И ПРОСТО
С КАПРИЗАМИ ФОРМЫ** **113**

Все ли имена склоняются? **114**

Только ли окончания изменяются при спряжении глагола? **123**

А бывают еще и чередования **128**

ГЛАВА 3

**А ЗАЧЕМ ВСЕ ЭТО НУЖНО, ЕСЛИ Я БУДУ РАБОЧИМ,
ИНЖЕНЕРОМ ИЛИ МЕДИКОМ?**

Всегда ли существует единственный лучший способ выразить
свою мысль? **135**

Умение понять другого **141**

Почему русский язык среди главных предметов? **151**

Изучая родной язык. можно узнавать о его возможностях
все больше и больше, но никогда нельзя узнать все **164**

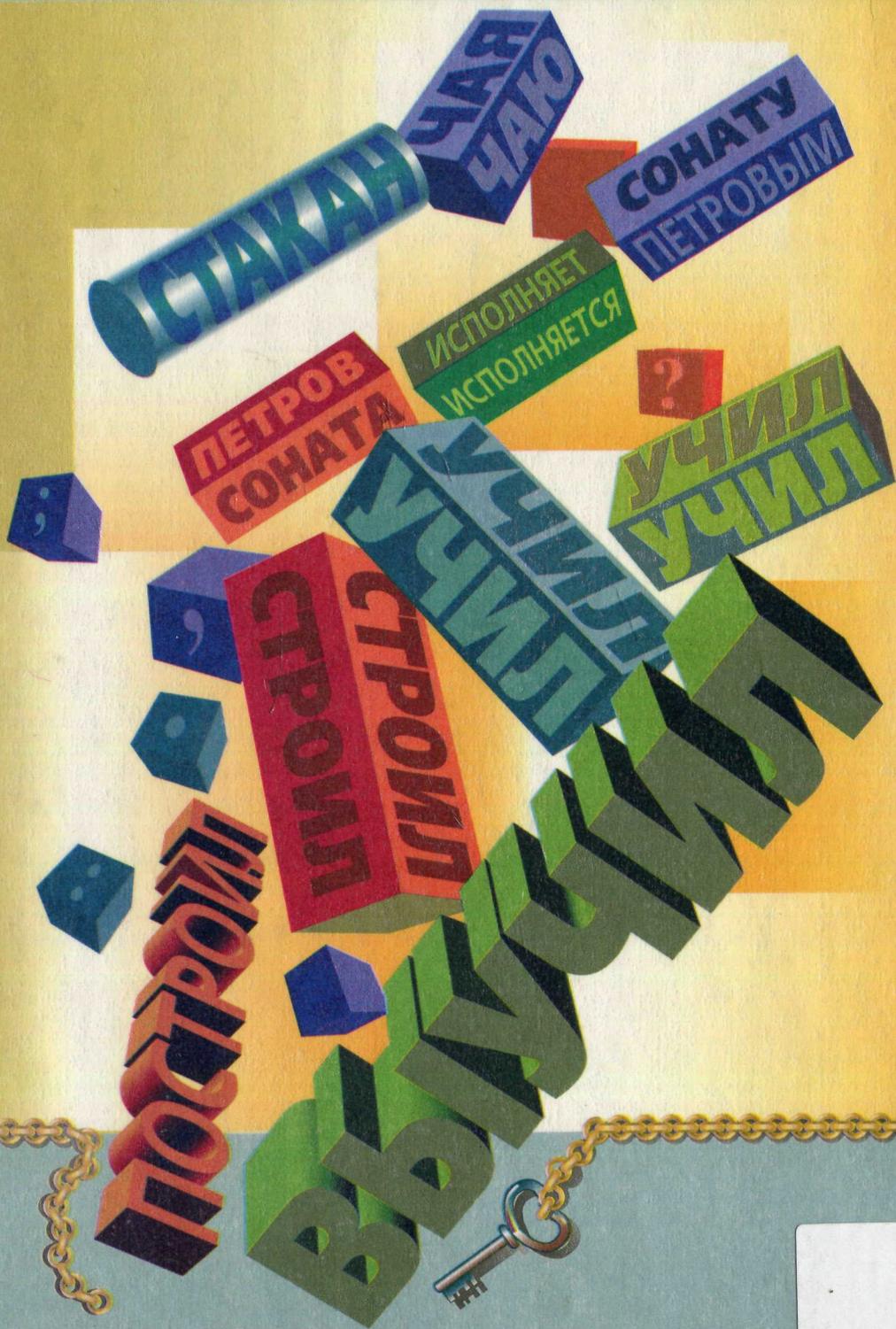
Научно-популярное издание
Милославский Игорь Григорьевич
Зачем нужна грамматика?

Редактор **М. И. Лобзина**
Художественный редактор **Н. Г. Ордынский**
Корректор **Л. Н. Федосеева**
Компьютерная верстка **И. Д. Ласоцка**

Текст набран гарнитурой
Официна Санс
(автор кириллической версии
Тагир Сафаев, 1994).
ParaType

000 «Торгово-издательский дом «Русское слово – РС»
119034, Москва, Пречистенская наб., д. 15, стр. 2
Тел. (095) 202-62-37
Издательская лицензия ЛР № 006019 от 22 июля 1998г.
Гигиенический сертификат № 77.99.6.953.П.608.2.99 от 12.02.99 г.
выдан Департаментом госсанэпиднадзора Минздрава России

Подписано в печать 7.12.98. Формат 70х90/16.
Печать офсетная. Печ. л. 10,5.
Тираж 2000.Заказ 2127.
Государственное унитарное предприятие ордена Трудового Красного Знамени
полиграфический комбинат Государственного комитета Российской Федерации
по печати. 410004, Саратов, ул. Чернышевского, 59.

СТАКАН
ЧАЮ

СОНАТУ
ПЕТРОВЫМ

ИСПОЛНЯЕТ
ИСПОЛНЯЕТСЯ

ПЕТРОВ
СОНАТА

?

УЧИЛ
УЧИЛ

УЧИЛ
УЧИЛ

СТРОИЛ
СТРОИЛ

ПОСТРОИЛ

ВЫУЧИЛ

